

Е.Н.МОЩЕЛКОВ

ПЕРЕХОДНЫЕ

ПРОЦЕССЫ

В

РОССИИ

**Издательство
Московского университета**

Е. Н. МОЩЕЛКОВ

ПЕРЕХОДНЫЕ

ПРОЦЕССЫ

В

РОССИИ

Опыт
ретроспективно-компаративного
анализа социальной
и политической динамики

Издательство
Московского университета

1996

ББК 66.01
М 87

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *В.И.Коваленко*,
доктор философских наук, профессор *В.Г.Кузнецов*

Издание осуществлено в авторской редакции

Мошелков Е.Н.

М 87 **Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики.** – М.: Изд-во МГУ, 1996. — 152 с.

ISBN 5-211-03760-X

Монография посвящена проблемам переходных процессов в России. Применяя методы ретроспекции и компаративистики, автор анализирует тенденции, механизмы и детерминанты социальной и политической динамики российского общества.

Для политологов и философов, всех интересующихся вопросами переходных процессов.

077 (02) - 96 - заказное

ББК 66.01

ISBN 5-211-03760-X

© Е.Н.Мошелков, 1996

“... Так называемые переходные эпохи в истории человечества... приковали к себе мое внимание. Меня влекла к ним не одна трагическая красота, в какую они облечены, а желание услышать последнее слово всякого отходящего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей. Мне казалось, что только здесь можно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле”.

Т.Н. Грановский (1849 г.)¹

“... Приложение эволюционной теории к законам морального и социального мира и к истории именно на русской почве должно получить особую окраску... Западные формулы оказываются, пожалуй, объясняющими ход западной истории, но к нашему историческому опыту неприложимы... Французы и немцы склонны верить в какую-то *прямолинейность* истории..., русские ученые призваны освободить теорию прогресса от этой *иллюзии*”.

Н.И. Кареев (1884 г.)²

ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ: Вместо предисловия

Особое внимание науки к определенным проблемам социальной жизни обуславливается всякий раз множеством факторов. Но, безусловно, первостепенным из них необходимо признать объективную роль и значение этих проблем в конкретно-исторических условиях постоянно развивающегося общества, в реальном социальном процессе на той или иной стадии его развития.

В последнее время как в научной, так и в публицистической литературе, посвященной современным проблемам развития общества, стали широко употребляться такие понятия как “переходный период”, “переходный процесс” и т.п. Наверное, не нужно глубоко искать причины этого явления. Различные и достаточно обширные ре-

¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 315.

² Кареев Н. Лекция о духе русской науки. Варшава, 1885. С. 17–18.

гионы мира, прежде всего государства на территории бывшего СССР и Восточная Европа, переживают в настоящее время радикальные реформации, пытаются в достаточно короткие исторические сроки порвать с прошлым и *перейти* в качественно новое общественное состояние. Поэтому осмысление современного периода при любых подходах и исследовательских задачах с необходимостью связано с проблемой переходности как качественно своеобразным и относительно конкретным общественно-историческим феноменом.

Современные переходные процессы имеют целый ряд характеристик, существенно отличающих их от аналогичных социальных сдвигов в прошлые века истории человечества.

Во-первых, переходные явления и процессы в настоящее время имеют глобальный характер, ибо мы являемся свидетелями не просто перемен в социальных порядках отдельных стран и регионов, а перехода всего мирового сообщества на новую ступень научно-технического и социального прогресса. Грядущее общество – постиндустриальное, информационное, техногенное и т.д. – предполагает принципиально новые способы и технологии взаимодействия человека и природы, новые типы общественных отношений, новое качество человеческой жизни.

Человечество в своей истории уже не раз переживало эпохи кардинальных переворотов в различных общественных сферах. Но если в прошлом такие перевороты происходили главным образом в так называемой цивилизованной части мира (в Европе, позже также и в США) и с большим запаздыванием и только отчасти изменяли условия жизни периферии, то сейчас с необходимостью социальный скачок охватил все мировое сообщество, которое представляет собой единый и целостный политический и социально-экономический организм. На смену евроцентристской (или американо-евроцентристской) модели научно-технической и технологической революции прошлых веков приходит в настоящее время глобальная (планетарная) трансформация мирового порядка, в которой должны органично соединиться и проявить себя социальный опыт и социальная специфика множества цивилизаций, существующих в современном мире.

Во-вторых, человечество в настоящее время впервые оказалось в такой полосе своего развития, когда для перехода на новую ступень социальной эволюции недостаточно только политических и социально-экономических изменений. Необходима новая модель взаимодействия человека и природы, поскольку состояние окружающей среды достигает в настоящее время критической черты, за которой становится проблематичной сама выживаемость человека как живого существа. Поэтому современная трансформация мирового сообщества имеет не только социальные, но и ноосферные измерения. Наверное, действительно, впервые человечество, вставшее на путь обновления и переустройства своей жизни, должно думать не только

о преодолении возникших политических и социально-экономических противоречий, но и об аномальных процессах, происходящих в окружающей природной среде.

В-третьих, угрозы, которые подстерегают человечество в переломную эпоху, создают объективные предпосылки как для объединительного процесса в политической, экономической, экологической и других общественных сферах, так и для выработки новых нравственных норм, которые были бы понятны представителям различных национально-государственных, социокультурных, конфессиональных традиций и приемлемы для них. Нужны универсальные нравственные императивы, способные облегчить существование человека в эпоху болезненной ломки ценностей, ориентиров, мироощущений.

Можно привести множество примеров из современной общественной жизни, свидетельствующих о том, что потребность в таких императивах осознается все большим количеством людей. Символично в этом отношении Апостольское послание (энциклика) Папы Иоанна Павла II "Свет Востока" ("Orientale Lumen"), в котором он призвал к единению различных ветвей христианства, преодолению канонических и других разногласий во имя высших ценностей — сохранения и усовершенствования человеческой жизни на Земле¹.

И наконец, в-четвертых, современные научные знания и осмысление предшествующего социального опыта в настоящее время создают возможность активного вмешательства человека в ход преобразовательных процессов. Не нужно преувеличивать потенциал человеческой воли и энергии в противоборстве с неизмеримо более могущественными силами природы, но нельзя и преуменьшать способность современного человека прогнозировать и корректировать социальные и политические процессы, ослаблять действие катастрофических и бифуркационных явлений, сводить к минимуму наиболее болезненные последствия, которыми чреваты социальные инновации.

Перечисленные выше специфические характеристики современных переходных процессов и кардинальных общественных изменений заставляют по-новому посмотреть и на саму проблему переходности в обществе.

Для исследователя социальных процессов переходные периоды являются своеобразной барокамерой общественной жизни, созданной объективным ходом истории. Это такая фаза развития общества, изучая которую можно наиболее глубоко проникнуть в природу и направленность развития социальной жизни. С одной стороны, переходное или переломное состояние в обществе является кульминационной стадией обострения общественных противоречий, социальных конфликтов, что позволяет наиболее точно диагностировать

¹ Текст послания опубликован в "Вопросах философии" за 1996 г., № 4, с. 48–69.

“болезни” общества. С другой — в этот период зарождаются элементы, ячейки новых социальных отношений, рождаются новое общество, новые условия и типы социальной жизни. Все это помогает приблизиться к самой главной задаче всякого социального исследования — к пониманию механизмов социальной динамики, воспроизводства социальной жизни.

Проблема переходности уже не в первый раз попадает в центр внимания философской и социально-политической науки. Напротив, существует определенная закономерность исторической эволюции социального познания: с изменением научной парадигмы принципиально менялись представления о переходных процессах, о причинах и способах изменения общественных порядков.

При более внимательном рассмотрении данной проблемы указанная зависимость представляется очевидной: от того, как мы представляем себе ход (механизмы, детерминанты) социального процесса, зависит и наше понимание того, как (и почему) происходит *переход* от одной ступени качественного состояния общества в другому.

В истории философской и социально-политической мысли существует множество моделей и концепций общественного развития, которые, по сути, сводятся к двум фундаментальным парадигмам¹.

Эти фундаментальные парадигмы исторического процесса дают принципиально отличные друг от друга объяснения хода и механизма человеческой истории. Элементы этих парадигм обнаруживаются уже в учениях античности, но развернутое теоретическое обоснование они получают позже — в Новое и даже Новейшее время. Речь идет, во-первых, о парадигме линейно-поступательного или стадияльно-восходящего прогресса и, во-вторых, о парадигме круговорота истории, замкнутого цикла (рождение — созревание — гибель) эволюции локальных общественных систем. В основе этих парадигм лежат два фундаментальных представления о времени вообще и о социальном времени в частности: хронология (фиксация поступательного хода событий, прогрессивного или регрессивного развития общества) и хронометрия (фиксация циклически повторяющихся событий и явлений как в природе — например, суточный или годовой цикл, так и в обществе). В реальном природном и общественном процессе хронологическое и хронометрическое время практически не

¹ Автор настоящей работы следующим образом определяет понятие “научная парадигма”: это “субъективный образ или мыслимая картина мира, основанные на одном из фундаментальных свойств развивающегося бытия”. Не трудно заметить, что данная трактовка отличается от дефиниции Т. Куна: “Под парадигмой я понимаю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения” (Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11). А именно это определение получило после перевода книги Т. Куна на русский язык наиболее широкое распространение среди отечественных обществоведов (см., например: Яковец Ю.В. Истоки и перспективы формирования постиндустриальной парадигмы обществоведения. М., 1996).

существуют в "чистом" виде, а накладываются друг на друга¹. Это обуславливает периодическое появление в истории человеческой мысли не только "линейных" и "циклических" парадигм, но и моделей, являющихся синтезом линейности и цикличности.

Появление и господствующее положение тех или иных парадигм исторически обуславливаются конкретными условиями и обстоятельствами, хотя сама эта связка теоретической модели времени и концепции социума, истории имеет, по-видимому, более фундаментальную основу и обусловлена какими-то едиными законами природы и общества.

Теории мирового исторического развития, в основе которых находилась идея о восходящем прогрессе, появляются в Европе в первой половине XVIII в., в условиях разложения феодально-аристократических режимов, когда деградация нравов и умонастроений правящих кругов входила в вопиющее противоречие с пробивающими себе дорогу модернизационными тенденциями в области науки, культуры, техники и промышленности. Становились все более очевидными неминуемый крах старых порядков и возникновение новых, в которых будет господствовать разум и прогресс. В ведущих европейских странах в этих условиях наблюдается мощный всплеск философской и политической мысли, вошедший в историю под названием Просвещения.

Не надо преувеличивать, но и преуменьшать значение и роль проблемы переходности в воззрениях просветителей. С одной стороны, эта проблема не могла для них иметь первостепенное значение, ибо бесконечный и почти фатальный прогресс (суть представлений просветителей об истории) рано или поздно делал неизбежным переход от одной общественной системы к другой. Но вместе с тем сам прогресс многими просветителями понимался не только как поступательный, но и как дискретный процесс, в котором прогресс сочетается с регрессом, во время которого вполне могут быть попятное движение, тупики, зигзаги и т.д. Отсюда и проблема перехода становилась многовариантной, зависимой от специфических и конкретно-исторических условий, которые нужно изучать и учитывать в практической деятельности, в которой, как известно, многие просветители принимали самое активное участие.

¹ В отечественной научной литературе данная тема (парадигмы социального времени – парадигмы исторического процесса) никогда фундаментально не разрабатывалась, хотя целый ряд ученых подходил к ней вплотную. См.: *Барз М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 62–99; *Гобозов И.А.* Смысл и направленность исторического процесса. М., 1987. С. 52–60; *Артыков Т.А., Молчанов Ю.Б.* О всеобщем и универсальном характере времени // *Вопросы философии.* 1988. № 7. С. 134–140; *Полетаев А.В., Савельева И.М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М., 1993. С. 148–166; *Панарин А.С.* Философия политики. М., 1994. С. 62–91; и др. Из западных исследований необходимо выделить следующее: *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996. В этой книге, которая имеет прежде всего учебные цели, анализируется историческая эволюция идей и теорий прогресса и цикла.

Именно на стыке этих двух противоречивых посылок и формируются взгляды просветителей на проблему переходности.

Ключевым для понимания этих взглядов является понятие "порядок", которое встречается практически у всех философов и политических мыслителей XVIII – начала XIX в. Без этого понятия они не могут обойтись при описании сущности развития как в природе, так и в обществе, и в определенном смысле через понятие "порядок" ими объясняются необходимые взаимосвязи природного и социального миров.

Кондильяк, например, находит "порядок" во всех сферах человеческой деятельности и считает, что это происходит потому, что "...сама природа указывает порядок..."¹. О том, что существует "естественный порядок вещей", говорит и Морелли². Дидро же как бы подводит итог отдельным высказываниям Кондильяка и Морелли: "...Хаос есть нечто невозможное, так как имеется порядок, естественно соответствующий изначальным качествам материи"³.

Выше приведены мысли просветителей, относящихся к старшему поколению (40–50-е гг. XVIII в.). Понятие "порядок" остается важнейшим и в воззрениях просветителей позднего поколения (конец XVIII в.). У Гердера, например, мы находим такое замечание: "...Я иду по лабиринту истории и повсюду вижу божественную гармонию и порядок..."⁴. Понятие "порядок" встречается и в работах Канта⁵.

Развернутую концепцию порядка дает в "Системе природы" Гольбах. "То, что мы называем *порядком* в природе, – пишет он, – есть строго необходимый способ бытия последней или столь же *необходимое* расположение ее частей"⁶, "... *порядок* – это необходимая цепь причин и следствий, совокупность которых, их связь и действие мы видим или воображаем"⁷. Порядок – это фундаментальная характеристика бытия, равно относящаяся и к природе и к обществу. "Порядок в политическом обществе, – по мнению Гольбаха, – есть результат необходимой цепи идей, желаний, действий составляющих его людей, деятельность которых направлена таким образом, что они содействуют либо сохранению целого, либо его распаду"⁸.

Но абсолютен ли, постоянен ли порядок, по Гольбаху? Нет. По мнению этого французского философа, даже беглый взгляд на историю человечества говорит о том, что она изобилует периодами, которые нельзя отнести к "порядку". Поэтому в концепции Гольбаха существует антиномия "порядку" – категория "беспорядок".

¹ Кондильяк. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1980. С. 299.

² Морелли. Кодекс природы, Или истинный дух законов. М.; Л., 1956. С. 149.

³ Дидро. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 352.

⁴ Гердер. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 455.

⁵ См.: Кант. Сочинения: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 11.

⁶ Гольбах. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 105.

⁷ Там же. С. 351.

⁸ Там же. С. 110.

“Порядок” и “беспорядок” у Гольбаха, – взаимосвязанные категории, необходимые антиномии реальной и мыслимой истории.

Каково же соотношение “порядка” и “беспорядка” в истории? Для Гольбаха ответ на этот вопрос ясен: “Беспорядок *всегда* (здесь и далее в данной цитате подчеркнуто нами. – Авт.) есть лишь *переход* какого-либо тела или существа к новому *порядку*, к новому способу существования... Чем быстрее совершается этот переход, тем больше беспорядок, испытываемый соответствующим существом”¹.

Таким образом, беспорядок – это содержание, качественная характеристика переходных состояний, которые есть отклонение от нормы, от нормального, упорядоченного состояния общества. Гольбах употребляет такой термин, как “прискорбные беспорядки”². Эти беспорядки или переходы, переходные периоды как аномальные полосы общественного развития нужно пережить, воспринимая их как трагическую неизбежность человеческого существования.

Циклические теории мировой истории появляются в России в конце XIX в. (Н. Данилевский, К. Леонтьев), а позже в Европе (О. Шпенглер, А. Тойнби) в достаточно схожих общественно-политических условиях: как тревожное предощущение надвигающихся социальных и национальных катастроф, в результате которых могут погибнуть не только устаревшие политические порядки, но и целые общественные системы (цивилизации). Эти предощущения и умонастроения не в последнюю очередь были вызваны крупными сдвигами в геополитическом взаимодействии основных сил на евроазиатском субконтиненте, когда в самом начале 70-х гг. XIX в. после объединения Германии для многих русских мыслителей и политиков стало очевидным неизбежное столкновение Германии и России, обусловленное более глубоким историческим противоборством германства и славянства.

Суть новых идей заключалась в признании специфического общего закона развития, действие которого распространяется как на живую, органическую природу, так и на общество и состоит в том, что, во-первых, развитие, процесс всяких изменений происходит не просто как безграничное “распространение”, “разлитие” (термины Леонтьева) по социальному универсуму, а как развитие замкнутых, локализованных друг от друга общественных организмов или систем и, во-вторых, по Данилевскому, “бесконечное развитие, бесконечный прогресс в одном и том же направлении (а еще более во всех направлениях разом) есть очевидно невозможное”³. Развитие также не является прогрессирующим восхождением целостного социума, а есть последовательная смена стадий развития любого живого организма, который имеет момент рождения, периоды созревания, зрело-

¹ Гольбах. Избранные произведения. Т.1. С. 105, 108.

² Там же. С. 107.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 108.

сти, старости и неминуемую смерть. Данную модель развития Данилевский и Леонтьев целиком переносят на общественную жизнь. Человечество у них поэтому, с одной стороны, состоит из отдельных индивидуумов, каждый из которых живет прежде всего внутренней жизнью, а с другой – расчленяется на локальные общественные организмы, развитие которых подчинено главным образом собственным законам.

У Данилевского такими общественными организмами выступают культурно-исторические типы или цивилизации¹; в них и проявляется качественное своеобразие “религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития” человечества. Каждый из культурно-исторических типов (а их Данилевский выделяет более десяти) развивается самостоятельно и имеет по три основных этапа или состояния: этнографическое, государственное, цивилизационное или культурное.

У Леонтьева в качестве локальных общественных единиц выделяются так называемые государственные организмы, которые, по его мнению, как и все другие органические системы, в своем развитии повторяют один и тот же путь: “Все сначала просто, потом сложно, потом вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь вторично*, а потом еще более упрощаясь отпаданием частей и общим разложением, до перехода в неорганическую “Нирвану”². Это “постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему”, по Леонтьеву, осуществляется в три основных этапа (им, в отличие от Данилевского, Леонтьев дает метафорические названия). Начинается развитие любого в том числе и общественного, организма с первичной *простоты*, затем наступает *цветущая сложность* и наконец *вторичное смешительное упрощение*, во время которого наступает гибель организма или системы³.

Леонтьев проводит сравнительные исторические расчеты длительности существования различных государственных организмов и приходит к выводу, что их гибель наступает не позднее чем через 1000–1200 лет после возникновения⁴.

Данные идеи Данилевского и Леонтьева содержали в себе основу новой, принципиально отличной от прогрессистской парадигмы исторического процесса, в соответствии с которой сущность и на-

¹ У Данилевского понятие “цивилизация” употребляется в двух значениях: 1) как синоним понятия “культурно-исторический тип”, 2) как фаза, этап развития культурно-исторического типа.

² Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 72.

³ Там же. С. 75.

⁴ Там же. С. 84. Необходимо отметить, что у Леонтьева, в отличие от Данилевского, понятие “цивилизация” ни при каких интерпретациях не совпадает с понятием “государственный организм”. Цивилизация для него тождественна культуре, и “... цивилизации обыкновенно недолго переживают те государства, которые их произвели” (там же. С. 111).

правленность общественного развития определялась уже не хронологическим, а хронометрическим (циклическим) временем. В XX в. идею циклического развития локальных цивилизаций развивают в своих трудах О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, П. Сорокин, К. Ясперс и др.

Так наряду с идеей прогресса появляется идея цикла. По своей сути они исключают друг друга, но в реальном процессе эволюции социального познания возникают концепции, в которых происходит синтез, взаимоувязка этих фундаментальных идей.

Первая попытка такого синтеза связана с Гегелем и Марксом.

Так, Гегель в своих "Лекциях по философии истории" приходит к заключению, что Мировой дух, который творит историю, не только изменяется в пространстве и во времени, не просто *переходит* от одного качества исторического бытия к другому, "его изменения являются не только переходом как обновлением, т.е. возвращением к той же форме, а скорее переработкой его самого, посредством которой он умножает материал для своих опытов..."¹. Мировой дух идет от одной ступени истории к другой, качественно изменяя, преобразуя на каждой из них самого себя, но одновременно и сохраняя при этом некую единую сущность, "общее начало", которое и реализуется в ходе исторического процесса. "Жизнь настоящего духа, – развивает свою мысль далее Гегель, – есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, еще существуют одна возле другой, и лишь, с другой стороны, являются как минувшие. Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине"².

Вот это "кругообращение" по восходящим ступеням мировой истории ("мировая спираль") и составляет, по Гегелю, сущность переходных общественных процессов. Являясь сторонником восходящего прогресса, Гегель в то же время считает, что действительные качественные изменения в обществе осуществляются путем "перерыва" этого прогресса. Таким образом, происходит *переход* на новую, качественно иную ступень общественного развития, и это "иное" есть одновременно и отрицание старого, и сохранение, актуализация некоего "общего начала", непреходящего существа мировой истории.

Маркс, переосмысливая на материалистических позициях идею Гегеля об исторической "спирали", создает формационную теорию, в соответствии с которой мировое развитие – это движение от одной общественно-экономической формации к другой. Механизм этого перехода – диалектика производительных сил и производственных отношений, которые на определенном этапе приходят в противоречие друг с другом, что и обуславливает революционный взрыв, скачок к новому общественному порядку.

¹ Гегель. Лекции по философии истории. Спб., 1993. С. 120.

² Там же. С. 125.

Этот скачок, или социальная революция, является для Маркса наиболее адекватным способом разрешения общественных противоречий, перехода общества на новый, более высокий виток исторической "спирали". Так же как и у Гегеля, Марксова модель переходного процесса является с философско-методологической точки зрения синтезом двух парадигм исторического процесса: линейно-стадиального прогресса (здесь совершенно очевидно влияние на Маркса просветителей XVIII в.)¹ – восхождение человеческого общества от одной формации к другой как проявление нарастающего прогресса во всех сферах общественной жизни и циклического круговорота общественных систем (в данном случае Маркс использует идеи античных философов, Вико² и Гегеля), в котором каждая формация проходит естественноисторический путь возникновения, созревания и гибели и когда при переходе от одной формации к другой в обществе возникают аналогичные возвратно-повторяющиеся ситуации – конфликт производительных сил и производственных отношений, разрешаемый социальной революцией, сменой господствующего класса, системы отношений собственности и т.д.

К новому синтезу линейности и цикличности в понимании исторического развития обществоведческая мысль приходит в 50–60-е гг. XX в.

Впервые наиболее серьезную попытку в данном направлении предпринял один из лидеров французской исторической школы "Анналы", Ф.Бродель, в статье "История и общественные науки. Историческая длительность" (1958)³. В данной статье Бродель прямо говорил об исходных мотивах своего научного поиска, о том, что, по его мнению, представляется насущно необходимым "создать некоторый синтез "циклической" истории и истории традиционной..."⁴. Последующая реализация этой цели создавала сущностную преемственность концепции Броделя и формационной теории Маркса как двух синтезов линейности и цикличности, хотя по многим методологическим и идейным основам эти две социальные теории принципиально расходятся. Сам Бродель об этой преемственности говорит так: "Гений Маркса, секрет силы его мысли состоит в том, что он первый сконструировал действительные социальные модели, основанные на долговременной исторической перспективе"⁵.

¹ Еще в советской литературе высказывалось мнение, что Ленин незаслуженно исключил из числа теоретических источников марксизма французский материализм и просвещение XVIII в. См.: Кузнецов В.Н. Французский материализм XVIII века. М., 1981. С. 290.

² Маркс хорошо знал и высоко оценивал трактат Дж. Вико "Основания новой науки об общей природе вещей" (1725–1744), в котором развивается концепция круговорота истории.

³ На русском языке данная статья вышла в 1977 г. (Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142).

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Там же. С.118.

Проблема долговременности или, точнее, разновременности в истории становится исходной в концепции Броделя. Многолетние исторические исследования приводят его к выводу, что существуют два фундаментальных временных пласта, временных ритма истории – “истории событий”, которые случаются каждодневно и ежедневно, и “истории большой, даже очень большой длительности”. Именно эта “длительная история” скрывает (или, наоборот, открывает) для исследователя “движения, идущие из глубины исторического времени”¹, что и позволяет ему “выявить действительный фундамент исторических событий”². На самом деле, по мнению Броделя, существует множество временных ритмов, в том числе срединный, являющийся по своей природе циклическим или волнообразным и имеющий среднюю длительность, измеряемую несколькими десятилетиями.

Идея о множественности временных ритмов, которые характерны для различных сосуществующих исторических реальностей, легла в основу грандиозного исторического анализа развития человеческой цивилизации, предпринятого Броделем в трехтомном фундаментальном труде “Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.”³.

Ключевое понятие исторической концепции Броделя – это “мир-экономика”, который есть не мировая (или всемирная) экономика, а “экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное организационное единство”⁴. Анализ нескольких веков истории международных политических и экономических отношений свидетельствует, по Броделю, о том, что различные “миры-экономики” не просто сосуществовали друг с другом, а в каждую историческую эпоху какой-то один мир-экономика становился господствующим в мире⁵.

Для понимания сущности и динамики миров-экономик необходимо иметь в виду следующие два обстоятельства: во-первых, мир-экономика – это неоднородная социальная система. Она включает в себя по меньшей мере три уровня социальной общности – развитое небольшое ядро, не очень большую слаборазвитую и примыкающую полупериферию и громадную неразвитую периферию⁶. Поэтому в каждом мире-экономике “наличествовало сосуществование нескольких “способов производства”, от рабовладельческого до капитали-

¹ Там же. С. 128.

² Там же. С. 127.

³ 1-й том этого труда увидел свет в 1967 г.; в 1979 г. были опубликованы все три тома. На русском языке данный труд Броделя вышел в 1986–1992 гг.

⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 14.

⁵ Там же. С. 21–28.

⁶ Там же. С. 32–33.

стического, и “последний не мог жить иначе, чем в окружении других, им в ущерб”¹. Между этими слоями, зонами мира-экономики существовали всегда сложные и противоречивые отношения, но все “эти способы производства сцеплены друг с другом. Самые передовые зависят от самых отсталых и наоборот...”².

Во-вторых, мир-экономика – это лишь одна из четырех сфер, составных частей (в их число Бродель кроме экономики включает политику, культуру и социальную иерархию), которые взаимодействуют друг с другом и образуют целостную общественную систему (“мир-система” в терминологии Броделя). Поэтому исторический процесс – это не только смена миров-экономик – основа процесса, – а это смена миров-систем. По мнению Броделя, данный процесс происходит следующим образом: “...Связный мир-система, который спокойно развивался, приходит в упадок или завершает свой упадок, и со многими отсрочками и промедлениями рождается другая система. Такой разрыв представляется как результат накопления случайностей, нарушений, искажений”³.

Но как происходит сам процесс отмирания старой системы и рождение, становление новой? Как осуществляется этот глобальный переход от одного господствующего мира-системы к другому? Знакомство с трудом Броделя свидетельствует о том, что он считает данную проблему важнейшей, но и наиболее сложной в своей концепции и поэтому пытается найти ответы на вопросы на основе анализа громадного фактологического материала, который охватывает несколько веков мировой истории и различные сферы общественной жизни.

Нельзя сказать, что Бродель создает специальную концепцию переходного процесса, хотя целый ряд его теоретических положений и обобщающих заключений позволяет сделать вывод о том, что он закладывает основы нового подхода к интерпретации проблемы переходности. Для адекватного понимания данного подхода важно знать, что миросистемный (броделевский) взгляд на историю нельзя отождествлять с положением о взаимосвязанности мировой истории. Миросистемность – это более широкое понятие, и оно вскрывает более фундаментальные основы развития социума, чем просто взаимосвязанность этого социума. Последняя указывает лишь на существование необходимых отношений между различными частями мирового социума, на то, что “событие” в одной его части с необходимостью отражается и импульсируется во всех других частях. Миросистемность же развивает далее мысль о мировой взаимосвязанности и доводит ее до понимания того, что мир – это система неоднородных связей, сложная, несимметричная сеть отношений,

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 81.

имеющая узлы и зоны господствующих и подчиненных взаимовлияний, и что вся эта система функционирует как в единых, так и в различных временных ритмах. В основе этого потока временной ритмики лежит фундаментальная и максимально длительная, "вековая тенденция" (trend¹) движения социума, малозаметная, с точки зрения Броделя, в каждый данный момент, но идущая "своим неброским путем всегда в одном и том же направлении"².

Поэтому переходный процесс для Броделя – это глобальная деформация всей сложной системы структур и связей в рамках господствующей до этого мира-системы и формирование новой аналогичной системы. Данная перемена имеет не только пространственные, но и временные параметры – не в том смысле, что на этот переход уходит определенное время, хотя и это важный вопрос – а в том, что вместе с пространственными контурами старой системы меняется и система временных ритмов, происходят новые, другие наложения линейного и циклического времени истории³.

В основе нового миросистемного синтеза лежит, как и в формационном синтезе, историческая "спираль", но она имеет уже другое качество. Если в "спирали" Гегеля и Маркса фиксируется повторяющаяся в основных характеристиках и механизмах восхождение "ядра" формации, к которому постепенно подтягивается периферия, то новая спираль подразумевает переход на более высокую ступень (или виток) развития *всего* человеческого сообщества как взаимосвязанного и целостного потока самостоятельно и специфически трансформирующихся локальных общественных систем.

В отечественном обществоведении проблема целостности современного мира латентно содержится в дискуссии о соотношении так называемых "формационного" и "цивилизационного" подходов в интерпретации исторического процесса. Различные толкования данной проблемы появились в советской научной литературе в 70-х гг.⁴, но в период горбачевской гласности становится возможным высказать главный и тщательно скрываемый до этого тезис об ограниченности формационной теории Маркса и о необходимости разра-

¹ Тренд – главное направление (тенденция) развития.

² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. С. 72.

³ Среди наиболее крупных представителей западной науки, которые в настоящее время развивают теорию Броделя необходимо назвать И. Валлерстайна, который после смерти Броделя (1985 г.) возглавил в американском университете штата Нью-Йорк специальный Центр по изучению экономических и исторических систем и цивилизаций им. Ф. Броделя. Разумеется, это не единственный научный центр на Западе, где проводятся миросистемные исследования.

⁴ См., например: *Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974; *Ковалев А. М.* Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982; *Он же.* Социализм и закономерности общественного развития. М., 1983; а также обобщающую статью: *Шемякин Я. Г.* Проблема цивилизации в советской научной литературе 60–80-х годов // *История СССР*. 1991. № 5. С. 83–103.

ботки более широкой и универсальной, чем марксистская, методологии анализа общественных процессов, которая исходила бы не только из социально-экономических и классовых, но и социокультурных, этнических, социально-психологических и других (обобщенно: цивилизационных) факторов.

Новая дискуссия имела как бы два аналитических уровня. Первый преобладал на начальных стадиях, имел сугубо критическую направленность и сводился к доказательству ошибочности или устарелости тех или иных тезисов и выводов Маркса. Второй – более глубокий – рассматривал формационную теорию как этап в развитии научного знания и, в частности, теории общества. Именно на этом уровне дискуссии и был поставлен вопрос о необходимости разработки новой парадигмы исторического процесса, в которой был бы осуществлен более глубокий, чем в формационной теории, синтез линейности и цикличности в развитии социума. В настоящее время проблема новой парадигмы вышла в отечественных исследованиях на передний план¹. С решением этой проблемы автор настоящей работы и связывает прежде всего разработку научной теории переходности.

У данной теории существуют и другие основания.

Рассматривая парадигмальные и в этом смысле общемировые параметры переходных процессов, нельзя забывать о том, что они происходят в конкретных странах и в каждой из них имеют свою специфику, свое преломление в своеобразной социальной среде. И если современная теория переходных процессов претендует на методологическую базу практической политики, то она должна быть адаптирована к реальностям определенной общественной системы.

Богатейший материал для анализа данного аспекта переходных процессов дает социально-политический опыт таких стран, как Россия.

Во-первых, Россия относится к числу таких государственных систем, которые на протяжении многих веков, сохраняя свою национально-государственную целостность и идентичность, прошли через горнило многочисленных социально-политических ломов, катаклизмов, реформаций. Тема общественных перемен всегда была наиболее важной и злободневной в России. На протяжении многих ве-

¹ См., например: *Чешков М.* Понимание целостного мира: в поисках неформационной парадигмы // *Мировая экономика и международные отношения.* 1990. № 5. С. 33–48; *Золотухин В., Золотухина-Аболина Е.* От “предметоцентризма” к “системо-центризму” (к вопросу о новой парадигме социального мышления) // *Мировая экономика и международные отношения.* 1990. № 7. С. 57–65; *Миросистемный подход сегодня* // *Мировая экономика и международные отношения.* 1991. № 11. С. 51–68; *Экономическая теория на пути к новой парадигме* // *Вопросы экономики.* 1992. № 10. С. 100–112; *Чешков М.* Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. Новые конфигурации мирового пространства. В поисках глобального и теоретического синтеза. М., 1994; *Алтухов В.* О смене порядков в мировом общественном развитии // *Мировая экономика и международные отношения.* 1995. № 4. С. 5–21.

ков она создавала как бы линию раздела между сторонниками и противниками реформ в государственной политике, в политической борьбе, в интеллектуальных исканиях.

Во-вторых, важным объектом для анализа переходных процессов становится Россия и в силу тех глубоких и противоречивых перемен, которые происходят в настоящее время. Большинство исследователей в этих переменных выделяют в качестве важнейшей тенденцию смены общественного строя и мало обращают внимание на более глубокие пласты современных переходных процессов, на то, что сейчас перед Россией стоит задача не только социально-политического переустройства, но и сохранения целостности и идентичности в условиях катастрофических социальных разломов и под давлением усугубляющихся глобальных проблем.

Для наиболее адекватного понимания сложной и противоречивой природы современных переходных процессов в России необходимо органично соединить философско-методологические (парадигмальные) подходы к пониманию механизмов исторического развития и философско-политологический анализ (с использованием таких общенаучных методов как ретроспекция и компаративистика) российской социальной динамики.

Думается, что это позволит подняться над эмоционально окрашенными оценками и суждениями о современных переменных и приблизиться к пониманию сути происходящего.

* * *

Автор выражает особую благодарность профессорам философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.М. Ковалеву, В.И. Коваленко, И.А. Козикову, А.И. Костину, М.С. Кудряшовой, А.С. Панарину, доценту А.Ю. Шутову, чьи доброжелательные замечания и пожелания в значительной степени помогли улучшить содержание данной книги.

Глава 1

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ВРЕМЕННЫЕ РИТМЫ ИСТОРИИ

В название настоящей главы не случайно включено понятие “политический процесс”. Несмотря на то что его содержание и смысл могут показаться более узкими, чем, скажем, у понятий “общественный процесс” или “исторический процесс”, акцент на “политическое” позволит нам более глубоко и адекватно раскрыть природу российской истории и особенно ее переходных состояний, показать в ретроспективном плане целостность и в то же время многоплановость, противоречивость российского социума.

Вместе с тем выдвигание на первый план в настоящей работе понятий “политический процесс”, “переходные политические состояния” и т.п. не свидетельствует о том, что развитие российского общества сводится нами только к политике. Это понятие лежит в основе исследовательской установки, в соответствии с которой понять и объяснить развитие этой истории и этого общества можно только через политическую жизнь.

Данная исследовательская установка опирается на глубокую научную традицию изучения отечественной истории.

Во второй половине XIX в. в русской исторической и правовой науке сложилась так называемая государственная школа (С. Соловьев, Б. Чичерин и др.), центральной идеей которой было положение о доминанте государственных и правовых структур и отношений в развитии общества. Материал и аргументацию для своих теорий государственники черпали главным образом из истории России.

И даже В.О. Ключевский, ученый, не являющийся сторонником государственной школы, а придерживающийся социологического (а в отдельных аспектах материалистического) метода, все же приходит к выводу о том, что предмет русской истории (а стало быть, в значительной степени и ее сущность) — это государство и народность¹.

Можно привести и другие примеры из истории русской философской и политической мысли. Суть одна: ученые дореволюцион-

¹ См.: Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 60.

ной школы, придерживающиеся различных научных и идеологических взглядов, в анализе истории российского общества приходили к одному и тому же выводу: доминантой общественного процесса в России является государство, сфера политических и правовых отношений. Такая роль государства в национальном развитии при этом рассматривалась не только как характерная, определяющая, но и как специфическая, отличительная черта России, как основание, которое отличает ее от многих других стран.

Данная проблема сущности и причин отличия России от остального мира и является исходной точкой нашего анализа.

1. "Россия и Запад": новый взгляд на старую проблему

В отечественных литературных источниках почти всех веков российской истории можно найти множество различных суждений о российской земле и ее народе, о том, чем они отличаются от других стран и народов. Можно даже сказать, что сравнение себя с другими, определение себя на фоне других является постоянной темой, вечным вопросом, над которым бьется русская мысль.

К XIX в. сравнительный аспект в обществоведческих и литературных изысканиях становится центральным и выливается в специальную дискуссию под условным названием "Россия и Запад", в которую в той или иной степени втягиваются основные интеллектуальные и политические силы страны.

Конечно, в основе данной формулы "Россия и Запад" было стремление познать прежде всего Россию, а не Запад, который в данном случае выполнял роль отражательного зеркала, некоего мерила прогресса. И тем самым искомую формулу можно свести к вопросу: "Что такое Россия (на фоне Запада)?"

В ответе на данный вопрос уже в начале XIX в. столкнулись две позиции, две интерпретации. Первая: Россия – это страна, по ряду объективных причин отстающая от Запада, но имеющая все основания его догнать, пройдя ускоренными темпами путь Запада, реализовав его политический и социально-экономический опыт в российских условиях. Вторая: Россия – это общество, имеющее уникальную, самобытную природу, которая самоценна и самодостаточна для достижения высоких уровней общественного развития, но иными путями и способами, чем это сделал Запад.

Идеологом первой позиции в начале XIX в. выступил М. Сперанский, второй – Н. Карамзин. Обе позиции отталкивались от одной и той же основы – оценки реформ Петра I. В сопоставлении этих позиций сразу же проявилась несовместимость взглядов по таким вопросам, как "влияние Запада на Россию", "необходимость заимствования западного опыта" и т.д.

М. Сперанский оценивал прозападнические тенденции в преобразованиях Петровской эпохи как наиболее верный путь, ведущий к спасению России¹. Н. Карамзин же, наоборот, считал этот путь началом ее неизбежной гибели².

Из этих оценок логически вытекали и две противоположные модели дальнейших преобразований в России. М. Сперанский, который исходил из того, что существует единый поток эволюции феодального общества (в него целиком, по его мнению включается и Россия), считал, что на определенном этапе в силу объективных причин необходим будет "новый вещей порядок", когда на смену абсолютизму (или самодержавию) должен прийти другой, более демократический строй³. По мнению М. Сперанского, Россия уже подошла к этому рубежу, ибо, как он писал, "можно, кажется, с достоверностью заключить, что настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа (России. – *Авт.*) и что настало время переменить ее..."⁴.

Одновременно с М. Сперанским прямо противоположный вывод делал Н. Карамзин. "Самодержавие, – писал он, – есть палладиум (залог благополучия и процветания. – *Авт.*) России; целость ее необходима для ее счастья..."⁵.

Побеждает, как известно, в этом споре линия Н. Карамзина, что привело к опалю М. Сперанского, занимающего в то время один из высших постов в империи, и к свертыванию намечавшихся государственных преобразований.

Таким образом, с самого начала проблема "Россия и Запад" из объекта историсофского спора превращается в проблему практической, государственной политики.

Вообще в раздвоении русской мысли и стратегии государственной политики на западничество и славянофильство скрыта одна из загадок нашего интеллектуального развития. Так, на теоретико-литературном уровне интерпретации проблемы "Россия и Запад" противопоставление позиций было во многом условным, так как в качестве общей, объединяющей идеи признавался постулат о самобытности России и уникальности ее исторической судьбы⁶.

Возьмем для примера две фигуры, представляющие раннюю и зрелую стадии западничества, для которых, казалось бы, идея самобытности России была мало приемлема, – В. Белинского и К. Каве-

¹ См.: Сперанский М. М. Проекты и записки. М., 1961. С. 57.

² См.: Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.

³ См.: Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 155–160.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 105.

⁶ Проблема самобытности России и по сей день остается одной из наиболее дискуссионных в научной и публицистической литературе. См.: Ахизер А. С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4–5.

лина. В трудах первого мыслителя мы можем найти множество суждений западного характера. Здесь и призыв к русскому народу "приобщиться к общей жизни человечества, составить часть великого семейства человеческого рода"¹, и мнение о том, что "нам суждено сделаться европейскими русскими и русскими европейцами"², и т.д. Но одновременно с этим постоянно звучит и другая мысль, другой лейтмотив: "...настало для России время развиваться самобытно, из самой себя...". Или: "...перенесенные на почву нашей жизни, эти (уже решенные в Европе. — *Авт.*) вопросы те же, да не те, и требуют другого решения"³.

Выделенные мысли В. Белинского относятся к 30–40-м гг. XIX в. Несколько десятилетий спустя другой западник, К. Кавелин, высказывает аналогичные суждения, которые в современных условиях звучат не только злободневно, но и даже пророчески: "Образованный слой русского общества, за очень редкими исключениями, продолжает по-старому питаться чужими мыслями, действовать по чужим образцам. Мы до сих пор едва догадываемся, что наши взгляды — выводы из чужой жизни, и добродушно принимаем их за результат самостоятельного нашего развития. Вот где источник наших противоречий и разладицы... Уравновесить умственные и нравственные силы с действительностью, соединить в одно гармоническое целое мысль и жизнь может отныне одно только глубокое изучение самих себя в настоящем и прошедшем. Других путей нет и быть не может"⁴.

Таким образом, историсофский анализ искомой проблемы приводит в конечном итоге не к размежеванию, а к сближению различных концептуальных подходов, к симбиозу западничества и славянофильства. Такое явление наблюдается на уровне теоретических споров. Но как только эти идеи начинают экстраполироваться на практическую политику, так позиции становятся все более противоположными и даже антагонистичными. На передний план выходит подход "или - или". Весь XIX в. консервативные реформации с прозападными ориентациями сменяются контрреформациями охранительно-славянофильского типа.

Постоянно возникает как бы патовая ситуация: с одной стороны, идея самобытности, особого пути России не могла преодолеть абстрактный уровень историсофского спора и трансформироваться в программу практических преобразований, и в этом смысле оказалась бесплодной для реальной жизни, а с другой, государственная политика металась между крайностями западничества и славянофильства и не могла найти "золотую середину", модель обществен-

¹ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1948. С. 24.

² Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. М., 1979. С. 12.

³ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 652, 666.

⁴ Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 255.

ного развития, опирающуюся на уникальные особенности российского общества и российского народа. Это противоречие и в теории, и на практике так и не было преодолено на протяжении всего XIX в.

В советский период проблема "Россия и Запад" как проблема противостояния или, наоборот, сближения двух социальных общностей принимает совершенно другие, чем в XIX в., формы. Она приобретает как бы два измерения. С одной стороны, делается упор на классовое противостояние социалистической России и капиталистического Запада, с другой – отстаивается идея пролетарской классовой солидарности во всем мире (включая и Запад). Разумеется, что в условиях диктатуры пролетариата эта позиция господствовала не только на практике, но и в теории. Новые концепции общественного развития России, появляющиеся в кругах российской эмиграции (например, идеи евразийцев), оказывали очень слабое влияние на положение дел в самой России.

Снова к теме "Россия и Запад" у нас в стране возвращаются в исторической и философско-политологической литературе в 70–80-е гг. На этом новом, современном этапе выделяются два направления в интерпретации искомой проблемы.

Первое развивалось в основном в рамках исторической науки и было связано с применением новых подходов к анализу российской истории и достижению на этой основе лучшего и более глубокого понимания тенденций, закономерностей и особенностей возникновения и эволюции российского общества. Появляется новая для отечественной, особенно для советской, исторической науки идея альтернативности общественного процесса и "развилки" российской истории.

А. Зимин, например, находил такую "развилку" на российском историческом пути в XV в. Россия, по его мнению, имела тогда выбор между военно-элитарной и торгово-промышленной или раннебуржуазной моделями, перспективами развития. В силу ряда исторических причин и обстоятельств страна пошла по первому пути¹. О подобной "развилке", правда, уже в XVI и последующие века говорил и Н. Эйфельман: "Несколько раз, начиная с XVI века, в русской истории возникали альтернативы "европейского" и "азиатского" пути. Иногда товарность и самоуправление брали верх, порою возникали сложные смешанные ситуации, но часто, увы, торжествовали барщина и деспотизм"². Нетрудно догадаться, что в качестве "развилки" или альтернатив Н. Эйфельман рассматривает периоды "реформа–контрреформа".

¹ См.: Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XV в. М., 1991. С. 191-211.

² Эйфельман Н.Я. "Революция сверху" в России. М., 1989. С. 171.

Несмотря на привлекательность и нетрадиционное звучание альтернативного подхода к рассмотрению русской истории, основа его в том же старом противопоставлении западнической и славянофильской идеи. В конечном итоге и этот подход основывался на простой мысли о том, что Россия могла стать Западом и только в силу специфических и в каком-то смысле случайных обстоятельств пошла по своему, худшему пути. Таким образом, здесь вопрос сводился к событиям российской истории, к объективным обстоятельствам общественного развития России.

Другое направление современного осмысления проблемы "Россия и Запад" связано не столько с исследованием событийных пластов российской истории, сколько с выявлением механизмов и детерминаций отечественного исторического процесса в контексте мирового развития. В данном случае предпринимаются попытки не просто обновить инструментарий или даже методы научного исследования истории, а переосмыслить саму парадигму исторического анализа.

В рамках данного направления в современной научной литературе существует целый ряд подходов. Один из них связан с преодолением односторонности формационной (Маркс) и цивилизационной (Тойнби) теорий и достижения некоего синтеза факторов, определяющих развитие как западной, так и российской общественной системы. Такую концепцию развивает, например, А.М. Ковалев, называя ее "социальной алгеброй", которая в снятом виде содержит в себе более фундаментальные уровни социального сознания. Это позволяет, по мнению А.М. Ковалева, "во-первых, обеспечить синтез цивилизационного и формационного подходов к общественному развитию; во-вторых, представить человека в органическом единстве с природными и социальными условиями бытия; в-третьих, объединить западную и восточную общественную мысль, устранив тем самым присущую каждой из них ограниченность"¹. Центральной в концепции А.М. Ковалева является идея о способе производства общественной жизни как совокупности человеческого потенциала, социальных условий и природной среды. Эта идея позволяет понять ограниченность интерпретации общества только как развития "по вертикали" поступательно-восходящая смена общественно-экономических формаций) и понять суть общественного развития "по горизонтали", объяснив при этом появление на основе примерно одних способов производства различных политических и социально-экономических порядков. Как считает А.М. Ковалев, специфика развития России заключена "в особенностях не одного компонента, а всех компонентов способа производства общественной жизни, т. е. ее населения, или, точнее, человеческого потенциала, способа мате-

¹ Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // *Общественные науки и современность*. 1996. № 1. С. 98.

риального производства, а также географической среды”¹. На этой основе на евразийском субконтиненте сформировалось специфическое противоречие между природой и обществом, которое и предопределило для России (и для многих других стран Востока) путь экстенсивного, военно-элитарного развития, тогда как в других экономико-географических условиях на Западе стал более приемлемым интенсивный путь общественного развития.

Концепция А.М. Ковалева является примером современного синтеза существовавших до этого различных и даже противоположных подходов, в основе каждого из которых находился постулат о доминанте какого-то определенного фактора общественного развития².

Вместе с тем представляется целесообразным на современном этапе развития научного знания дополнить идею синтеза факторов идеей о необходимости переосмысления природы социального времени, являющегося более фундаментальной реальностью мироздания, чем любые объективные условия и факторы исторического процесса на Земле.

Это чрезвычайно важно для понимания механизма социальной динамики, природы и характеристик переходных процессов в обществе. Широко известный сегодня на Западе исследователь П. Штомпка делает точное и справедливое, на наш взгляд, замечание: “Само переживание времени и идея времени вытекает из изменения природы реальности. Невозможно воспринять или вообразить время без ссылки на какое-либо изменение. И наоборот, идея изменения отдельно от времени просто непонятна”³. Время представляется важнейшим свойством развивающейся материи и одновременно с этим в чувственно-субъективных представлениях человека становится измерителем объективной реальности, ее эволюции.

Проблема социального времени латентно содержится в самой формуле “Россия и Запад”. Отставание одной страны от другой при примерно одинаковых “стартовых” условиях. Преодоление одной страной тех или иных социальных барьеров быстрее или медленнее других стран. Стремление пройти ускоренными темпами путь, который ранее уже прошли другие страны. Все эти фиксации исторических реальностей содержат в себе не только действие объективных географических, социально-экономических, социокультурных или каких-то других факторов, но и проявление феномена “разного социального времени” или разных типов времени, которые преобладают в жизни разных социальных систем.

¹ Ковалев А.М. Азиатский способ производства и особенности развития России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 48. Подробнее см.: Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982.

² См.: Ковалев А.М. Азиатский способ производства и особенности развития России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 48-52.

³ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. М., 1996. С. 67.

Парадоксально, но факт: даже на уровне обыденной жизни человек, как правило, оперирует, хотя чаще всего и не отдавая себе в этом отчета, разными типами времени, не только, например, линейным, но и циклическим временем, так как он живет не только в измерениях постоянно увеличивающейся временной протяженности (например, неуклонное увеличение количества лет жизни каждого человека), но и в постоянно повторяющихся временных циклах суток, времен года и т.д.¹ В научном же познании природы и общества неизменно доминирует линейная парадигма.

Наиболее остро и точно эту проблемную ситуацию в современной науке выразил И. Пригожин. Его мысль формулируется в следующей задаче: "Необходимо переоткрытие времени"². И. Пригожин рассматривает данную проблему в контексте физических наук, хотя ясно, что он считает проблему времени камнем преткновения для всего научного, в том числе и гуманитарного, знания. Не случайно он ссылается на французского историка Марка Блока, на его вывод о том, что история – это "наука, переживающая детство...", что "как серьезное аналитическое занятие, история еще совсем молода"³. И Пригожин показывает парадоксальность ситуации, сложившейся в современной науке: представление о времени всегда являлось фундаментальным принципом, базисом научного знания, но новейшие исследования в различных областях науки как раз показывают зыбкость и несовершенство нашего понимания времени. "Мы можем говорить о времени нашего рождения, о времени падения Трои, о времени исчезновения динозавров и даже о времени рождения Вселенной, – пишет И. Пригожин, – но вопрос "как или почему началось время" (а значит и вопрос: "что такое время". – *Авт.*) ускользает от физики, так же как он, без сомнения, ускользает от возможности нашего языка и нашего воображения"⁴.

Уже эти рассуждения И. Пригожина свидетельствуют о том, что "переоткрытие времени" – это задача более сложная, чем просто синтез линейности и цикличности. Так, например, французские историки школы "Анналов" считают время истории сложным феноменом, в котором перемешиваются различные гетерогенные потоки. М.

¹ Ученые-этнографы уже давно заметили, что у некоторых народов (например, индонезийцев) вообще отсутствуют представления о линейном времени (Вопросы философии. 1989. № 10. С. 42).

² Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3. Концептуальные подходы к проблеме времени как сложного феномена социального бытия появляются в конце XIX – начале XX в. в работах Дюркгейма, Дильтея, Трельча, Зиммеля, Сорокина, Гуревича. Подробнее см.: Современные социологические теории социального времени: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1993; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 67–83. В России в данный период над проблемами социального времени работал В.И. Вернадский (см.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 210–285, 419–421).

³ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 12.

⁴ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 19.

Блок употребляет в этой связи понятие "плазма", Ф. Бродель — понятие "сегментность". Раскрывая его, Ф. Бродель представляет природу социального (или исторического) времени как сосуществование, переплетающееся, накладывающееся развитие различных сегментов времени, или *временных ритмов*¹, в которых живут общественные системы. Понимание социального процесса как потока, имеющего не единые, а множественные временные характеристики и измерения, когда одно и то же пространство, различные его слои и части могут развиваться в разновременных режимах, неприемлемо для традиционных представлений о пространстве и времени, ибо ломает многие сложившиеся концептуальные конструкции и постулаты общественных наук.

На самом деле в отказе от одномерных и линейных моделей социального времени нет ничего противоестественного. Так, если представить общество как совокупность жизней отдельных индивидов, то окажется, что на данном уровне социальной реальности всегда использовалась идея гетерогенности времени. Ни для кого не является секретом, что для людей различных возрастов, социальных положений, привычек и т.д. одни и те же отрезки времени протекают с разной скоростью. Этот эффект зачастую объясняется субъективностью человеческого восприятия. Но если это воспроизводится с удивительным постоянством в разные эпохи и в разных поколениях, если даже для одного и того же человека часто в разных жизненных ситуациях время "бежит" по-разному, то это уже указывает не только на особенности человеческих восприятий, но и на свойство самого времени.

Поэтому вполне правомерно приложить идею множественности временных ритмов к функционированию сложных общественных систем, в том числе и к изучению исторического развития России.

Некоторые современные авторы вообще считают, что многие концептуальные просчеты в программе прошлых и нынешних реформ в нашей стране связаны с использованием устаревших научных методов и подходов. А.С. Ахиезер, например, пишет: "Неспособность освоить... ритмы общества может на определенном уровне сложности повлечь за собой негативные последствия, аналогичные тем, которые могли бы иметь место, если бы люди не знали о природных ритмах, если бы, например, смена дня и ночи, времени года для них была бы столь же неожиданной, как землетрясения... Россия пока еще не нашла в себе сил относиться к этим циклам так, как, например, на Западе относятся к экономическим циклам, т.е. детально изучать их, моделировать, прогнозировать, готовиться к ним, смяг-

¹ Здесь понятие "ритм" употребляется в следующем значении — "чередование каких-либо элементов, происходящее с определенной последовательностью". В этом значении указанное понятие существенно совпадает по своему содержанию с такими понятиями, как "цикл" и "волна".

чать их разрушающий ход и последствия, искать пути минимизации масштабных инверсий”¹.

Думается, однако, что задача значительно сложнее, чем просто научиться делать “так, как на Западе”. По-видимому, не только российские, но и зарубежные ученые стоят на пороге масштабных изменений и даже революций в представлениях о природе и характере времени, а значит и в представлениях о мире вообще².

А.С. Ахиезер прав в другом: в анализе политического процесса в России уже невозможно опираться только на традиционные методы и подходы, так как налицо явные признаки того, что они не работают в специфических условиях России и не могут стать научным фундаментом практической политики по преобразованиям российского общества.

Нельзя сказать, что в отечественной науке вообще не было попыток отойти от традиционной линейной парадигмы. Достаточно вспомнить об уже упоминавшихся К. Леонтьеве и Н. Данилевском. В XX же веке в России стали разрабатываться теории волновых процессов в социальных системах. Эти теории имеют чрезвычайно важное значение для понимания природы и механизмов развития российского общества. К рассмотрению этих теорий мы и переходим.

2. Россия в потоке длинных волн мировой экономики (модель Кондратьева)

В 20-х гг. нашего века советский ученый-экономист Н.Д. Кондратьев разработал оригинальную концепцию, которую можно было использовать и для объяснения механизмов противоречивого и зигзагообразного развития российского общества. Важнейшей особенностью этой концепции было то, что она строилась не на метафизических и историософских рассуждениях, а на базе строгих экономико-математических расчетов.

Н.Д. Кондратьев и сотрудники его института³ провели скрупулезное сравнительное изучение статистических данных экономической динамики в наиболее развитых странах мира (Англия, Франция, США, Германия) в период с конца XVIII по 20-е гг. XX в. и на его основе сделали вывод о том, что мировой рынок (или миро-

¹ Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 15, 17.

² Образ “антимира”, а значит и “антивремени”, который долгие годы занимал поэтов и фантастов, а учеными считался химерой, положе, становится объектом изучения точной науки. Во всяком случае в сентябре 1995 г. в одной из ведущих европейских лабораторий удалось экспериментальным путем создать 9 атомов антиводорода (Известия. 1996. 10 января 1996. С. 5).

³ Институт по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурный институт). Основан Кондратьевым в октябре 1920 г.

вая конъюнктура) имеет не просто поступательно-восходящую, но и волнообразно-циклическую траекторию своего развития.

В исследуемом периоде (т.е. на протяжении полутора веков) Кондратьев обнаруживает устойчивую повторяемость социально-экономических и политических явлений и процессов, которая выстраивается в три цикла или три длинные волны¹ продолжительностью 50–75 лет каждая. В рамках этих циклов (длинных волн) периоды оживления экономики, улучшения конъюнктуры рынка, общей либерализации хозяйственной жизни (повышательная волна) неизменно сменяются периодом замедления экономического роста и даже спада производства, применения статистических методов управления хозяйством (понижательная волна)².

При сравнительном анализе конкретных событий и явлений, происходящих в рамках экономических циклов, Кондратьев обнаруживает ряд закономерностей или, как он их называет, “эмпирических правильностей”, которые давали ключ к пониманию природы циклического движения общества. Для нашей темы имеет особенно важное значение вторая такая “эмпирическая правильность”, суть которой Кондратьев формулирует следующим образом: “Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижающих волн”³. Данное наблюдение Кондратьева подводило к очень важному эвристическому выводу о том, что в длинной волне скрыты не только динамика и противоречия экономических явлений, но и синтез экономики и не экономики, сложная взаимосвязь хозяйственно-экономической и социально-политической сфер общества. Тем самым открывались новые возможности для исторического и политического анализа, связанные с тем, что теперь развитие общественной жизни можно было объяснять не только при помощи философских моделей соотношения необходимости и случайности, объективных факторов и субъективной воли, но и привлекая методы и инструментарий таких наук, как экономика, математика, статистика и т.д.

¹ Чтобы избежать путаницы в терминах, необходимо уточнить, что в рамках теории Кондратьева понятие “цикл” (или “большой цикл”) тождественно понятию “длинная волна”, а каждый цикл или длинная волна состоит из так называемых “повышательной” и “понижательной” волн.

² Кондратьев определяет временные рамки трех длинных волн: первая – с конца 80-х – начала 90-х гг. XVIII в. до 1810 – 1817 гг. (повышательная волна) и с 1810–1817 до 1844–1855 гг. (понижательная волна); вторая – соответственно с 1844–1855 до 1870–1875 и с 1870–1875 до 1890–1896 гг.; третья – с 1890–1896 до 1914–1920 гг. Понижательная волна этого цикла Кондратьевым не определялась (см.: Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 197). “Верхушки” длинных волн (1810–1817, 1870–1875 и 1914–1920 гг.) позднее последователи Кондратьева назвали “фаза Т”.

³ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 203.

Необходимо отметить, что сам Кондратьев очень осторожно относился к своим выводам. Он делал три очень важные оговорки. Во-первых, свою концепцию длинных волн конъюнктуры он считал не более чем гипотезой, во-вторых, действие длинных волн ограничивалось полутора столетиями, так как Кондратьевым использовался эмпирический и статистический материал только этого периода, и, в-третьих, данные и выводы Кондратьева распространялись им только на наиболее развитые страны мира.

Последователи Кондратьева существенно расширили концептуальные и пространственно-временные рамки действия длинных волн¹. Но вместе с тем среди множества направлений научных исследований, по которым особенно в 60–80-е гг. стали развиваться идеи Кондратьева, остается одно, на которое и в отечественной и в зарубежной научной литературе до сих пор обращается очень мало внимания. Это направление связано с проблемой применимости теории длинных волн к историческому процессу в России.

Выше уже говорилось о том, что сам Кондратьев ограничивает действие длинных волн зоной наиболее развитых стран, в число которых не включалась Россия. Правда, косвенное участие России в волновых процессах фигурирует в открытых им эмпирических закономерностях (или “правильностях”), и прежде всего во второй – возрастании социально-политической напряженности и конфликтности в период повышательной волны. В период первой повышательной волны (1780-е – 1814–1817 гг.) Кондратьев выделяет 18 событий мировой истории, подтверждающих указанную закономерность, в 9 из них активное и непосредственное участие принимает и Россия (например, войны с Наполеоном). В период второй волны (1840–1850-е – начало 1870-х гг.) данное соотношение выглядит как 18 : 1 (Крымская война 1853–1856 гг.), в период третьей волны (1891–1896 и 1914–1921 гг.) – 22 : 5².

В целом же проблема включенности России в зону действия длинных волн представлялась для Кондратьева и его последователей достаточно сложной и нерешенной. Прежде всего это было обусловлено специфическим и противоречивым статусом и положением России в системе мировых взаимосвязей. С одной стороны, было бы вполне правомерно допустить, что Россия должна испытывать на себе действие общих тенденций развития мирового сообщества, и прежде всего Западной Европы, уже в силу того, что, по крайней мере, со времени петровских реформ российская экономика была достаточно прочно интегрирована в мировой рынок, а значит и

¹ См.: Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: Сб. материалов научной конференции. Ч. 1–2. М., 1991; *Модельски Дж., Томпсон У.* Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и мировая политика // Вопросы экономики. 1992. № 10; *Дубовский С.* Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н. Кондратьева) // Общественные науки и современность. 1993. № 5; и др.

² См.: *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. С. 203–204.

испытывала на себе его динамику. Кроме этого нельзя забывать, что на протяжении всего XIX в. Россия как мощная военно-политическая держава выступает непосредственным и очень важным субъектом международных отношений, участником всех крупных событий политической истории.

Но, с другой стороны, общий уровень и технологические возможности российской экономики существенно уступали показателям развития передовых европейских стран, что в структуре мирового сообщества относило Россию если и не к самой отсталой периферии, то по крайней мере к полупериферии.

Видимо, на стыке этих двух противоречивых особенностей положения России в мире и нужно искать ответ на вопрос о характере и степени действия циклической динамики развитого мира в российском социуме.

Рассмотрим для этого два взаимосвязанных тезиса.

Первый тезис. Общественное развитие России, безусловно, подвержено воздействию длинных волн мировой экономики и в целом подчиняется законам и тенденциям ее динамики. Одно из наиболее важных подтверждений этого вывода содержится в сделанном уже современными исследователями наблюдении об очевидной и устойчивой синхронности длинных волн конъюнктуры и циклов “реформа–контрреформа” в России¹.

Так, все три повышательные волны кондратьевских циклов совпадали с периодами реформ в России, а понижательные волны, – наоборот, с периодами контрреформ:

Повышательные волны:

Первая (1780-е – 1814–1817 гг.) – проекты и частичные преобразования М. Сперанского в первое десятилетие XIX в., конституция Польши и Уставная грамота Российской империи (1815–1819 гг.).

Вторая (1840–1850-е – начало 1870-х гг.) – реформы 60–70-х гг. XIX в.

Третья – реформы Витте–Столыпина в 1905–1911 гг.

Понижательные волны:

Первая (1814–1817 гг.) – периоды николаевского “застоя” после восстания декабристов.

Вторая (начало 1870-х – 1890–1896 гг.) – контрреформы 80–90-х гг., начавшиеся после убийства Александра II.

Синхронность таких масштабных процессов (мировой экономики и реформационно-контрреформационных мероприятий в России) на протяжении полутора веков, конечно, не может быть случайной и

¹ См.: Умов В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Понимание. 1992. № 4; Рязанов В.Т. К вопросу о “длинных волнах” экономических реформ в России // Вестн. СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 1992. Вып. 2. № 12.

отражает действие единых, общемировых факторов развития общественных систем, находящихся в системе взаимосвязей.

Второй тезис. Более внимательное и скрупулезное сравнение временных параметров длинных волн мировой конъюнктуры и событий российской истории приводит к выводу о том, что, несмотря на очевидность детерминационных влияний этих волн на Россию (первый тезис), их действие является не прямым и непосредственным, а получает заметную корректировку. Это проявляется прежде всего во временном несоответствии пиковых моментов длинных волн и российского политического процесса, что легко обнаруживается при их простом наложении друг на друга.

Это наложение показывает, что траектория циклической динамики российских реформ и контрреформ отстает во времени от волн мировой конъюнктуры примерно на 5–10 лет. Так, например, период реформ в начале XIX в. заканчивается не в 1814–1817 гг., а немного позже, так как в 1818–1819 гг. Александр I все еще вынашивает планы политических преобразований, свидетельство чему – Конституция Польши и Уставная грамота Российской империи. Начало же другого периода реформ во второй половине XIX в. приходится на самое начало 60-х гг., а не на 1840–1850-е гг. Такая же картина наблюдается и в третьей кондратьевской волне: она опережает и в низшей и в высшей своей точке реформы в России на 5–10 лет.

Таким образом, первое эмпирическое наблюдение, которое можно сделать из сопоставления длинных волн и периодов реформ-контрреформ в России, заключается в том, что процессы в России заметно отстают от динамики мировой развитой экономики. Длинная волна приходит в Россию как бы с некоторым опозданием.

Но дело не только в этом. Эффект более позднего действия длинной волны в России вполне объясним самим взаимоотношением центра системы и ее периферии. В центре связи более непосредственные и жесткие, изменения в одной части этого центра тут же соответствующим образом отзываются во всех его других частях. Связи же центра и периферии менее прочные, поэтому передача “сигнала” тех или иных изменений уже не настолько быстра и непосредственна.

Кроме же несовпадения временных параметров длинных волн и циклов российских реформ-контрреформ в их синхронизации обнаруживаются и более серьезные рассогласования. Кондратьев, например, не отрицает того, что социальные потрясения могут происходить не только в период повышательной волны (закономерность возрастания аномальных социальных явлений), но и в период понижительных волн, только в данном случае таких событий значительно меньше. Но этот вывод не совсем соответствует реалиям российской истории.

Достаточно сказать, что именно на середину двух первых понижительных волн (т.е. в период относительной социальной ста-

бильности, по Кондратьеву) приходится два крупнейших социальных катаклизма в российской истории XIX в., оказавших сильное влияние на дальнейший ход общественного развития в России и ставших переломами в политическом процессе от реформ к контрреформам. Речь идет о восстании декабристов в 1825 г. (понижательная волна кондратьевского цикла – 1814–1817 – 1840–1850 гг.) и убийство Александра II в 1881 г. (начало 1870-х – 1891–1896 гг.). В. Рязанов, принимающий также общий вывод о правомерности гипотезы симметричности периодов экономических реформ в России повышательным фазам развития мировой экономики, вместе с тем также указывает на одно из серьезных отклонений от этой закономерности. Этим отклонением уже в постмонархической России является, по его мнению, нэп – стремительный подъем экономики Советской России, тогда как в это время мировая конъюнктура входит в свою понижательную фазу¹.

Некоторые коррелятивные расхождения обнаруживаются при сравнении волн мировой конъюнктуры, с одной стороны, и масштаба, интенсивности политических и социально-экономических изменений в России – с другой.

Кондратьев считал, что, несмотря на общее восходящее (трендовое) развитие мировой экономики, условные колебания основных экономических показателей внутри каждого цикла примерно одинаковы. Но такое соответствие не наблюдается в российской истории. Сравним, например, “фазы Т” двух циклов – первого (1814–1817 гг.) и третьего (1914–1921 гг.). Если перемены, произошедшие в указанные периоды, по характеру и масштабам международных процессов еще можно сопоставлять: наполеоновские войны и первая мировая война, то соответствующие характеристики внутренних перемен в России (преобразования Александра I и крушение монархии, неудачи постсамодержавной демократии, социалистическое переустройство страны), разумеется, абсолютно несопоставимы.

Таким образом, попытки применить теорию длинных волн Кондратьева к анализу российского исторического процесса приводят нас к двоякому выводу.

С одной стороны, российская экономика и российское общество испытывают на себе совершенно определенное, хотя и не однозначное воздействие циклической динамики экономики наиболее развитых стран мира. Эти динамические процессы берут начало, формируются в недрах сложной сети социально-экономических и политических связей в определенной зоне мира², что создает мощный де-

¹ См.: Рязанов В.Т. К вопросу о “длинных волнах” экономических реформ в России // Вестн. СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 1992. Вып. 2. № 12. С. 39–40.

² Сам Кондратьев считал, что “материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего являются большие волны

терминационный импульс для развития всего мирового сообщества. Это в свою очередь создает устойчивый временной ритм, который определяет и обеспечивает темп глобальной социальной динамики.

С другой стороны, анализ реальных исторических перемен в России показывает, что внешним детерминационным импульсом и созданным им временным ритмом невозможно адекватно объяснить отечественные политические процессы. Их развитие имеет серьезные отклонения от волн мировой конъюнктуры. А это заставляет искать не только внешние, но и внутренние, национальные источники или матрицы, которые создают локальные временные ритмы и тенденции развития российского общества.

Обратимся в этом поиске к ряду концепций циклического развития России, в которых политические перемены рассматриваются прежде всего как результат действия внутренних законов и механизмов.

3. Социально-политическое развитие российского общества как циклический процесс

Циклические теории развития российского общества никогда не имели широкого распространения в отечественной науке. Наоборот, в ней всегда доминировала стадияльно-линейная парадигма, интерпретирующая мировую, в том числе и российскую, историю как процесс поступательного прогресса. В XIX в. это было обусловлено чрезвычайно сильным влиянием на русские умы просвещенческо-либеральных идей, которые приходили в Россию с Запада; в XX в. одна из распространенных на Западе теорий – марксизм становится в нашей стране официальной доктриной, определяющей не только идеологическую, но и научную жизнь.

Но в этом, как и во всяком другом, правиле, разумеется, были исключения. Как уже отмечалось выше, впервые в России о цикличности общественного развития заговорили не историки, а философы – К. Леонтьев и Н. Данилевский. Но особенность их подхода к данному вопросу заключалась в том, что они рассматривали эту проблему в общефилософском виде. Поэтому в их работах мы сталкиваемся с рассуждениями о сущности развития локальных цивилизаций как важнейшей формы развития человечества и личности в связи с этим идеями всемирной истории; о цикличности социума как частном случае циклического развития всего органического мира;

конъюнктуры" (Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. С. 217–218). Другие исследователи указывают на более фундаментальные основы детерминаций волнообразно-циклических процессов. Таких моделей в настоящее время в мировой науке существует очень много: от эмпирической теории космических (солнечных) влияний на исторический процесс (А. Чижевский) до синергетической теории самоорганизации социальных систем (И. Пригожин). Но, может быть, это лишь уровни пока еще неизвестной науке глобальной системы детерминационных связей Вселенной?

об основных этапах общественного цикла и т.д. Леонтьева и Данилевского мало увлекала конкретная история (хотя в их работах, особенно у Леонтьева, мы встречаем и исторические исследования). Главной задачей для них было обоснование новой нестандартной идеи. Разумеется, в системе циклического развития различных общественных систем подразумевалась и Россия, но в работах указанных мыслителей мы не найдем конкретных рассуждений о циклах российской истории.

В скрытом виде идея цикличности (как идея повторяемости общественных явлений) появляется в трудах В.О. Ключевского и тем самым проникает и в историческую науку. Так, Ключевский, твердо придерживающийся убеждения в том, что развитие российского государства основано на объективных тенденциях расселения и колонизации народов на Восточно-Европейской равнине и в сопредельных регионах, как бы неожиданно для себя обнаруживает, что в этом могучем процессе периодически возникала необходимость "новой перестройки... порядка". Причем каждый раз стремление к этому порядку, по выводу Ключевского, "не было новостью, не испытанной в прежние времена; необходимость подобной перестройки теперь (речь идет о XVI в. – Авт.) не впервые (выделено мною. – Авт.) почувствовалось в московском обществе"¹.

Симтоматично, что у такого основательного исследователя российской истории наблюдение о повторяющихся ситуациях связано с перестройками, т.е. с преобразовательными периодами. В данном случае закономерно возникают параллели между выводом Ключевского и проблемой синхронизации длинных волн Кондратьева и циклами российских реформ-контрреформ.

Ученик Ключевского П.Н. Милоков, предваряя свои "Очерки по истории русской культуры" общими рассуждениями о природе исторического процесса, формулирует ряд тезисов, которые в совокупности, по мнению автора, раскрывают метод научной социологии, способный вскрыть действительные причины и тенденции развития человечества, в том числе и российского общества. Обратим внимание только на один, наиболее важный для нашего анализа аспект этих тезисов. Он, по выводу Милокова, состоит в том, что научная социология развивает "представление об однообразном ходе национальных историй", "... изучает эволюцию каждого отдельного организма и находит в нем черты, сходные с эволюцией других организмов"², "... вскрывает сходные черты, закономерно повторяющиеся в их эволюции"³.

Милоков не употребляет в своих "Очерках" понятие "цикл". Но сама идея о закономерно повторяющемся развитии отдельных

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. III. М., 1988. С. 242.

² Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. I. М., 1993. С. 47.

³ Там же. С. 52.

(локальных) общественных организмов говорит о том, что у Милкова, по крайней мере применительно к российской истории, над прогрессистом-западником верх берет самобытный мыслитель, глубоко сознающий уникальность национальной действительности. Не случайно он с явным предпочтением пространно цитирует и анализирует Вико и Данилевского, одновременно критикуя О. Конта¹. При этом он записывает в своих "Очерках" такое примечательное положение: "Главной ошибкой Огюста Конта, при всех огромных заслугах этого творца социологии, было именно то, что он построил свое учение о стадиях человеческого прогресса по всемирно-историческому принципу"².

Более конкретные модели циклического развития российского общества появляются в отечественных исследованиях уже в 70 – 80-е гг. XX в.³, хотя и сегодня нельзя сказать, что они являются распространенными и тем более общепринятыми.

Перед тем как анализировать современные циклические модели необходимо отметить их основную отличительную особенность от линейных теорий. Для циклистов главным является не сам исторический процесс как таковой, а *механизм общественных изменений*, который и определяет не только временной (циклический) ритм, но и *пружины, источники или матрицы социальной динамики*.

Возьмем, например, концепцию русской истории А.С. Ахиезера. Для этого автора циклы истории – это "более или менее ярко выраженные повторения в истории, колебания, пульсации тех или иных важных характеристик массовых обществ"⁴. А каков механизм действия этих циклов? У А.С. Ахиезера ответ на этот вопрос таков: "Существеннейший механизм циклов истории – колебания инверсионного типа⁵... включая колебания массового сознания от одной крайности к другой, от господства одного нравственного идеала к противоположному и обратно. Важнейший элемент этого колеба-

¹ Там же. С. 42, 45–48.

² Там же. С. 46.

³ Необходимо отметить, что попытки объяснить историю крупных общественных систем (не России) на основе теории цикла предпринимаются и в западной науке. См., например: Шлезингер Артур М. Циклы американской истории. М., 1992. Особенно интересна гл. 2. "Циклы политической жизни Америки" (с. 41–77). Автор этой книги, обосновывая свой подход, ссылается на идеи многих историков и философов, и в частности на слова такого авторитета, как Р.Дж.Коллингвуд: "Исторический цикл - это перманентная черта всей исторической мысли..." (там же. С. 52). П.Штомпка же анализирует историческую эволюцию социальных теорий и приходит к выводу: "Похоже, что циклический образ процессов сформировался в общественном сознании раньше, чем более сложный образ роста. Очевидно, такое представление имело место в человеческом восприятии мира задолго до того, как появились систематические теории" (*Штомпка П. Социология социальных изменений*. С. 188).

⁴ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М., 1991. С. 436.

⁵ Инверсия (у Ахиезера) – элементарная логическая клеточка мышления, смыслообразования, деятельности, социальных изменений (см.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. С. 116).

ния – возникновение в массовом сознании при приближении к критической точке, к порогу дискомфорта состояния. Оно вызывает активное противодействие дальнейшему продвижению в этом направлении, стремление, впрочем не всегда адекватное, вернуться к комфортному состоянию”¹.

Действие именно этого механизма лежит, по мнению Ахиезера, в основе циклического развития и российского общества. Этот автор считает, что за много веков своей истории наше общество прошло два больших цикла и стоит на пороге третьего. Временные рамки этих циклов следующие: первый – от возникновения Руси (от князя Олега) до 1917 г. и второй – от 1917 г. до перестройки второй половины 80-х гг. Каждый из этих двух циклов имеет по 7 периодов, которые выделяются по господствующему на определенном историческом этапе идеалу. И несмотря на то что аналогичные этапы первого и второго циклов разделены почти десятью веками российской истории, по Ахиезеру, можно констатировать четкую повторяемость социокультурной и идеологической ситуации.

Так, например, на первом этапе как первого (от князя Олега до удельной Руси), так и второго (от 1917 до середины 1918 г.) циклов господствует ранний соборный нравственный идеал, на втором этапе (от Ивана Калиты до Великой смуты – первый цикл и военный коммунизм – второй) – ранний умеренный авторитарный идеал и т.д.²

Другая не менее оригинальная концепция циклического развития российской истории разработана А.Л. Яновым. По его мнению, движущий механизм русской истории имеет политическую природу и сводится к взаимодействию следующих друг за другом политических режимов. Суть этого взаимодействия состоит во взаимном антагонизме этих режимов. “Каждый из русских режимов, – пишет Янов, – имеет свою функцию не только противоположную функции предшествующего режима, но и более или менее независимую от сознательных намерений его лидера”³. Именно это создает, по Янову, поразительную живучесть русской политической автократии, которая в момент кризиса и даже коллапса способна на системные метаморфозы, во время которых автократия воспроизводит себя в новых подсистемах. Всего в российской истории Яновым выделяются три такие подсистемы автократии – Московская (1564–1700 гг.), Петербургская (1700–февраль 1917 г.), Советская (октябрь 1917 – ?)⁴.

¹ Там же. С. 436.

² См. в сжатом виде: Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России // Подис. 1991. № 5. С. 59. Более подробно: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I–II. М., 1991. Данная концепция вызвала дискуссии и неоднозначные отклики среди российских ученых (См.: Общественные науки и современность. 1992. № 5 и 6; Вопросы философии. 1993. № 5). В частности, многие критикуют несовместимость по масштабам и социальным сдвигам тех двух циклов, которые выделяет Ахиезер.

³ Янов А. Русская идея и 2000-й год. New York., 1988. С. 30.

⁴ Там же. С. 29–30.

Воспроизводство политических подсистем в русской истории имеет, по Янову, циклический характер. Структура каждого такого исторического цикла (подробно Янов составляет схему двух циклов: цикл 1881 – 1917 гг. и цикл 1929 – ? гг.) состоит из ряда повторяющихся этапов: реформа (или попытка реформ) – контрреформистская диктатура – латентная реформа – переход к стагнации и политическая стагнация, затем опять реформа, вновь сменяющаяся контрреформаторской диктатурой¹. По аналогии с этой структурой соответствующие циклы можно выявить и для более ранних (чем 1881 г.) этапов русской истории. Материал для этого содержится в других таблицах Янова².

Важно отметить, что в основе циклической-схематизации у Янова лежат периоды реформ и контрреформ. Он дает в соответствии с этим и определение “русских исторических циклов” как “периодов, отделяющих одну контрреформу от другой”³.

Идеи циклического развития русского общества можно найти и в работах историка и писателя Н.Я. Эйдельмана. Не употребляя понятия “цикл”, этот автор тем не менее в качестве узловых для русского исторического процесса начиная с XV–XVI в., выделяет повторяющиеся периоды реформ, которые неизменно сменяются контрреформами. При этом он в качестве общей характеристики российской истории выделяет не только повторяемость и возвратно-поступательный характер модернизации, но и то, что “большая доля перемен как революционного, так и контрреволюционного характера идет сверху, от государства, или от сравнительно небольшой группы, стремящейся взять власть, “стать государством”⁴. Обе характерные особенности общественного развития России (смена реформ контрреформами и перемены как “революции сверху”) обусловлены, по мнению Эйдельмана, глубинными традициями отечественной истории.

Для описания хода этой истории Эйдельман употребляет понятие “спираль”. Он пишет: “Давным-давно мудрыми философами (среди которых Гегель и Маркс) было замечено и неоднократно повторено, что человеческая история движется как бы по спирали; каждый следующий виток, несомненно, отличается от прежних и в то же время чем-то похож...”⁵. Правда, представление об этой спирали у Эйдельмана принципиально иное, чем у Маркса и Гегеля, хотя бы уже потому, что в качестве витков он выделяет не формации и эпохи, а достаточно непродолжительные (несколько десятилетий) отрезки российской истории.

¹ Там же. С. 398, а также: *Yanov A. The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible. Berkeley etc., 1981.*

² См.: *Янов А. Русская идея и 2000-й год. 1988. С. 396–397.*

³ Там же. С. 29.

⁴ *Эйдельман Н.Я. “Революция сверху” в России. С. 169.*

⁵ Там же. С. 23–24.

В самое последнее время свои версии циклического развития России все чаще начинают предлагать представители негуманитарных наук. Их подходы отличаются не только насыщенностью математического и графического материала, но и нестандартностью и даже неожиданностью методики анализа социальных и исторических проблем, не говоря уже о выводах¹.

Так, например, молодой исследователь В.М. Папинский строит свою концепцию на критике других циклических теорий (Ахизер, Янов), считая, что они не выявляют подлинные циклические ритмы российской истории, а лишь фиксируют ее эмпирическое постоянство. Это, по его мнению, приводит к выделению в качестве циклов таких эпох российской истории, которые не сопоставимы друг с другом ни по временной протяженности, ни по масштабам социально-экономических перемен². По мнению этого автора, "более обобщенный анализ исторического циклизма как такового, проникновение в его сущность, требует и более абстрактного восприятия процессов функционирования человеческого общества, например восприятия сообщества в виде некоей среды и исследование его, таким образом, с теоретических позиций социальной экологии"³.

Что же дает данный социально-экологический подход?

Анализируя многовековой ход российской истории, Папинский выявляет в нем чередование 32-летних периодов, связанных с естественной и определенной по времени сменой поколений. Существует следующий друг за другом 32-летних периодов попеременно меняется. Сначала для этого периода характерна "десоциализация старого и административное структурирование нового", следующему за ним периоду свойственно уже "рассредоточение властных полномочий, осуществляемых из центра, передача их в составляющие евразийское пространство части и локализованная адаптация новых ценностей"⁴. Эти два периода называются полудиклами I и II типов. Их совокупность составляет основной 65-летний цикл. На такие циклы, по мнению Папинского, и разбивается русская история⁵.

Автор данной концепции не отрицает существования циклов различной длительности (в том числе и длинных волн Кондратьева),

¹ См., например, работы математика А.Т.Фоменко: *Фоменко А.Т. Исследование по истории древнего мира и средних веков. Математические методы анализа источников. Глобальная хронология.* М., 1993; *Он же.* Критика традиционной хронологии античности и средневековья. (Какой сейчас век?). Реферат. М., 1993.

² См.: *Папинский В.М. Циклическость в истории России.* (Взгляд с позиций социальной экологии) // *Полис.* 1994. № 4. С. 111-112. Строго говоря, это правильная мысль, ибо цикл, кроме всего прочего, является сам единицей социального времени; при помощи цикла мы не только выявляем механизмы исторического процесса, но и измеряем этот процесс. В линейной парадигме для этого используются специальные единицы времени: "сутки", "год", "столетие" и т.д.

³ Там же. С. 112.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же.

но он считает, что эти циклы либо поглощаются 65-летними, либо являются некорректными, так как не вписываются в схему удвоения величины цикла (32 – 65 – 130 и т.д.) в силу отсутствия “механизма согласования ритма смены поколений с “хаосом” конкретных событий”¹.

Но обнаруживаются некоторые погрешности и в самой концепции Папинского. Во всяком случае, когда стройная математическая схема 65-летних циклов начинает накладываться на реальную историю, то обнаруживаются отклонения. Папинский составляет таблицу так называемых “номинальных дат начала полуциклов I и II типов”, где в качестве временных вех циклического процесса берутся периоды реформ и контрреформ в России. И эти “номинальные даты” заметно не совпадают с 65-летним циклом. Например, в XIX в. выделяются два первых полуцикла (реформа) – 1801–1825 (24 года) и 1855–1881 гг. (26 лет) и два вторых полуцикла (контрреформа) – 1825–1855 (30 лет) и 1881–1917 гг. (36 лет). Получаем два цикла – 50 и 66 лет². Наверное, сказывается непонятное с научной точки зрения действие “хаоса конкретных событий”.

Проанализированные выше концепции циклического развития России продолжают быть нетрадиционными для современных отечественных политологических и исторических исследований. Автор настоящей работы так же однозначно не относит себя к сторонникам этих теорий. Но в любом случае взгляд на российский политический процесс именно под этим углом зрения высвечивает целый ряд специфических особенностей развития России. И главная из этих особенностей состоит в том, что ритм волнообразно-циклического развития российского исторического процесса представляет собой чередование периодов реформ и контрреформ, и поэтому именно в этих социально-политических изменениях следует искать механизмы и матрицы национального развития.

Вместе с тем обращает на себя внимание и то, что в циклических теориях (как, впрочем, и в ряде других научных исследований, посвященных истории России³), в которых повторяющиеся периоды

¹ Там же. С. 119.

² См.: там же. С. 120.

³ Несмотря на то что в течение 10 лет мы живем в условиях реформ, в современной научной литературе практически отсутствуют крупные обобщающие исследования по российским реформам. Можно назвать исследования по истории отдельных периодов реформ: *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *Великие реформы в России. 1856–1874.* М., 1992; *Литвак Б.Г.* Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформа и революция. Спб., 1991; *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; и др. Выпущен также ряд сборников, в которых под одну обложку собраны не связанные друг с другом очерки по отдельным реформам или реформаторам: *Реформаторы России.* М., 1992; *Судьбы реформ и реформаторов в России.* М., 1995; *Российские реформаторы (XIX – начало XX в.).* М., 1995. Исключением является небольшая книга (сборник ста-

реформ и контрреформ являются единицами циклического ритма, практически отсутствует анализ самих этих сложных процессов, отсутствует сравнительный анализ реальных перемен, которые происходили в России на различных этапах ее истории. Понятия “реформа” и “контрреформа” носят чаще всего обобщенно – собирательный характер, и сами исторические циклы в развитии российского общества становятся как бы условными, метафорическими.

Поэтому, прежде чем анализировать феномен повторяемости в российской истории, необходимо рассмотреть в сравнительном аспекте сами повторяющиеся явления, т.е. периоды реформ и контрреформ. Чаще всего с конца XVII в. по 20-е гг. XX в. в истории России выделяется пять периодов реформ:

- 1) последние годы XVII в. – 1725 г. – период петровских реформ;
- 2) первые два десятилетия XIX в. – преобразования Александра I;
- 3) 1861–1873 гг. – “Великие реформы” Александра II;
- 4) 1905–1911 гг. – реформы Витте–Столыпина;
- 5) 1917 – 1920-е гг. – период социалистического переустройства (“социалистическая революция”).

В отечественной истории происходили и другие реформы, которые не вошли в данный перечень. Вообще можно отметить, что понятие “реформа” очень широко применяется историками для характеристики различных процессов и событий в истории России. Но анализ их содержания и последствий приводит к выводу, что этим понятием определяются периоды и процессы, качественно отличные друг от друга, и поэтому их целесообразно разделить на две группы.

К первым необходимо отнести преобразования, осуществляемые либо в отдельных общественных сферах (например, реформа местного управления Екатерины II или реформа Киселева), либо одновременно в нескольких сферах (например, реформы 60–70-х гг. XIX в.). Но и в том и в другом случае эти реформы являлись переменами в рамках существующей системы. В лучшем случае они обновляли ее, придавали ей новые импульсы развития, но не покушались на ее целостность и идентичность. Конечно, особо выделяются реформы комплексного характера, которые занимают целый период исторического процесса. В XIX – начале XX в. таких периодов было три: преобразования Александра I, реформы 60–70-х гг., реформы Витте – Столыпина. В рамках этих периодов официальными реформаторами предпринимались наиболее серьезные, хотя в конечном итоге и малоуспешные попытки модернизации режима самодержавной монархии.

Наряду с этими реформами в истории России происходили и преобразования другого типа. В литературе их также иногда называют реформами, хотя часто в этом случае употребляется и термин

тей): Из истории реформаторства в России. Философско-исторические очерки/Под ред. А.А. Кара-Муры. М., 1991, а также небольшое количество статей в научных журналах.

“революция”. Эти реформы-революции не только изменяли различные сферы общества, но и радикально преобразовывали саму общественную систему, придавали ей новый облик, создавали новые политические, правовые и хозяйственные структуры и отношения. К таким реформам-революциям, безусловно, необходимо отнести преобразования Петра I и социалистическое переустройство России.

Отличия между двумя выделенными типами общественных преобразований в России (реформы и реформы-революции) существуют не только в содержании результатов перемен, но и в ходе, характере преобразовательного процесса. Первый тип (реформа) — это эволюция, постепенные внутрисистемные перемены, которые направлены на обновление, оптимизацию общественных структур и отношений. Второй (реформа-революция или просто революция) — это бифуркация, взрыв, катастрофический разлом и разрушение системных связей¹. В этом случае осуществляется прорыв к новому, иному государственному и социально-экономическому порядку.

Рассмотрим сначала преобразовательные процессы этого второго типа. Выше мы выделили два революционных сдвига в российском обществе в период с конца XVII в. по первые два десятилетия XX в. (преобразования Петра I и социалистическое переустройство). По времени их разделяют два века, и поэтому они, конечно, относятся к различным эпохам отечественной истории. Но сравним преобразования, которые происходили в эти эпохи, и мы обнаружим поразительное сходство и повторяемость явлений и процессов, позволяющие нам, во-первых, отнести их к одному типу общественных изменений, а во-вторых, показать их качественное отличие от всех других преобразований, которые происходили в России в XIX в.

Какие же сходные черты реформ-революций в России мы можем выделить?

Во-первых, в ходе этих революций не только радикальным преобразованиям были подвергнуты социально-экономические структуры и отношения, но и революционным способом, методом революционной ломки изменилась политическая система. Революционно-разрушительный характер политических преобразований обуславливался прежде всего тем, что объективно они не могли иметь пол-

¹ Понятие “катастрофа” применительно к радикальным преобразованиям в России получило широкое распространение в отечественных исследованиях последних лет. См., например: *Иозинский В.П.* Тайна российских катастроф // *Полис.* 1992. № 4; *Лесков Л.* Катаклизмы в России в свете теории катастроф // *Общественные науки и современность.* 1994. № 1; *Артамонов В.* Катастрофы в истории российской государственности // *Общественные науки и современность.* 1994. № 3; и др. Нужно только отметить, что зачастую понятие “катастрофа” имеет по преимуществу метафорически-эмоциональное, а не научное значение, тогда как “катастрофа” как специфический и вполне определенный сдвиг в общественном развитии, качественно отличный от других типов социальных изменений, уже давно является предметом специальных теорий. См.: *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. М., 1980; *Гилмор Р.* Прикладная теория катастроф. М., 1984; *Арнольд В.И.* Теория катастроф. М., 1990; и др.

ностью легитимный характер, так как всякий раз были связаны с перераспределением власти между различными политическими группировками, с фактической сменой правящих политических элит, либо с радикальным перерождением и изменением статуса прежних элит. В этот период упразднялись органы власти, имевшие ключевое положение в старой общественной системе, и возникали новые властные институты, т.е. менялась государственная система. Такие преобразования, как правило, сопровождались ужесточением политического режима, установлением авторитарных или диктаторских форм правления, обеспечивающих адекватные условия для проведения экономических преобразований.

Так, в начале XVIII в. Петром I вместо сословно-представительской монархии был установлен режим абсолютной монархической власти, а после октября 1917 г. в России появляется диктатура пролетариата – леворадикальная диктаторская власть большевиков – режим значительно более жесткий по сравнению не только с послефевральской демократией, но с и поздним периодом самодержавной монархии.

Почему в период реформ-революций происходит ужесточение режима власти? При ответе на данный вопрос мы сталкиваемся со второй общей особенностью преобразований данного типа. Она состоит в следующем: эти преобразования являются неизбежным и необходимым ответом на вызовы времени, причем ответом уже запаздывающим, требующимся как спасение общества от неминуемого краха. В этом смысле российские реформы-революции обусловлены предшествующим историческим развитием, которое на определенной стадии и приводит к необратимому ухудшению, деформациям и развалу устаревших структур. Именно такое положение дел стало отправной точкой петровской революции, когда порядки боярской, сословно-представительской монархии превратились в XVII в. в реальную преграду для жизненно необходимых для России мероприятий по формированию хорошо оснащенных и управляемых армии и флота, введения элементов государственного регулирования экономики и торговли, без чего в свою очередь невозможен был выход к незамерзающим морским портам, а значит и дальнейшее развитие российской экономики. К аналогичной ситуации пришло российское общество и в начале XX в., когда самодержавный режим, полностью исчерпавший свой потенциал двигателя и охранителя национальной общественной жизни, в течение целого десятилетия так и не смог найти в себе силы для передачи хотя бы части власти другим политическим элитам, способным вывести Россию на новый уровень развития.

Являясь вынужденным и неотложным ответом на вызовы времени, а также в силу радикальности своих целей, эти реформы-революции представляют собой широкомасштабные социальные импровизации: у них нет заранее продуманной определенной концеп-

ции, нет даже предварительного плана или программы преобразований. Реформаторы действуют в этом случае методом “проб и ошибок”, а сам преобразовательный процесс плохо управляем, зигзагообразен и непредсказуем.

О подобной особенности петровских преобразований писал в прошлом веке П.Н. Милуков: “Самый характер всей этой изложенной реформы показывает, что она не была делом теоретического обсуждения. Законодатель не пошел в ней дальше, чем требовали неотложные нужды времени, и для их удовлетворения ограничился тем, что попалось под руку”¹.

Такой же импровизацией было и большинство социально-экономических мероприятий большевиков. В огромном теоретическом наследии К. Маркса и Ф. Энгельса практически не было разработано приемлемых для России программ экономических мероприятий в переходный период (на теоретические трудности в этом вопросе прямо указывал Энгельс). Поэтому переход от “военного коммунизма” к нэпу вряд ли стоит рассматривать лишь как естественный переход от экономической политики военного времени к “мирной экономике”. Такая трактовка данного перехода, свойственная некоторым исследованиям по истории КПСС, противоречит, как это ни странно, оценкам В.И. Ленина, который считал “военный коммунизм” ошибкой. Он писал: “Мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкобуржуазной стране”². Позднее Ленин даже делал вывод, что большевики “вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения... на социализм”³.

Необходимо отметить, что в 1920–1921 гг. (а именно к этому периоду относятся публично высказанные сомнения Ленина в безусловной правильности политики “военного коммунизма”) в большевистском руководстве существовала и другая, более радикальная позиция по проблемам переходного периода от капитализма к социализму. Один из теоретиков партии Н.И. Бухарин в предисловии к книге “Экономика переходного периода” (1920 г.) формулирует следующее принципиальное положение: “Старое и в его государственной, и в его производственной формулировке раскалывается, распадается до самых низов, вплоть до самых последних глубин. Никогда еще не было такой грандиозной ломки. Но без этого не могла бы быть революция пролетариата, который из распавшихся элементов в

¹ Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1892. С. 715. В современной литературе этот вопрос подробно анализирует Н.И.Павленко (см.: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 297, 453–455 и др).

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

³ Там же. Т. 45. С. 376.

новой связи, в новых сочетаниях, по новым принципам строит фундамент будущего общества”¹.

Разница в подходах Ленина и Бухарина очевидна. Первый трезво оценивает реалии мелкобуржуазного российского общества и пытается на этой основе строить перспективы переходного процесса, второй целиком исходит из доктрины пролетарской революционной ломки, которую буквально и без всяких колебаний нужно осуществить в России.

Но как показала последующая история Советской России, радикалистская позиция Бухарина оказалась ближе к реальной действительности, ибо социалистическое переустройство (как и петровские преобразования) оказалось отрицанием не только предшествующей эпохи, но всей прежней истории России. В этом заключается следующая, *третья* особенность этого типа преобразований.

Петровские реформы, которые мы приняли за исходный пункт анализа исторического процесса, стали безусловным отрицанием всей предшествующей “московской” истории России. “Строительство социализма в СССР” явилось реальным отрицанием не только петровской России, но и всей ее православно-монархической истории. Это отрицание было связано с основными императивами нового государственного порядка, но оно, конечно, не могло быть и не было абсолютным. Напротив, в этом отрицании отразилась противоречивость, “свет и тень” переходного, переломного времени.

Наиболее рельефно данная особенность реформ-революций проявилась в главных деятелях этого времени – Петре I и Ленине.

Недавно вышла в свет аналитическая антология, в которой собраны не только взвешенные научные суждения о деятельности Петра I и о его личности, но и “полоса” русской мысли и обыденных мнений по этому вопросу². Читая даже некоторые заголовки разделов этой антологии (“Петр – языческое божество, титан”, “Петр – спаситель России”, “Петр – учитель” и противоположные: “Петр – лидер насмешников и предателей”, “Петр – псевдотворец”, “Петр – Антихрист” и т.д.³), невольно вспоминаешь аналогичные оценки (и ярлыки), которые в избытке появились в печати в период гласности по поводу личности и деятельности Ленина. Разброс и острота суждений о Петре и Ленине обусловлены тем, что они являются персонафицированным олицетворением, отражением национального разлома, созидания нового порядка через радикальное отрицание старого.

И наконец, *четвертой* важной чертой, содержащей много элементов общего в российских реформах-революциях, является трагическая цена, которую приходилось платить широким слоям населения в преобразовательном процессе. Эта цена была обусловлена прежде

¹ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 94.

² См.: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. Иваново, 1994.

³ Там же. С. 5–11.

всего непосредственными столкновениями между различными слоями общества в связи с перераспределением собственности и власти. Мирным путем такие вопросы не решаются. Вряд ли без насилия возможно было формирование поместной системы дворянского землевладения вместо боярской удельной власти, рекрутской регулярной армии вместо стрелецкого войска во время Петра. Оценивая в целом результаты петровских реформ, П. Милюков пришел к поразительному и даже на первый взгляд парадоксальному выводу: "Ценой разорения страны Россия была возведена в ранг европейских держав"¹. И тем более без насилия и крови невозможно было установление власти рабочих и крестьян во времена Ленина и Сталина, ибо в этом случае была поставлена (и в достаточно короткие сроки реализована) задача уничтожения нескольких сословий старого российского общества. В несколько завуалированном виде данная задача была закреплена в первой Советской Конституции (ст. 9): "Основная задача... заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства... в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком..."².

Таким образом, анализ российского исторического процесса приводит к выводу, что на протяжении последних трех веков мы сталкиваемся по меньшей мере с двумя специфическими реформами-революциями (или системными революциями), которые имеют четыре повторяющиеся, сходные характеристики: ужесточение политического режима; переход к новому обществу как социальная импровизация; созидание нового через радикальное отрицание старого, а сам переход — противоречие между старым и новым; высокая социальная цена. Эти черты или характеристики свидетельствуют больше о внешнем, поверхностном слое переходных процессов, но они отражают в себе и наличие внутренней, сущностной основы, которая объединяет социальные изменения этого типа, обеспечивает механизм повторяемости переходных явлений и создает в реальной истории России двухвековой гиперцикл от петровских преобразований до революционной ломки 1917–1920-х гг.

Проблема повторяемости революционных катаклизмов в истории России как предмет научного анализа был поставлен в работах ряда русских мыслителей-эмигрантов.

П.Б. Струве, например, предостерегал от упрощенных оценок и выводов о революционных событиях 1917 г. В 1921 г. он писал: "Русская революция есть великая историческая проблема, я бы ска-

¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. С. 735. До этой фразы Милюков приводит данные, в соответствии с которыми в период петровских реформ Россия потеряла около 20% населения, а налоговое бремя увеличилось втрое.

² Образование и развитие СССР как союзного государства: Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972. С. 16–17.

зад, почти – загадка...”¹. “Чем объясняется эта историческая загадка, которую многие предвидели, или вернее предчувствовали?” – ставит далее вопрос Струве и сам на него отвечает: “Этот сложный вопрос может быть разъяснен только обращением к истории: подобная катастрофа не может не возникнуть глубоко в историческом развитии всего русского народа и его власти”².

Размышляя над этими сложными вопросами, Струве пытается найти объяснение причин революционного катаклизма 1917 г. в повторяемости русской истории. Он, в частности, находит очень много общих черт в событиях начала XX в. и в Смуте XVII в.³ Из этого наблюдения он делает вывод о том, что в 1917 г. “история вернула (выделено мною. – Авт.) нас в новой форме к задачам, которые, казалось, были разрешены навсегда нашими предками”⁴.

Мысли Струве перекликаются с выводами, которые делает в своем фундаментальном труде по истории революции 1917 г. П.Н. Милоков. В нем он определяет свою задачу прежде всего в необходимости подробного анализа политического процесса в России в 1917 г., в рассмотрении многочисленных эпизодов этого небольшого, но чрезвычайно богатого на крупные события периода отечественной истории. Вместе с тем как крупный русский историк Милоков не мог не заглянуть за ширму повседневной политической борьбы и задуматься над “корнями второй русской революции”. Поэтому в предисловии к своей “Истории”, оговариваясь о том, что данный предмет не является задачей его исследования, он дает совет будущему “философу русской революции”. По мнению Милокова, этот философ “должен будет, конечно, искать ее корней глубоко в прошлом, в истории русской культуры. Ибо, при всем ультра-модерном содержании выставленных в этой революции программ, этикеток и лозунгов действительность русской революции вскрыла ее тесную и неразрывную связь со всем русским прошлым... Русская революция обнажила перед нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностным слоем недавних культурных приобретений”⁵. Таким образом, два крупнейших деятеля российской интеллектуальной эмиграции – П.Б. Струве и П.Н. Милоков, подходя к анализу 1917 г. в России с разных позиций, сошлись в главном выводе: причины этого революционного разлома нужно искать в глубинах российской истории.

Фактически в своих философских рассуждениях о причинах революции 1917 г. указанные русские мыслители как бы подсказали будущим исследователям правильную дорогу в познании сложной и

¹ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 19.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Милоков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. София, 1921. С. 11.

противоречивой эволюции российского общества. К сожалению, данная подсказка в свое время так и не была никем услышана.

Только через много лет, в 1993 г. один из иностранных участников дискуссии по проблемам 1917 г., Л.Хаймсон, (разумеется, без ссылок на Струве и Миллюкова) предложил рассмотреть политический процесс в России первых двух десятилетий XX в. на основе идеи Ф. Броделя о сегментации социального времени. По мнению Хаймсона, в каждой – и тем более переломной – исторической ситуации необходимо видеть наложение, сочетание краткосрочных процессов и событий и долгосрочных, идущих из глубин истории факторов и тенденций¹.

Представляется, что именно этот подход может стать наиболее плодотворным не только для лучшего понимания прошлого, но и для осмысления природы современных процессов в России. Главная методологическая и эвристическая идея, которую подсказывает и обосновывает указанный подход, заключается в том, что в радикальных переменах в России как в прошлом, так и в настоящем необходимо, несмотря на всю их противоречивость и импульсивность, видеть не только стихию политической и социальной борьбы, но и действие определенного фундаментального закона, “вековой тенденции” (термин Броделя) развития российского общества. Эта идея с необходимостью приводит к важному выводу о том, что сама природа переломных, переходных процессов и периодов включает в себе взаимосвязь настоящего и прошлого, что при переходе от одного состояния общества к другому не только происходит разрыв с прошлым, но и обеспечивается специфическая преемственная связь нового настоящего и старого прошлого.

Анализ данной преемственной связи в исторической эволюции российского общества показывает, что внутри двухвекового гиперцикла русской истории, начавшегося петровскими преобразованиями, а завершившегося революционными событиями 1917–1920-х гг., выделяются три периода менее радикальных перемен в функционировании общественной системы – преобразования Александра I, реформы 60–70-х гг. и реформы Витте–Столыпина.

В преобразованиях этого типа мы также можем найти сходные, повторяющиеся черты и характеристики. Во-первых, изменения в различных общественных сферах в период таких реформ не импульсивны и не случайны, а проводились по определенному, заранее разработанному плану. Инициатива этих изменений находилась целиком в руках действующей правительственной власти, и на роль реформаторов выдвигались официальные представители высшей царской администрации. Во время царствования Александра I реформационные проекты были предварительно разработаны, а затем частично претворены в жизнь высшими царскими чиновниками –

¹ *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 20–22.

М.М. Сперанским и Н.Н. Новосильцевым. В 1855–1861 гг. “пакет” реформ был тщательно разработан в находящихся под полным контролем царского правительства специальных комитетах. В начале XX в. на роль теоретика и идеолога предстоящих преобразований выдвигается ставший позднее премьер-министром С.Ю. Витте, а затем его сменил и на государственном посту, и в роли реформатора П.А. Столыпин.

Во-вторых, эти реформы были нацелены прежде всего на социально-экономическую область и очень слабо затрагивали сферу государственного управления. Во всяком случае в их задачу изначально не входило изменение государственного порядка, по сути дела того типа монархической власти, который в начале XVIII в. был установлен Петром. При Александре I по инициативе Сперанского был учрежден Государственный Совет как высший административный орган империи с законосовещательными функциями. Предложения же того же Сперанского о созыве выборной Думы и проекты Новосильцева о конституционных изменениях в стране так и не были востребованы. Во время реформ 60–70-х гг. очень умеренные проекты об образовании выборных органов с сугубо совещательными полномочиями, которые предлагали П.А. Валуев и М.Т. Лорис-Меликов (оба – министры внутренних дел в разные годы), так и не были реализованы. И наконец, в начале XX в. все-таки учрежденный в России выборный орган представительной власти – Государственная дума в результате законодательных манипуляций царя так и оставалась до 1917 г. бесправным учреждением в системе самодержавной монархии.

И в-третьих, проведение реформ сопровождалось резким обострением борьбы между различными политическими и социальными силами. В первый период реформ это было связано с деятельностью тайных обществ декабристов, закончившейся восстанием на Сенатской площади. Во второй – с нарастающей волной народофильского террора и убийством Александра II. В третий – с революцией 1905–1907 гг. и последующей после нее беспощадной террористической деятельностью против правительства со стороны социалистов (в основном эсеров). В начале XX века политическая борьба в российском обществе, усугубленная мировой войной, вылилась в революции 1917 г. В предшествующие же два периода реформ ход этой борьбы переламывался властью, после чего начинался период контрреформ, во время которых реформаторские процессы замедлялись, потом вообще останавливались, а затем принимались меры, возвращающие общество на дореформаторские позиции.

Общая картина социальной динамики российского общества в период с конца XVII в. по 20-е гг. XX в. такова: две системные революции с интервалом в двести лет, между ними – три внутрисистемные реформы, из которых две первые заканчиваются периодами контрреформ, а третья, последняя, выливается во внутрисистем-

ную революцию. (Схематическое изображение данной динамики см. на с. 52).

Важнейшим для интерпретации этой динамики является вопрос ее детерминация. Разумеется, этот вопрос всегда был в центре внимания исследователей российской истории. Но наиболее распространенным способом решения данного вопроса было подведение России под общую логику мирового развития с ориентацией на наиболее развитые страны. Причем этот способ одинаково работал как в либерально-прогрессивистской, так и в формационной парадигме. При этом логика рассуждений была очень проста: конечно, в общественном развитии России есть очень много уникальных, специфических особенностей, в том числе и явлений замедления социальных процессов, архаизации некоторых общественных отношений и т.д., но в целом Россия находится в потоке общемирового прогресса, подчиняется его законам и на определенном этапе достигнет высших ступеней социального развития.

Такая трактовка детерминированности развития российского общества не дает и даже не пытается дать ответы на конкретные и специфические вопросы, которые ставит перед любым исследователем российская история. Такие ответы, на наш взгляд, могут быть найдены только на стыке историософии и конкретных научных методов, оперирующих моделями социального времени.

Выше уже говорилось, что в достаточной степени можно считать доказанным влияние (хотя и не прямолинейное и однозначное) длинных волн (а значит и соответствующих временных ритмов) западной экономики на Россию. Причем автор концепции длинных волн Кондратьев, как известно, вовсе не отрицал, а, наоборот, принимал как необходимую посылку существование общей тенденции (тренда) восходяще-поступательного развития мирового сообщества. Он писал: "Принимая существование больших циклов, разумеется, нельзя думать, что экономическая динамика представляет собой процесс простых колебаний около какого-то одного уровня. Она представляет собой, несомненно, процесс развития..."¹. Поэтому если усложнить картину детерминационных влияний мировой экономики на Россию, то получится, что она будет состоять не просто из длинной волны, а из фундаментального тренда общемирового развития, вокруг которого (или по оси которого) как по линии равновесия происходят колебательно-волновые (циклические) процессы (длинные волны) развития социально-экономических явлений и отношений².

¹ Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 69.

² Для большинства ученых, придерживающихся данной модели, вопрос о том, что первично в соотношении двух динамических типов социального развития "тренд-цикл", является дискуссионным. Хотя встречаются и однозначные суждения. Например, такой авторитет в области циклических процессов, как Й.Шумпетер, в 1939 г. писал: "Эволюция есть по своей сути процесс, который движется циклами, а тренд есть лишь результат

Вместе с этим конкретно-исторический анализ социальной динамики России за последние века ее истории показывает, что одних моделей внешних детерминаций недостаточно, чтобы объяснить специфические колебания российского социума. Недостаточно и просто ссыла на уникальность исторического пути России и т.д. Так же как и в анализе длинных волн, когда кроме внешних параметров нас, безусловно, заинтересовал вопрос о причине (а значит и матрице) возникновения этих волн, о механизме их действия, и в интерпретации "специфики России" необходим аналогичный подход.

В связи с этим целесообразно выдвинуть следующую рабочую гипотезу: *Россия как сложная и долгоживущая общественная система имеет собственную и относительно независимую от внешнего мира матрицу развития, которая обуславливает национальный временной ритм социальной динамики.*

Идея целостности и самодостаточности российского общества (хотя может быть в данной гипотезе она и выражается в нетрадиционной форме) является не новой. Так, например, такой ученый как П. Милоков, которого вряд ли можно отнести безоговорочно к сторонникам нетрадиционной исторической науки, тем не менее, изучая особенности и эволюцию русских культурных традиций, обращается к идеям Спенсера. Отталкиваясь от эволюционно-организмической концепции Спенсера, П. Милоков считает, что для наиболее адекватного понимания сущности русской культуры и русского общества необходимо представить его как "отдельный (национальный) организм", который существует наряду с другими такими же организмами. Это понятие должно, по мнению Милокова, лечь в основу нового подхода к анализу общественных явлений — "новой социологии", которая придет на смену исторической науке, целиком построенной на идее всемирной истории, и которая свое видение исторического процесса будет развивать, "проводя аналогию между животным и социальным организмом"¹.

Думается, что сама идея о сходстве механизмов развития общества и природного мира слишком опрометчиво забыта и признана устаревшей в социальных науках. Во всяком случае к мнению Милокова необходимо прислушаться хотя бы потому, что он делает выводы не из изначально построенных абстрактных конструкций, а из анализа реалий исторического развития России².

данного циклического процесса или его свойство... Реален только цикл сам по себе" (Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: Сб. материалов конференции. Ч. 2. М., 1991. С. 156). Автор настоящей работы считает, что абсолютизация цикла также упрощает и огрубляет реальную социальную динамику, как и сведение ее только к поступательному росту.

¹ См.: Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 1. С. 43-47.

² В конце XIX — начале XX в. в России таких представлений о природе общества придерживался не только Милоков, но и целый ряд других ученых. Б.Н. Чичерин, например, рассуждая об этом предмете, ссылается на то, что многие российские теоретики

Данная идея, несмотря на гигантское расширение границ научно-го познания в XX в., в других формах возникает и в настоящее время. Целый ряд ученых приходит к выводу о том, что общество и история развиваются не по каким-то собственным, специфическим, а по единым, глобальным законам Природы. Н.Н. Моисеев пишет, например, об этом так: "Мне казалось, что представить возможные тенденции и альтернативы развития человечества... можно, лишь выйдя за традиционные рамки и изучая человечество как элемент некой единой системы, которую естественно называть "Вселенная". Пришло время, когда возросшее могущество человеческого общества уже не позволяет рассматривать его в качестве независимой социальной системы, вся история которой развивается на некоем фоне, называемом ныне окружающей средой. Сегодня мы уже стали понимать, что все взаимосвязанно, взаимозависимо, и любые локальные рассмотрения совершенно недостаточны для представления о характере развития системы "Человек – Природа"¹. В другом месте Моисеев вводит в употребление понятие "биосоциальные законы"².

Данный способ интерпретации социальных явлений и процессов развивается в настоящее время не только на основе научных открытий, необозримо раздвигающих наши представления об окружающем мире, о Вселенной, но и на новых, освобожденных от мистических или, наоборот, натуралистических представлениях о природе человека. Эти новые представления, разумеется, опираются прежде всего на данные современной науки и активнее используют накапливающиеся многие века повседневные наблюдения за поведением людей, их индивидуальной жизнью. Эти наблюдения достаточно достоверно свидетельствуют о том, что человек, человеческая личность, подчиняясь общим законам природы и общества, имеет собственные, уникальные, обусловленные генетическими, семейными и другими сугубо конкретными обстоятельствами рождения и созревания данного индивида особенности, или по-другому – матрицу своего развития, не говоря уже об индивидуальном духовном мире и т.д. Именно эти специфические, а не общие условия, доминанты и определяют развитие данного человека, его жизнь, его судьбу.

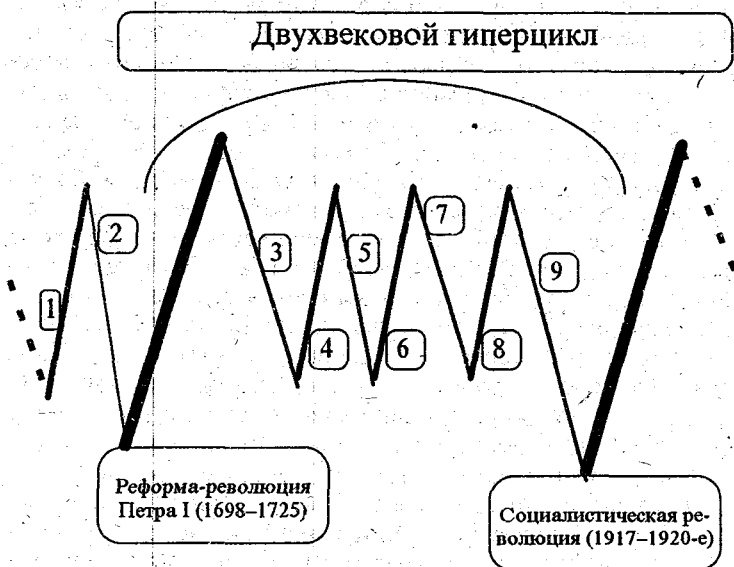
Абсолютно нет никаких препятствий для переноса этого эмпирического наблюдения из жизни конкретных людей (во всяком случае в гипотетическом плане) на социальный процесс в целом и на развитие отдельных общественных систем в частности. При этом

считают общество "организмом". И хотя сам он не безоговорочно принимает эту идею, он тем не менее употребляет в своих трудах такое понятие, как "политический организм" (см.: Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. II. Социология. М., 1896. С. 4–5, 41–42).

¹ Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм. (Почин и следствие) // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 28.

² Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 9–12.

СХЕМА
динамики российского политического процесса

Примечания:

А) Номинальные даты и названия периодов:

1. Церковная реформа Никона – Алексея Михайловича (“Раскол”) (1654–1667).
2. Кризисный период 1676–1689 гг.
3. Послепетровские царствования (1725–1801).
4. Преобразования (и проекты реформ) периода Александра I (1803–1820).
5. Контрреформа (застой) при Николае I (1824–1855).
6. Великие реформы 1861–1875 гг.
7. Контрреформы Александра II (1881–1895).
8. Реформы Витте-Столыпина (1905–1911).
9. Общациональный кризис (1914–1917).

Б) Ломаная линия данной схемы в целом символизирует колебательный характер российского политического процесса, но строго графически, в масштабе не отражает падение или повышение каких-либо реальных показателей развития общества.

для исследователя открывается необозримое, хотя и неспаханное, поле научного поиска, в котором он должен будет наряду с переосмыслением общих законов мироздания вторгнуться в достаточно неведомую область специфических законов внутреннего, автономного развития, обновления, саморелаксации локальных общественных организмов. На этом пути предстоит также – и это самое трудное, хотя и самое важное – определение доминантных основ этого автономного развития, матриц национальной жизни.

К выводу о существовании матриц развития крупных общественных систем подводит и идея о единстве и нераздельности пространства и времени, которую в отечественной науке выдвинул и развивал В.И. Вернадский, определяя данное явление одним понятием “пространство-время”¹. Эта идея логически подводит к выводу о том, что наряду со “всеобщим” социальным временем человечества существует некое “локальное” время, в котором живут “локальные” пространства, общественные системы, имеющие долгосрочные и самодостаточные характеристики своего развития. “Очевидно, – считает В.И. Вернадский, – раз пространство и время являются частями, проявлениями и разными сторонами одного и того же неделимого целого, то нельзя делать научные выводы о времени, не обращая внимания на пространство. И наоборот: все, что отражается в пространстве, отражается так или иначе во времени”².

Функционирующей основой развития локального “пространство-времени” и является национальная матрица, формирующаяся в исторических глубинах эволюционирующего социума, в специфическом переплетении связей и противоречий национальной жизни.

Выявление этих матриц, которое, безусловно, поможет понять природу и механизмы социальной динамики России, циклических колебаний (революция – реформы – контрреформы – революция) российского социума, возможно только в ходе анализа реального исторического процесса.

4. Дихотомия “власть – собственность” и матрица временного ритма России

Определение внутренних пружин развития российского общества, механизмов его динамики всегда было для отечественной науки одной из труднейших задач. Некоторые считали, что это вообще невозможно. Достаточно вспомнить тютчевское “умом Россию не понять”. Другие же мыслители относились к этому предмету менее пессимистически. К.С. Аксаков, признавая существующие трудности в познании России, ее исторического пути, прямо указывал на их при-

¹ См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 238.

² Там же. С. 240.

чины: "Русская история совершенно отличается от Западной Европейской и от всякой другой истории. Ее не понимали до настоящего времени, потому что подходили к ней с готовыми историческими рамками, заимствованными у Запада, и хотели ее туда насильно втиснуть, потому что хотели ее учить, а не у нее учиться..."¹

Постараемся следовать совету К. Аксакова и без всяких рамок и клише подойти к анализу российской истории, и прежде всего ее переломных, переходных периодов, в которых обострялись и обнажались многие противоречия политических и социально-экономических интересов, происходило наиболее острое и решительное их столкновение.

В качестве исходного пункта такого анализа сформулируем следующий тезис: *Ключ к открытию механизма российской социальной динамики, матрицы национального развития необходимо искать в отношениях власти и собственности² в России.*

Национальная специфика и направленность изменений в этом фундаментальном общественном отношении (или в соотношении этих двух общественных доминант) особенно полно и непосредственно проявляется в переходные эпохи российской истории. Поэтому мы прежде всего проследим, почему и как изменения в этих отношениях (или в соотношениях) происходили в периоды двух системных революций, через которые прошла Россия в начале XVIII и в начале XX в.

Наш анализ мы последовательно сделаем по трем аспектам: по политическому и социально-экономическому, социокультурному и геополитическому.

4.1* Политический и социально-экономический аспекты проблемы

Как бы мы ни оценивали смысл и значение петровской революции, ясно одно – ее корни нужно искать в предшествующих периодах российской истории. Масштабы и глубина общественного сдвига, который произошел в России в начале XVIII в., свидетельствовали о том, что накопление преобразовательной энергии происходило в течение многих десятилетий и было обусловлено реальными общественными условиями, сложившимися в России к концу XVII в. "Реформа, — пишет В.О. Ключевский, — сама вышла из насущных

¹ Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 1. Сочинения исторические. М., 1861. С. 2.

² Формула "власть – собственность", как и данные термины в отдельности, зачастую даже в научной литературе имеют условно-публицистический характер. Поэтому, чтобы не было путаницы, уточним, что в настоящей работе понятие "власть" употребляется в значении "центральное (верховное, общегосударственное) управление", а "собственность" – это "владение материальными благами", в качестве которых в российском государстве XVIII – XIX вв. выступала прежде всего земля.

нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером..."¹.

Два века, предшествующие Петру, можно назвать эпохой формирования и упрочения огромного централизованного государства, вырвавшегося из оков татаро-монгольского владычества на самостоятельный путь национального развития. Анализ этого периода русской истории в научной литературе всегда вызывал множество дискуссий и споров хотя бы потому, что он, как никакая другая эпоха, был насыщен войнами, восстаниями, переворотами и другими общественными катаклизмами. В этот период происходит также и такое эпохальное событие для любого монархического государства, как смена правящей династии.

Но в чем же заключалось главное противоречие этого периода, основное "яблоко раздора" для различных общественных сил, которое постоянно сталкивало их друг с другом? Если принять за точку отсчета XVI в., то можно с уверенностью сказать, что это противоречие, или это "яблоко раздора", необходимо искать на стыке существовавшей в то время монархической власти и господствующей системы землевадения.

С одной стороны, в процессе централизации и увеличения могущества Российского государства происходило естественное и неизбежное усиление и расширение политической власти монарха (великого князя или царя), но с другой – в качестве господствующей действовала децентрализованная, по сути удельная², система владения земельной собственностью. По мнению Ключевского, такая система сложилась по преимуществу на Верхневолжской Руси в XIII – XIV вв. в силу объективных условий освоения этого региона. В этом процессе сошлись два направления – географическое и политическое.

Удельное дробление земельной собственности возникло в силу особенностей колонизации, когда происходило не сплошное освоение территории, а обустройство локализованных, оторванных друг от друга условиями рельефа мелких речных районов (округов). При этом нужно учитывать и тот факт, что князь (владелец) приходил в этот уединенный район не на готовое, а как бы в пустыню, которую нужно было еще осваивать, делать пригодной для нормальной и производительной жизни³. Поэтому, заключает Ключевский, "...понятие о князе как о личном собственнике удела было юридическим следствием значения князя как заселителя и устроителя своего удела"⁴. Сами объективные условия становления российской госу-

¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 202.

² По Ключевскому, уделы (или вотчины) – это отдельные частные владения (землей или недвижимостью), постоянные или наследственные (см.: Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 338).

³ Там же. С. 348–349.

⁴ Там же. С. 349.

дарственности делали удельную власть и удельную собственность наиболее закономерной и целесообразной как с экономико-географической, так и с политической точки зрения.

Начиная с XV в. удельная система в ходе жизненно необходимого для дальнейшего существования Российского государства объединения земель начинает деформироваться. Удельная земельная собственность (а значит и местная власть) и централизованная общероссийская монархическая власть вступают в вопиющее противоречие и даже в смертельную борьбу друг с другом. В этой борьбе в конечном итоге, как известно, побеждает монархический центр, в результате чего удельная система трансформируется в систему поместного землевладения¹. Но не нужно упрощать смысл этой борьбы объективистскими, прогрессистскими подходами и мерками. Не нужно слишком сужать и исторические рамки этой борьбы. И то и другое могут скрыть от нас истинные пружины этой борьбы, а вместе с ними более долговременные механизмы и тенденции российского политического процесса.

Трансформация удельной системы в поместную происходила медленно и очень болезненно для русского общества. Для России смена систем землевладения означала смену фундаментальных основ общества, и поэтому изменение социально-экономических условий функционирования общества не могло произойти без перестройки всего общественного здания. Конечно, к такой всеобщей, комплексной перестройке русское общество было еще не готово ни в XVI, ни в XVII вв. Поэтому, говоря о процессе смены удельной системы на поместную в период XVI–XVII в., мы не должны забывать об инерционном действии “удельных порядков”, которые все еще фундировали старые условия жизни, замедляли преобразования в различных общественных сферах. Ключевский об этом писал так: “Не думайте, что с исчезновением великих и удельных княжеств тотчас без следа исчезал и удельный порядок, существовавший в Северной Руси. Нет, этот порядок долго еще действовал и под самодержавной рукой московского государя. Политическое объединение Северной Руси на первых порах выразалось только в единстве московской верховной власти, но не сопровождалось немедленной коренной перестройкой местного управления, где еще довольно устойчиво хранились остатки удельного порядка”².

Советский историк М.Н. Тихомиров, специально изучавший общественную жизнь в отдельных регионах (княжествах) Российского государства в XVI в., отмечал, что несмотря на то, что уделы в этот

¹ Главным отличием поместья от удела является то, что поместьем наделялся служилый человек государством (монархом) первоначально условно и временно (на время службы). В XVIII в. поместья становятся полноценной частной собственностью владельца, но и в этом случае многие аспекты деятельности поместья, а также акт купли-продажи находились под контролем государства.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 133.

период имели как бы вторичный характер и сила удельных князей заметно поубавилась по сравнению с прежними временами, удельные порядки тем не менее продолжали существовать. И вообще говорить о централизованном Российском государстве в XVI в. нужно осторожно, с оговорками, так как могущество великого князя нельзя смешивать с понятием централизации¹. В политическом смысле великий князь в XVI в. был действительно всемогущ, но в экономическом отношении Российское государство в то время еще было децентрализовано, поскольку внутренняя жизнь уделов продолжала оставаться автономной, и таможенные границы удельных княжеств и царских земель, например, соблюдались строго².

Почему же удельная система не могла быть быстро сменена новой, поместной системой? Потому что при взаимодействии с первой системой (удельной) у монархической власти имелся хотя и несовершенный, уже не отвечающий новым потребностям времени, но все же действующий механизм решения крупных государственных проблем, тогда как при второй системе (поместной) создавался лишь новый юридический статус отдельных единиц земельной собственности, но отсутствовал еще по объективным причинам новый экономический механизм функционирования общероссийского хозяйственного организма как единого целого.

Задумаемся над таким, казалось бы, парадоксальным обстоятельством: именно во времена Ивана Грозного — одного из наиболее жестких и авторитарных правителей монархической России — по инициативе царя начинают созываться Земские соборы — сословные представительные органы. Разгадка проста: царь имел огромную политическую власть, но при этом был сильно ограничен в экономических возможностях, не располагая достаточно мощными централизованными источниками пополнения своей казны. Основная собственность оставалась у крупных землевладельцев, которые по удельным традициям имели еще широкие возможности для ее использования. Поэтому для любого общегосударственного мероприятия, требующего крупных материальных средств (например, Ливонская война), необходимы были согласие и готовность "земель" (и в первую очередь крупных землевладельцев) выделить эти средства на общие нужды.

В последние годы в литературе (особенно публицистической) была сильно преувеличена демократическая сущность Земских соборов и тем самым искажена их роль в Русском государстве того времени. Забыли о том, что эти представительные сословные учреждения возникли не как результат естественного прогрессивного политического развития России (так, как это происходило на Западе)³, а как наи-

¹ См.: Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 34–42.

² См.: там же. С. 40.

³ У Ключевского есть два похожих друг на друга высказывания по этому вопросу. Первое: "Наш собор родился не из политической борьбы, как народное представительство

более адекватная форма связи государства и общества в период наиболее сильного обострения противоречий и столкновений различных социально-политических интересов, в условиях, когда централизованная государственная власть по объективным причинам еще не располагала всеми рычагами управления страной. Земские соборы были в России того времени своеобразной общественной камерой, где гасились противоречия и столкновения интересов, где выработывались консолидированные общенациональные решения.

Упрощенные толкования сути социально-политической ситуации в Русском государстве в XVI–XVII вв. возникают чаще всего из-за стремления некоторых исследователей с позиций формационной теории представить этот период как процесс становления классического феодализма. Ключевский же, например, считал, что удельную систему в России вообще нельзя отождествлять с феодальными порядками, которые существовали в Западной Европе. Сходство, по его мнению, было только внешним, юридическим, оно состояло в соединении в лице удельного князя государя и верховного собственника земли. Но в российских удельных отношениях отсутствовали два важнейших для западноевропейского феодализма момента: соединение служебных отношений с поземельными и наследственность тех и других. Поэтому для удельного князя “его бояре и слуги вольные совсем не вассалы”¹.

Это и создавало особую систему социально-политических отношений в формирующемся Российском государстве: наряду с централизованной властью общероссийского монарха существовали удельные собственники огромных земельных наделов, в обществе имела большую силу и влияние идеология боярской вольности и вседозволенности, мощная социально-политическая оппозиция царской власти.

Поэтому, по мнению Ключевского, “удельно-вотчинное” и “государственное” – это не просто два противоборствующих начала в процессе централизации Российского государства, а ключевое социально-политическое противоречие этого периода, которое пронизывало оба этих начала, в том числе и личность царя, в котором, как пишет Ключевский, боролись “вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти”. И именно это “колебание между двумя началами или порядками” и привело в конечном итоге “династию собирателей к гибели”².

Конечно, эти противоречивые реалии социально-политической истории России XVI–XVII вв. не могли не вызвать острых научных

на Западе, а из административной нужды” (Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 366). Второе: “Народное представительство возникло у нас не для ограничения власти, а чтобы найти и укрепить власть: в этом его отличие от западноевропейского представительства” (там же. Т. III. М., 1988. С. 198).

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 359.

² См.: там же. Т. II. М., 1988. С. 121.

дискуссий. В отечественной исторической литературе эти дискуссии чаще всего уходят от фундаментального вопроса о взаимодействии власти и собственности и сводятся к достаточно конкретным проблемам характера и мотивов отношений царской власти и боярства, с одной стороны, боярства и дворянства — с другой. В трактовке этих вопросов можно выделить две противоположные позиции¹: одна исходит из постулата о непримиримой борьбе между боярством и царской властью, другая сводится к тому, что эту борьбу не нужно преувеличивать, ибо интересы боярства и царской власти в период централизации Российского государства в целом совпадали.

Первая позиция восходит к идеям С. Соловьева и Ключевского, она была свойственна так же и ряду других отечественных историков дореволюционной школы (С.Ф. Платонов, Н.И. Павлов-Сильванский). Некоторые ученые придерживаются этой позиции и сейчас (например, Р.Г. Скрынников). Вторая позиция формируется в исторической науке уже в советское время (С.Б. Веселовский, Л.В. Черепнин) и находит много сторонников и по сей день (например, В.Б. Кобрин). Но все-таки многие исследователи пытаются избежать в этом сложном и противоречивом вопросе категорических выводов.

Наиболее ясно и отчетливо концептуальная противоположность позиций в анализируемой нами теме проявилась в полемике В.Б. Кобрин и Р.Г. Скрынникова. В своей книге "Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.)" В.Б. Кобрин пришел к выводу о том, что необходимо "пересмотреть традиционное представление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса. Но только на это противопоставление, по сути дела, опирается ставшее общим мнение о разных политических позициях помещиков и вотчинников, о "борьбе" боярства и дворянства, под которым часто понимают владельцев вотчин и поместий. Изучение поместья склоняет автора к скептическому отношению к этой концепции извечной "борьбы" боярства и дворянства"². Далее эту борьбу Кобрин вообще называет "мифом"³. Р.Г. Скрынников, цитируя данное положение Кобрин в своей книге "Россия в начале XVII в." "Смута", высказывает прямо противоположное мнение: "Взявшись за опровержение "общего мнения", В.Б. Кобрин не заметил того, что ключевым пунктом современной концепции политического развития Российского государства XV—XVI вв. является не пресловутый тезис об изначальной борьбе боярства и дворянства, а положение о фундаментальной перестройке феодального сословия, связанной с развитием поместной системы и трансформацией старо-

¹ Подробный анализ данной дискуссии как в дореволюционный, так и в советский периоды см.: Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 6—11.

² Там же. С. 134—135.

³ Там же. С. 218.

го боярства периода феодальной раздробленности в служилое дворянское сословие XVI в.”¹.

Думается, что позиция Р.Г. Скрынникова более адекватно отражает реалии того периода русской истории. Необходимо только при этом сделать две оговорки. Во-первых, вряд ли стоит понимать эту “трансформацию” как спокойный, мирный процесс, и во-вторых, также представляется маловероятным, что эта “трансформация” уже достигла своей конечной цели в XVI в.

Во всяком случае безусловное отрицание борьбы царской власти (а значит и дворянства) и боярства как основной пружины российской истории XVI в. противоречит реалиям политического процесса. Если посмотреть на события XVI в., например, с высоты позиций XVIII в., то станет очевидным, что главной жертвой политической трансформации сословно-представительной монархии в России в абсолютную монархию становится боярство. Класс, имеющий на протяжении длительного времени ведущие политические и экономические позиции в государстве, к XVIII в. утрачивает эти позиции и фактически исчезает с социальной арены России. Суждение о том, что истребление боярских родов, например, в эпоху Ивана Грозного было лишь ответной реакцией царя на агрессивные устремления бояр является упрощенным и малоубедительным.

В 1825 г. против романовской династии восстали представители виднейших аристократических фамилий России, некоторые из этих представителей вынашивали идею физического уничтожения царской семьи. Но тем не менее пострадали только непосредственные участники заговора, а статус и привилегии дворянских родов, к которым они принадлежали, были абсолютно не затронуты.

Поэтому дело не в политической позиции боярства, не в его отношении к царской власти, а в том, что в руках этого класса сосредоточивалась огромная земельная собственность. Эта собственность, а точнее, доходы от нее были жизненно необходимы для развивающегося государства.

Отсюда и XVI в. — мучительный процесс изменения статуса и формы владения основным земельным фондом Российского государства в прямой ущерб конкретным боярским вотчинникам и боярству в целом. Но собственность еще никто и никогда не отдавал без сопротивления. Именно этим естественным яростным сопротивлением земельных собственников, насильственно лишаемых их собственности, только и можно объяснить социальные катаклизмы этого периода, фактически непрекращающуюся гражданскую войну с ее неслыхаемыми на протяжении многих десятилетий потоками русской крови.

Некоторые историки переводят данный спор в плоскость временных рубежей перехода от удельно-вотчинной системы к поместной.

¹ Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. “Смута”. М., 1988. С. 6.

А.М. Сахаров, например, полностью солидаризируется с Черепниным в вопросе о том, что этот переход необходимо отнести уже к XIV–XV вв.¹ Такая постановка представляется весьма спорной. Мы уже приводили мысль Ключевского об инерции удельного мышления, живучести удельной идеологии, реальное влияние которых на политическую жизнь России выходило за рамки XVI и тем более XV в. Полный переход к поместной системе землевладения (т.е. к системе, находящейся под реальным централизованным контролем) в XVI в. был невозможен по чисто экономическим причинам, так как в это время в стране не только еще отсутствовал общенациональный рынок, но и вообще были слабо развиты товарно-денежные отношения².

Кровавый XVI в. сменяется (особенно после Смуты) относительно более спокойным XVII в., но это происходит не от того, что власть новой царской династии начинает абсолютно доминировать в государстве. Как раз наоборот. Именно в XVII в. отмечается активизация деятельности Земских соборов, повышается их статус в решении важнейших государственных проблем. Просто в этот период наступает некоторое равновесие между различными социальными слоями и интересами общества. Равновесие, которое еще нужно было перетянуть в необратимую фазу абсолютизации монархической власти.

Именно такой исторический шаг и предпринял Петр I. При этом Петру пришлось кардинальным образом изменить (или решительно завершить уже начатое до него) структуру, статус и систему отношений собственности, и прежде всего земельной, унифицировать и заметно изменить сословную иерархию российского общества, провести целый ряд преобразований в области промышленности и финансов, а также создать новые механизмы и принципы взаимодействия центра и регионов.

Вообще, на наш взгляд, формирование новой системы общественных связей по горизонтали (центр – регионы) было самым сложным и трудоемким делом петровской реформы. Именно здесь Петр, как бы наталкиваясь на самое большое препятствие, предпринимал половинчатые и даже ошибочные решения³. Но дело только ли в том, что Петр не знал, что и как нужно делать? Видимо, нет. Преобразования Петра в этой сфере (в исторической литературе их называют губернской или областной реформой) сфокусировали в себе главные и наиболее острые противоречия и проблемы того социального сдвига, который тогда происходил в России. Эти преобра-

¹ См.: Сахаров А.М. Феодальная собственность на землю в Российском государстве XVI – XVII вв. // Проблема развития феодальной собственности на землю. М., 1979. С. 62–63. См. так же: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

² См. подробнее: Очерки русской культуры. XVI в. Ч. 1. М., 1977. С. 16–22.

³ См.: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 297.

зования являлись не просто совершенствованием системы местного управления; в их ходе реализовалась более глобальная задача – создание унитарного абсолютистского государства, в котором регионы (бывшие уделы – вотчины) и политически и экономически полностью были бы подчинены центру – монархической власти.

Разумеется, основные изменения в соотношении политических сил, в соотношении собственности и власти происходят и в допетровскую эпоху, но именно Петр доводит этот процесс до своего завершения.

В пользу данного вывода говорят и новейшие исторические исследования, проведенные с использованием методов сравнительного анализа. Наиболее серьезную попытку такого анализа российской истории и специально периода петровских реформ предпринял А.Н. Медушевский. Он подробно исследует реформационные мероприятия в сфере земельной собственности, которые предпринимались при Алексее Михайловиче и царе Федоре, но вместе с тем приходит к выводу, что наиболее важные и необратимые сдвиги в этой области происходят во время петровских реформ¹. Именно в этот период, по мнению Медушевского, “длительный процесс сближения ... двух форм земельной собственности (вотчин и поместий. – *Авт.*) был завершен и закреплён юридически”². При этом Медушевский анализирует деятельность Законодательных или Уложенных комиссий, результатом которой была не только кодификация законодательных актов, принятых после Уложения 1649 г., но и подготовка такого важнейшего социально-политического закона, как Указ о майорате 1714 г. В соответствии с этим указом устанавливалась наиболее выгодная государству система владения и распоряжения землей³. Только после этого власть окончательно соединяется с собственностью.

4.2. Социокультурный аспект проблемы

Процесс изменения соотношения власти и собственности в Российском государстве в XVI – начале XVIII в. наиболее отчетливо проявлялся в политической и социально-экономической сферах, где и происходило непосредственное столкновение социальных интересов. Но изменения эти осуществляются в тот период (может быть, более скрытно, неявно, на первый взгляд без связи с властью и собственностью) и в других сферах российского общества. Для того чтобы показать эти латентные процессы необходимо хотя бы коротко проанализировать сущность такого грандиозного явления, каким являл-

¹ См.: Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 120–137.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 92.

ся раскол русской православной церкви в XVII в. Этот раскол в научной литературе уже давно не рассматривается как чисто религиозное или церковное событие. В ряде современных социокультурных теориях он вообще трактуется как водораздел русской истории, как начало раскола российской нации на два народа, на две культуры, на два национальных менталитета¹. В целом это правильная мысль, но необходимо ясно сознавать, что в расколе XVII в. является причиной, а что – следствием.

Действительно, что такое раскол? Почему вдруг российское православное общество расколосось на две части, на два враждебных лагеря? Конечно, дело не в никоновских попытках привести религиозные обряды в соответствие с византийскими канонами, не в церковно-канонических мероприятиях. За всем этим скрывалась более глубокая основа.

Ведь и сами отклонения русских религиозных текстов от канона происходили не только и не столько из-за оплошностей и ошибок переписчиков, а были обусловлены необходимостью адаптации родственной, но все-таки иной, отличной от русской, византийской культуры к особенностям русской национальной низовой жизни². Возврат к канону означал унификацию этой жизни, подведение ее под навязчивый и мелочный контроль государственных централизованных структур. Для части русского общества, которая по тем или иным причинам была наиболее тесно связана со старинными национальными корнями и которая интуитивно почувствовала эту опасность, никоновские реформы означали не просто надругательство над религиозными чувствами, но и разрушение самих основ жизни, потерю ее смысла. Не случайно в их рассуждениях преобладают апокалипсические мотивы. Например, у Аввакума: “Таже смерть, да не такова, понеже не Христа ради, но общей всемирной конец...”³.

В результате раскола происходит не просто внутрицерковная, а глобальная социальная перемена в российском обществе. До раскола православная церковь в России являлась органичной частью низовой общинной жизни, наиболее полно и ярко воплощала в себе автономность этой жизни, ее лишь относительноную зависимость от власти, от государства. Реформы Никона, которые в конечном итоге привели к подчинению церкви государству, огосударствлению религиозного процесса путем его унификации, неизбежно привели к огосударствлению и унификации всех сторон общественной жизни, к

¹ См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I. М., 1991; *Он же*. Россия – расколотое общество // Рубежи. 1995. № 5. С. 67–75; Идзинский В.П. Тайна российских катастроф // Полис. 1992. № 4.

² Ключевский, например, при анализе природы раскола делает акцент на его “народно-психологический” характер (см. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 270).

³ Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 247.

разрушению народных основ русской жизни. На смену общинной православной церкви приходит церковь государственная.

Во время раскола государство, российский царь прямо и открыто встают на путь существенного ограничения политической и экономической самостоятельности русской церкви. О том, что эти намерения были очень серьезными, говорит твердая позиция, которую занял на церковном соборе (декабрь 1666 – январь 1667 г.) царь Алексей Михайлович, решительно отклонивший предложение восточных патриархов строить отношения между государством и церковью на основе “премудрой двоицы” (“царь главенствует в делах светских, а патриарх – в делах духовных”) и настоявший на решении о безусловной власти в делах российского монарха во всех общественных сферах. Ликвидация института патриарха Петром I и законодательный акт Павла, провозглашающий императора главой русской православной церкви, – это уже логические и неизбежные следствия перемен, произошедших в период раскола.

Раскол был, действительно, не только религиозным¹, но и политическим и социокультурным сдвигом в русском обществе, знаменующим начало перехода удельной Руси к абсолютистскому государству.

Дониконовская уникальность русской религиозной обрядовой культуры, ее полифония, карнавальность имели своими истоками удельную автономию, самобытность и самостийность местной жизни, местного общества. Это был как бы низовой, народный уровень удельных порядков, их преломление в повседневной жизни низов общества. С расколом этот строй жизни начинает разрушаться, а значит, подрывается основа, базис всей системы. Раскол переводит в решающую фазу процесс противоборства власти и собственности, монарха и удельной вольности. После этого дело Петра уже было предопределено.

Таким образом, кардинальная трансформация российского общества от властно-собственнического дуализма к авторитарно-абсолютистской системе сначала в середине XVII в. преодолевает первый, социокультурный барьер (происходит переход от самобытной религиозной общинности к унифицированной религиозной си-

¹ Истоки раскола вообще, по-видимому, нужно искать не в религиозной сфере. В широких слоях русского общества религия никогда не имела главенствующего значения для повседневной жизни, во всяком случае такого, чтобы стать причиной раскола в “низах” общества и базой для массового социального протеста. Уместно здесь вспомнить один фрагмент из письма Белинского Гоголю (1847 г.). Белинский, допуская, что религиозные чувства определенной части населения нельзя не учитывать, вопрошает: “Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника. Кого русский народ называет: дурья борода, брюхаты жеребцы? Попов... По-вашему русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основы религиозности есть пизтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где” (Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 1948. С. 710).

стеме, к государственной церкви). Затем уже в начале XVIII в. этот процесс находит свое окончательное завершение в политической и социально-экономической сферах (вместо царско-боярского государства и удельности устанавливается абсолютная власть монарха и подконтрольное государству поместное землевладение).

4.3. Геополитический аспект проблемы

Выше мы рассмотрели перераспределение власти и собственности в Российском государстве в XVI–XVIII вв. как процесс внутренних перемен. Но у этих перемен был и международный или геополитический аспект. С.М. Соловьев, оценивая петровские реформы, писал: “История ни одного народа не представляет нам такого великого, многостороннего преобразования, сопровождавшегося такими великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории”¹.

Поэтому переход России от удельной системы к абсолютистскому государству имел как бы две плоскости. С одной стороны, создавалась другая, более прочная государственная система, а с другой – одновременно с этим сама эта государственная система получала более высокий статус в мире, в международной или геополитической расстановке сил на мировой арене, и прежде всего в европейском регионе, к которому примыкала Россия своими западными рубежами. Обе стороны процесса как бы дополняли друг друга: сильная власть и централизованное хозяйство создавали хорошие возможности для военных побед (и прежде всего в Северной войне за выход к Балтике), а эти военные победы давали для России неизмеримо более широкие возможности отстаивания своих интересов (особенно торгово-экономических) в сопредельных районах мира.

Петровские реформы включают Россию в систему международных связей, одновременно делая ее не только субъектом этих отношений, но и одним из силовых центров этой системы. С начала XVIII в. для России, по сути дела, пошел новый отсчет времени. Степень ее интеграции в мировую экономическую систему, в мировой рынок с этого момента становится все более достаточной для того, чтобы страна испытывала на себе динамические колебания мирового экономического развития. Но и Россия при этом становится такой частью мировой системы, которая не только подвергается внешним влияниям, но и создает собственный источник социальной динамики, действие которого с необходимостью распространяется и на другие регионы мира. Тем самым на одном из переломных этапов российской истории интересы внутреннего развития и геополитическая стратегия Российского государства сливаются в единое целое.

¹ Соловьев С.М. Сочинения: В 18 книгах. Книга IX. М., 1993. С. 525.

В трех основных аспектах (политическом и социально-экономическом, социокультурном, геополитическом) мы рассмотрели сложный и противоречивый процесс преодоления разрыва, расщепления власти и собственности на конкретном периоде российской истории XVI – начала XVIII в. У этого процесса было три стадии: длительный многодесятилетний период до петровских реформ, когда возникла и неуклонно крепла тенденция перераспределения власти и собственности, период острой (хотя иногда и скрытой) политической борьбы; конец XVII – первая четверть XVIII в. – кардинальный и необратимый сдвиг в политических и социально-экономических отношениях, произведенный Петром в период своего царствования, сдвиг, означавший создание абсолютистского режима, в котором верховная власть и собственность (или во всяком случае постоянный государственный контроль над собственностью) сосредоточиваются в одних руках – у российского монарха; и наконец, период послепетровских царствований – 30–50-е гг. XVIII в. – период стабилизации и адаптации нового политического режима, период относительного социально-политического равновесия в российском обществе, созданного Петром. В этом и состоит удивительная особенность данного периода, которую уже давно отметили историки: с одной стороны, слабые монархи, сменяющие друг друга на троне, бесконечные перевороты, заговоры, политические убийства и т.д., а с другой – Россия одерживает целый ряд военных побед, например над Пруссией (для того времени – явный признак благополучия государства). И в этом нет никакого парадокса: слабость и неустойчивость системы была только кажущейся, поверхностной, ибо у нее была прочная основа, базис – собранные в одних руках, под эгидой монархической власти, основные рычаги управления властью и собственностью.

Мы специально рассмотрели скрытые тенденции и явления в политическом развитии России на одном конкретном отрезке истории – в период петровской системной революции. Этот период, в соответствии с нашими представлениями, является рубежным и во многих отношениях ключевым для понимания и последующего двухвекового гиперцикла и в целом всей социальной динамики России.

А историческая суть этой динамики заключается в том, что после нескольких десятилетий относительной стабилизации в послепетровский период уже в XIX в. начинают проявлять себя с нарастающей тенденцией серьезные разрушительные процессы в основах той системы, которую создал Петр. Связано это было с тем, что постепенно стали появляться помимо дворянской земельной аристократии как политической и социально-экономической опоры

монархического режима иные субъекты имущественных отношений, новые владельцы земельной и другой недвижимой собственности, относительно независимые от существующей системы политической власти. Причем толчок для появления и развития таких собственников и такой собственности дают реформы XIX – начала XX в., т.е. мероприятия, проводящиеся по инициативе и под контролем верховных властей.

О каких мероприятиях идет речь? Если рассматривать период Александра I, то здесь мы сталкиваемся главным образом не с реальными акциями, а с проектами реформ, которые нужно рассматривать как реакцию на появляющиеся общественные противоречия. Но вместе с тем именно в преобразовательных проектах этого периода содержалась программа всех последующих реформ. Эта программа имела как бы две главные цели: освобождение крестьян, а значит и изменение всей системы землевладения и землепользования в России (эта идея была заложена в “Указе о вольных хлебопашцах”) и учреждение всероссийского представительного органа различных сословий (в записках и проектах Сперанского – выборная Государственная дума).

Два периода реформ (1861–1870-е и 1905–1911 гг.) как раз и отмечаются усиленными попытками властей найти формы и способы для реализации этих целей. Но в том-то и заключалось главное противоречие этих реформаций, что существенные сдвиги в социально-экономической области (прежде всего в сфере отношений собственности) не сопровождались адекватными изменениями в сфере властных структур и отношений. А ведь на протяжении более полувека в России происходят процессы постепенного перераспределения собственности от дворянской аристократии в сторону других сословий, а вся полнота политической власти и рычаги управления отношениями собственности в государстве по-прежнему оставались в руках этой узкой и лишавшейся своей экономической основы общественной прослойки.

Главной ценностью и опорой власти в России всегда была земля. Так вот в 1905 г. только 50,4 % земли в 50 губерниях Европейской России (395 млн дес.) принадлежали: государственной казне (138 млн дес.), двору (7,8 млн дес.), дворянам (53 млн дес.), а другая половина находилась в руках собственников из других сословий¹.

Аналогичные явления и пропорции складываются и в области финансов. По данным на 1 июля 1898 г., в обращении частных учреждений долгосрочного кредита находилось закладных листов и облигаций на сумму, более чем в 3 раза превышающую соответствующий оборот государственных учреждений. Только десятью акционерными земельными банками к 1 июля 1898 г. выдано ссуд

¹ Подсчитано по: Малый энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1994. (Репринт. изд. Спб., 1907). С. 1757.

больше, чем всеми государственными банками¹. Эти частные банки неизменно лидировали и в системе ипотечных учреждений по многим позициям, в том числе и по количеству заложенной земли².

Так, в конце XIX – начале XX в. в России возникает ситуация, когда естественный процесс изменения общественных связей приводит страну в новую критическую фазу, в которой власть и собственность опять начинают противостоять друг другу. Как и в XVI – XVII вв., постепенно создается новый дуализм власти и собственности, который в первое десятилетие XX в. приобретает напряженный, разрушительный характер, что и приводит в конце концов к новой системной революции. Этот новый период нарастания противоречий по аналогии с петровской революцией также можно было проанализировать в разных аспектах – политическом и социально-экономическом, социокультурном, геополитическом (см. таблицу на с. 69), но общий вывод в любом случае будет такой: суть революций 1917 г. (так же как и петровской революции – в этом и основа их схожих характеристик) – новое соединение власти и собственности, произошедшее на основе радикально-коммунистической модели, которую после октября 1917 г. стали в России реализовывать большевики.

* * *

Итак, подведем некоторые итоги.

Конкретно-исторический анализ преобразовательных процессов в истории России показывает, что динамику российского общества определяют не только колебания мировой экономики, но и те или иные фазы развития дихотомии “власть – собственность”. Оказывается, что эти две субстанции, фундаментирующие любой общественный процесс, в России имеют особый, специфический тип взаимосвязи, взаиморазвития. Это позволяет сделать гипотетическое предположение, что именно в этой связке и нужно искать *матрицу* внутринациональной социальной динамики, создающую в свою очередь ее национальный временной ритм. Ряд исследователей склонны, правда, искать эту матрицу в особом статусе государства или государственности в России³. Но это не совсем точно.

Во-первых, достаточно распространенное утверждение о доминировании государства в общественной системе России на разных этапах ее исторического развития иногда сводится к процессу центра

¹ См.: Россия. Энциклопедический словарь. Лениздат, 1991 (Репринт. изд. Спб., 1898). С. 339–340.

² См.: Проскуракова Н.А. Ипотека в России в конце XIX – начале XX веков // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 7.

³ См., например: Капустин Б.Г. Россия и Запад на пути к миру миров. (Критика политической философии) // Кентавр. 1993. № 4. С. 41–42.

**Сравнительные результаты системных революций
в России
(соотношение “власть – собственность”)**

	Период Петра I	1917–1920-е гг.
Политический и социально-экономический аспекты	Установление абсолютистского самодержавного режима и подконтрольной государству хозяйственной системы, в том числе и в земельных отношениях (поземельная система)	Установление большевистской диктатуры и централизованной плановой экономики на основе государственной (“общенародной”) собственности
Социально-культурный аспект	Унификация и огосударствление общинной (бытовой и религиозной) народной жизни как скрытая основа процесса подчинения церкви государству	Создание под полным государственным контролем и управлением монистической системы идеологии, культуры и науки; подавление сферы религиозной жизни
Геополитический аспект	Выход на мировую политическую и экономическую арену в качестве равноправного субъекта системы крупнейших мировых держав	Превращение страны в один из ведущих, определяющих субъектов мирового противостояния крупнейших держав (“супердержава”) с усиливающимся доминированием в сферах геополитического интереса

лизации страны, противостоянию постоянной внешней угрозе, которые невозможно было обеспечить, не прибегая к авторитаризму и абсолютизму. Исторически достоверным является и то обстоятельство, что жесткая власть была более адекватна в России не только в экстремальных, но и в целом нормальных, спокойных условиях. Именно такая власть становилась опорой и основой национальной самодостаточности и идентичности и в политической, и в экономической, и в национально-государственной, и в духовной, и, во всех других общественных сферах. Она обеспечивала стабильность общества, наиболее оптимальное соотношение различных социальных интересов, власти и собственности. Российский авторитаризм был не просто одной из разновидностей существовавшей еще с античных времен формы политической организации, типа власти, а имел глубокие, собственные национальные исторические корни. На этот счет один из забытых русских мыслителей конца XIX в. Р.А. Фадеев сделал очень меткое замечание: "Не русский народ вырастил из себя свою верховную власть, как всегда происходило и происходит в свете, а, напротив, верховная власть создала русское государство и русский народ из распавшегося, уничтоженного и погибающего племени"¹. Если в Европе оптимизация общественных структур и связей достигалась в результате естественнo-исторического процесса, в результате развития базисных субстанций, то в России те же самые результаты достигались военно-этатистским путем.

Во-вторых, не государство, не верховная власть сами по себе, а их связка, соотношение власти и собственности являются доминантной субстанцией, матрицей российского социума. Постоянная пульсация этой связки между противоречивым дуализмом и равновесием, синтезом и создает для России национальный, внутренний временной ритм, который во многом определяет ход политического процесса.

Данная матрица является основой всех колебаний российского социума и в своем целостном виде обеспечивает и устойчивость российского общества, и его самодостаточность. Как только в экстремальной ситуации данная матрица начинает разрушаться, так сразу же серьезным деформациям начинает подвергаться общественная система России. С нарастающей силой проявляется безвластие и отрицание власти, разваливается экономика, кризисные явления появляются в духовной сфере, ослабевают международные позиции России. Не в последнюю очередь это результат ослабления, затухания национального временного ритма и более сильного в связи с этим воздействия на Россию временных ритмов ("длинных волн"), идущих с Запада, что становится разрушительным фактором для специфического российского социума. Развитие данной негативной тенденции останавливается только восстановлением равновесия и

¹ Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.3. Ч. 1. Спб., 1889. С. 156.

оптимальности искомой матрицы. Такое представление на первый взгляд не согласуется с общепринятым взглядом на мировую историю, на мировой социальный прогресс и противоречит им. Но не случайно Ключевский пришел к следующему заключению: "Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времен Петра два века и доселе неразрешенная"¹. Неразрешенной эта загадка остается и почти век спустя после этих слов Ключевского. Да и может ли она вообще быть разрешена?

Отсюда следует, что детерминация и механизм динамики российского политического процесса определяются по меньшей мере двумя основными потоками временных ритмов: *внешним*, формирующимся в недрах социально-экономических отношений Запада, и *внутренним*, исток которого в национальной дихотомии "власть — собственность". Ритмы эти сосуществуют в едином пространственно-временном континууме, но в силу их колебательной природы (периоды спада с необходимостью чередуются с периодами подъема), а также из-за разных динамических характеристик (темп, амплитуда и т.д.) пересечение этих ритмов, особенно образование больших узлов, сгустков, происходит не равномерно, а только на определенных исторических интервалах.

Данная сложная картина временных ритмов в самом общем виде (как гипотетическая модель) объясняет динамику российских революций и периодов реформ и контрреформ. Более конкретные пояснения эта модель получает при анализе специфики переходных ситуаций в России.

5. Временная ритмика и специфика переходных политических процессов в России

Российский политический процесс — это сплошная цепь реформ и контрреформ, а значит и постоянных общественных переходов от старого состояния к новому, а потом опять возвратное движение. После петровских реформ страна находится в состоянии постоянных изменений, сложных диффузий и т.д., хотя в некоторых популярных изданиях дореволюционная отечественная история часто подается в терминах архаичности, отсталости, застоя.

Однако, несмотря на перманентный характер переходных ситуаций в российской истории, они не стали еще в научных исследованиях объектом специального научного анализа, а, напротив, трактуются, как правило, в метафорически-публицистической манере.

Даже у наиболее крупных отечественных историков, рассматривающих русскую историю не в чисто описательном плане, а на осно-

¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 203.

ве определенной концепции исторического процесса, мы встречаем по преимуществу условные употребления понятия “переходность”.

Приведем два примера. Ключевский с “переходными временами” связывает удельные века, и тем самым само явление (и понятие) переходности становится у него неопределенно растянутым на столетия, на эпохи. Задачу этих протяженных периодов Ключевский видит в следующем: “Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего”¹.

Другой крупнейший историк дореволюционной школы, Н.П. Павлов-Сильванский, в качестве переходных выделяет уже более кратковременные исторические периоды (“несколько десятилетий”), но к таковым относит не сами переломные события и процессы, а периоды накопления соответствующих предпосылок для этих процессов. Так, он фактически отказывает в “переходности” петровским реформам, высказывая при этом весьма спорную мысль о том, что “петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад”², зато переходным этот историк считает XVI в. и конкретно опричнину Ивана Грозного³. Такие оценки приводят Павлова-Сильванского к выводу о том, что современная эпоха (конец XIX – начало XX в.) является переходной, а ключевым событием в ней становится освобождение крестьян в 1861 г., “разрушившее, – по его мнению, – устой старого сословного строя и тесно связанного с ним абсолютизма”, что скоро и неизбежно, по прогнозу Павлова-Сильванского, должно закончиться “образованием нового свободного гражданского порядка”⁴. На самом деле все закончилось, как известно, не этим, а установлением диктатуры пролетариата. Социальный прогноз российского ученого не удался прежде всего потому, что сама переходная эпоха была им определена умозрительно, методом выделения выдающихся событий, а не на основе выявления и анализа механизма социальной динамики, качественного различения длительных и не всегда определенных по времени периодов накопления предпосылок, условий для общественных сдвигов и периодов самих этих сдвигов.

В приведенных выше двух примерах из классики исторической науки отсутствуют научный критерий переходности, методика различения переходных и непереходных периодов и процессов в развитии общества, методика анализа самого исторического и общественного феномена перехода одного, старого социального порядка к новому, иному социальному порядку.

Размытость научных интерпретаций переходных процессов в России проявляется во многих исследованиях и в том, что преобразования Петра ставятся в один ряд с реформами XIX в. В качестве об-

¹ Там же. С. 351.

² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 147.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 149.

щего основания для этих общественных изменений выдвигается то, что все они были преобразованиями или революциями "сверху". Но такое обобщение не верно ни по фактам, ни по существу происходящего. Преобразования Петра не столько были подчинены какому-то верховному замыслу и однозначно управлялись "сверху", сколько подчинялись неведомым властям стихийному потоку, тогда как реформы XIX в., например 60–70-х г., наоборот, были фактически лишены какой-либо импровизации и случайности. Да и вообще исходить из того, что все общественные изменения возможны только как действие "сверху", что государственная власть в России или каком-либо другом государстве настолько всемогуща, что способна на любые социальные и политические изменения, по меньшей мере, наивно.

Думается, что многие перемены, происходящие в России в последние века, если внешне и похожи (в любом случае это период нововведений), то по существу различны. У них разная детерминационная база.

Если системные революции вызываются одновременными кардинальными сдвигами в общественных связях как в ядре мирового общества, так и в самой России, что приводит к совмещению различных по своей детерминации и природе временных ритмов, образованию мощных ритмических узлов, то периоды реформ совпадают с обычным, неплотным пересечением этих ритмов, интенсивность которых недостаточна для резких социальных сдвигов. В период революций происходит синтез различных потоков социального времени, и в эти уникальные отрезки истории как бы возникают *иные время* и *иная социальная реальность*, гораздо более сложные по своей природе, чем просто сложение линейного и циклического времени. Так, например, многие очевидцы и исследователи революционных событий не раз отмечали, что в период революционных потрясений время как бы ускоряет свой бег, за считанные месяцы происходит столько событий, переворотов и кардинальных перемен, сколько их не случается и за десятилетия спокойного, мирного развития.

Подтверждением того, что в период российских системных революций происходило некое совмещение различных временных ритмов, берущих свое начало как вне России, так и внутри нее, являются конкретные исторические факты и наблюдения.

Кондратьев и его последователи отмечали, что наиболее серьезные изменения в базовых отношениях мировой экономики приходятся на рубеж столетий, именно в эти периоды зарождается мощная повышательная волна мировой конъюнктуры и сильный временной импульс. Сравним же два таких переломных периода в мировой истории. На рубеже XVIII–XIX вв. на Западе, и прежде всего в Англии, происходит промышленная революция, а в ходе ее – кардинальные изменения в общественных отношениях. С изобретением парового двигателя и внедрением его в производство качественно изменяется

структура промышленности и вся мировая экономика. Рубеж XIX–XX вв. – это время новой промышленной революции, связанной уже с заменой парового двигателя на электрический и развитием на этой базе автомобилестроения, станкостроения и других принципиально новых отраслей промышленности. Все это также приводит к глобальным переменам в социальных отношениях.

Два сопоставимых по своей глубине и масштабам социально-экономических сдвига в мировой экономике вызвали тем не менее несопоставимые друг с другом перемены в России. Если во втором случае (рубеж XIX–XX вв.) в России происходит революционная смена общественной системы, то в первом (рубеж XVIII–XIX вв.) в основном возникают идеи и проекты преобразований, реальные же перемены очень незначительны. Причина таких отличий в одном – динамические изменения, их активная фаза в мировой экономике не сопровождалась в конце XVIII – начале XIX вв. соответствующим всплеском национального временного ритма, поскольку созданная Петром модель соотношения власти и собственности была в то время еще достаточно стабильна и жизнеспособна.

Что же касается рубежа XVII–XVIII вв. – кануна и эпохи петровских преобразований, то идентификация длинной волны мировой конъюнктуры представляет определенные сложности. Этот период находится за рамками Кондратьевской модели, так как в ней длинные волны строятся только с конца XVIII в. Не в последнюю очередь это связано с тем, что в XVI–XVII вв. базисные (матричные) связи промышленного капитализма еще только формируются, их действия не имеют еще достаточной силы и устойчивого циклического ритма.

Вместе с тем в целом циклическо-волнообразный характер экономических и политических процессов проявляется и до XVIII в.¹ Вторая половина XVII в. – период переломный для развития передовых стран. В результате великих географических открытий и включения в сферу досягаемости морскими державами Европы сырьевой периферии мира экономика развитых стран переходит от аграрной в торговую фазу. Фактически в этот период и происходит формирование основных связей мирового рынка, а значит и базисных отношений конъюнктурных процессов. Одновременно с этим фундаментальные открытия в различных областях науки (в их числе законы Ньютона) приводят к коренному перевороту во взглядах на картину мира, на развитие природы и общества.

Влияние циклических процессов, которые происходят в то время в наиболее развитой зоне мира, на Россию было прямо пропорциональным ее включенности в мировую экономическую и политическую систему. Эта включенность существенно усилилась в ходе петровских преобразований по мере расширения торговых отноше-

¹ См.: Полетаев А.В., Савельева И.М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма. М., 1993. С. 63–88.

ний России с Западом, внедрения в российской промышленности технологических и технических достижений Запада. Образно говоря, через "окно в Европу", которое Петр настойчиво прорубал в начале XVIII в., в Россию и хлынул поток длинных волн мировой экономики, столкнувшийся с мощным всплеском национального русского временного ритма.

Позднее, в XVIII-XIX вв., система взаимодействия экономических и политических процессов на Западе и в России принимает свою оптимальную форму. Влияние динамических процессов Запада и России становится уже двухсторонним. Так, например, системные революции в России являются достоверным показателем того, что кардинальные сдвиги происходят или уже произошли в мировой экономике, в зоне наиболее развитых стран. Россия в этом смысле является как бы индикатором общемировых изменений. С другой стороны, всплеск национального временного ритма, возникающий в России в период критической фазы развития дихотомии "власть — собственность", распространяется далеко за ее пределы. Особенно сильное влияние этот временной ритм оказывает на небольшие государства, непосредственно примыкающие к России и входящие тем самым в зону ее важнейших геополитических интересов. В этом случае перемены в России неизбежно вызывают перемены и в этих странах.

Характерные особенности переходных процессов в России, специфика ее социальной динамики находят свое развитие и в эпоху современных преобразований.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС

Подлинное значение тех или иных политических событий для дальнейшего развития мировой истории обычно становится понятным по прошествии определенного времени. Но это не означает, что многие непосредственные участники и наблюдатели этих событий не предпринимают попыток вскрыть суть происходящего сразу же, по "горячим следам". Не стали исключением и переходные процессы в СССР и странах Восточной Европы (в мировой социалистической системе) на рубеже 80–90-х гг. Более того, эти перемены вызвали беспрецедентный интерес в различных политических и интеллектуальных кругах во всем мире. В настоящее время перемены в данном регионе постоянно обсуждаются на международных форумах, дискутируются на научных симпозиумах и конференциях, не сходят со страниц научных журналов во многих странах. Не в последнюю очередь этот интерес обусловлен и тем, что реальный исторический процесс, общественная практика превзошли самые смелые прогнозы ученых и политиков, самые радикальные планы оппозиции, самые мрачные предчувствия и предположения властвующей элиты. В реальности государства бывшего СССР и Восточной Европы столкнулись с такими проблемами, о которых заранее никто не мог и предположить.

Перемены в бывших социалистических странах стали суровым испытанием для гуманитарных наук, специализирующихся на интерпретации и прогнозировании общественных процессов в современном мире, заставили радикально пересматривать понятийный аппарат и методологию научного исследования. Этот сложный и болезненный процесс продолжается и по сей день.

В отечественном общественном сознании этот процесс научного поиска выразился в появлении нескольких существенно отличных друг от друга концептуальных и методологических подходов в интерпретации современных общественных преобразований.

1. Отечественные дискуссии о современных переменах в России

Существует несколько моделей интерпретации современных перемен в России. Конечно, выделение этих моделей может быть только условным, поскольку в реальных научных и тем более поли-

тических дискуссиях происходит смешение понятий и концептуальных положений. Вместе с тем важен анализ сущности принципиально отличных друг от друга теоретических подходов, не только позволяющий увидеть идейный спектр отечественной политической мысли, но и помогающий лучше понять истоки, тенденции и цели современных преобразовательных процессов.

Первый подход исходит из марксовской формационной системы антиномичных понятий “капитализм” – “социализм”. Оставаясь в рамках этой системы, сторонники различных, иногда даже противоположных, идеологических ориентаций сходятся в едином мнении: в восточноевропейских странах, а также в ряде республик бывшего СССР (особенно в России) осуществляется переход от социализма к капитализму. Ключевыми понятиями в этом подходе являются понятия “постсоциализм” или “посткоммунизм”.

Казалось бы, данный вывод отражает суть происходящего: в указанных странах действительно к настоящему времени произошел демонтаж политических и социально-экономических структур, которые традиционно признавались социалистическими – политическая и идеологическая монополия компартии, плановая директивная экономика, и на их месте сформировались новые общественные структуры, считающиеся капиталистическими, буржуазными – парламентская многопартийная демократия, рыночное хозяйство. Но более внимательный анализ обнаруживает в этом выводе и достаточно слабые места. Основные трудности возникают с определением реального общества, которое существовало на протяжении нескольких десятилетий в бывшем СССР и странах Восточной Европы, с одной стороны, и в развитых западных странах – с другой. Ни то ни другое однозначно не подходит под классические определения “капитализм” и “социализм”. Да и само длительное противостояние “социалистической” и “капиталистической” систем в XX в. противоречит марксову представлению о коммунизме (социализме) как посткапитализме, т.е. как о такой мировой общественной системе, которая естественноисторическим путем должна была сформироваться на базе (и вместо) мировой капиталистической системы, мирового капиталистического рынка.

В результате такого произвольного применения опорных понятий формационной теории Маркса (созданной на основе анализа социальных процессов второй половины XIX в.) к интерпретации социальной действительности конца XX в. исследователи попадали в “формационную ловушку”, которая не только не позволяла прояснить суть вещей, а, наоборот, затрудняла этот поиск.

Попытки как-то преодолеть эту “ловушку” предпринимались в ходе развернувшейся в 1987 г. в научных и публицистических журналах дискуссии под обобщенным названием “Теория Маркса и практика реального социализма”.

Первоначально, в конце 1987 – начале 1988 г., в научной публицистике стала формироваться достаточно определенная позиция, в соответствии с которой общество, построенное в СССР, считалось не соответствующим научным предсказаниям и представлениям основоположников марксизма, поскольку в ходе социалистического строительства в результате политики Сталина произошло отступление от принципов истинного социализма, что привело к общественным деформациям и кризисам.

Всякий, кто знаком с советской политической историей 80-х гг., заметит, что данная позиция достаточно четко коррелировала с официальной политической линией того периода, которая обновление социализма, формирование нового облика социализма связывала прежде всего с возвратом к классическим представлениям Маркса и Ленина о социалистическом обществе, с теоретическим и практическим восстановлением ленинской концепции социалистического строительства¹.

В научно-публицистическом варианте данный вывод имел в то время как бы две взаимосвязанные линии трактовок.

Первая обосновывала этот вывод как бы опосредованно, через идею альтернативности, вариантности исторического процесса. На основе исторических материалов 20–30-х гг. (в том числе забытых или до этого изъятых из широкого обращения) показывалось, что у Советской России в тот период существовала возможность другого, альтернативного сталинскому, гуманного и демократического пути социалистического строительства.

Данная идея с различных сторон анализировалась и обосновывалась в работах Л. Гордона и Э. Клопова, А. Бутенко, В. Селонина, О. Лациса², а также в появившихся впервые в советских изданиях статьях американского исследователя биографии и научного наследия Н. Бухарина С. Козна³.

Опосредованность данного подхода состояла в том, что “иной путь” социалистического развития России не связывался прямо с классическим теоретическим наследием, а соотносился прежде всего с деятельностью группы Бухарина, с практикой нэпа и т.п.⁴

¹ См.: *Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается.* М., 1987. С. 31; *Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС.* М., 1988. С. 86.

² См.: *Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые-сороковые // Знание – сила.* 1988. № 2–5; *Бутенко А. Как подойти к научному пониманию истории советского общества // Наука и жизнь.* 1988. № 4; *Селонин В. Истоки // Новый мир.* 1988. № 5; *Лацис О. Перелом // Знамя.* 1988. № 6.

³ См.: *Козн С. Нэповская альтернатива // Наука и жизнь.* 1988. № 10; *Он же. Большевик и сталинизм // Вопросы философии.* 1989. № 1.

⁴ Необходимо отметить, что была и другая точка зрения, в соответствии с которой сталинский вариант социалистического строительства признавался исторически “предопределенным” и неизбежным. См.: *Клямкин И. Какая дорога ведет к храму? // Новый мир.* 1987. № 11; *Он же. Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование.* 1988. № 10.

Вторая линия начавшейся дискуссии, которая сначала разворачивалась в рамках единой позиции противопоставления истинной марксистской теории социализма и негативной сталинской практики социалистического строительства, была связана с обоснованием искомого тезиса уже прямо, непосредственно.

Весной 1988 г. в одной из своих статей философ М. Капустин открыто сформулировал вопросы, которые в скрытой форме содержались в целом ряде литературных и исторических публикаций: "Теперь мы подошли, — пишет он, — пожалуй, к главному, политически принципиальному вопросу: имеет ли сталинизм истинное, действительное отношение к марксизму и социализму? Можно ли признать сталинский режим социалистическим, и если да, то что это за социализм?"¹ По мнению М. Капустина, непосредственный анализ этих вопросов актуален прежде всего потому, что "вокруг этой проблематики сохраняется заговор молчания", "все еще не прошел тотальный страх"².

Отталкиваясь от этой посылки, М. Капустин анализирует различные повороты советской истории и в конечном итоге приходит к выводу, что социализм, построенный в СССР, есть не что иное, как грубо-уравнительный, казарменный коммунизм, который не только не соответствует марксовым представлениям о будущем обществе, а, наоборот, подвергается со стороны К. Маркса резкой критике в "Экономическо-философских рукописях", а также в работах, посвященных борьбе с бакунизмом.

Выход М. Капустина на принципиальные вопросы не был, конечно, случайным или неожиданным результатом частного научного поиска. Напротив. Именно к этому времени в советской научной периодике все чаще стали предприниматься попытки осознания сущности социализма, его социально-экономической природы через соотнесение реальных структур советского общества с концептуальными представлениями о социализме основоположников марксизма-ленинизма³.

Разумеется, все эти научные изыскания были обращены не столько в прошлое, где они черпали фактологический материал, сколько в будущее, ибо именно в это время на передний план общественной жизни выходил вопрос о необходимости проведения радикальной экономической реформы, в результате которой удалось бы совместить современные рыночные регуляторы экономики и социалистические принципы общественного устройства.

¹ Капустин М.П. От какого наследства мы отказываемся? // Октябрь. 1988. № 4. С. 188.

² Там же.

³ См., например, доклад Ф.М. Бурлацкого "Проблемы разработки концепции современного социализма" и его обсуждение на специальном семинаре в апреле 1987 г. (А.П. Бутенко, Е.А. Амбарцумов, А.С. Цигко, В.Т. Логинов, Л.А. Гордон, Н.А. Симонова и др.) (Вопросы философии. 1988. № 11).

В качестве своеобразного концептуального аргумента для обоснования возможности такого совмещения (рынка и социализма) был использован тезис о “двух концепциях социализма” В.И. Ленина. Суть этого тезиса впервые изложил В. Киселев¹. По его мнению, конкретная ситуация в Советской России, и в частности политика “военного коммунизма”, в которой он усматривает не только результат гражданской войны, но и попытку большевиков реализовать в России классическую теорию Маркса, “заставила Ленина отойти от классической концепции социализма Маркса и Энгельса ... введя в модель социализма закон стоимости и государство” и таким образом возводя “товарно-денежные отношения в ранг общественного элемента концепции социализма”². Тем самым в неявной форме проводилась мысль не только об объективной нереализуемости в условиях Советской России 20-х гг. классических представлений Маркса о социализме, но и о выработке Лениным в последние годы жизни новых концептуальных положений о социализме.

Но, несмотря на заманчивую перспективу при помощи данной концепции подвести под современную реформу советской экономики серьезный фундамент в виде ленинского теоретического наследия, для многих исследователей показалась неубедительной как сама трактовка взглядов Ленина, так и эволюция представлений о социализме от Маркса к Ленину³.

Итак, поставленный М. Капустиным главный вопрос – отношение реальной практики социалистического строительства к марксовой теории социализма и коммунизма – не только не снимался, а, наоборот, обострялся, становился более злободневным.

Именно это обстоятельство и обусловило появление в конце 1988 г. одновременно в двух журналах статей Г. Лисичкина и А. Ципко⁴, которые не только предприняли попытку дать развернутый и аргументированный ответ на искомый вопрос, но и сделали это с диаметрально противоположных позиций.

Г. Лисичкин:

Вопросы: “Может ли Маркс, марксизм нести ответственность за деятельность Сталина? Или... насколько вообще правомерно Сталина называть марксистом?”⁵

¹ См.: Киселев В. Возвращаясь к ленинским принципам // Московская правда. 1988. 9 февраля. Развернутый вариант данной статьи позднее был опубликован в сборнике “Иного не дано” (М., 1988. С. 354–369).

² Там же.

³ См.: Мелентьев А. Тезис о “двух Лениных”: в чем смысл? // Экономические науки. 1989. № 1.

⁴ Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11; Ципко А. Истоки сталинизма. Очерк 1. О зонах, закрытых для мысли // Наука и жизнь. 1988. № 11.

⁵ Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11. С. 164.

Ответы: “Если мерить сталинский социализм метром научного социализма, то... не представляет особого труда рассмотреть, что эти два понятия не только не совпадают, но и диаметрально противоположны... Только теперь мы всерьез заговорили об изменении нашего видения социализма, о возвращении к тому пути, указанному Марксом, Энгельсом, Лениным, с которого давно сбились”¹.

А. Ципко:

Вопросы: “Каковы доктринальные причины наших неудач в социалистическом строительстве” или “доктринальные причины деформаций социализма?” “...Возможно ли построить неказарменный, демократический социализм на нетоварном, безрыночном фундаменте?”, т.е. исходя из теории Маркса и Энгельса².

Ответы: “Представления Сталина о социализме, о его первоочередных задачах не могли существенно отличаться от того, что мыслили и думали об этом другие марксисты его эпохи, ибо в основе этих представлений лежали одни и те же социальные и философские идеи”³. Из дальнейшего изложения однозначно вытекает, что под этими идеями Ципко подразумевает прежде всего коммунистическую модель Маркса, в основе которой лежал прямой продуктообмен и абсолютное директивное планирование сверху⁴.

Впоследствии тезис А. Ципко о марксизме как доктринальном источнике и причине сталинизма получил дальнейшее обоснование и еще большую радикализацию. Это выразилось прежде всего в двух моментах: во-первых, А. Ципко приходит к выводу о наличии в марксистском учении кардинального противоречия между материалистическим пониманием общественного развития как естественно-исторического процесса и идеалистическим, на его взгляд, тезисом Маркса о необходимости коммунистической революции как волюнтаристском, насильственном действии, творящем новые общественные условия⁵. И во-вторых, А. Ципко признает устаревшими, не выдержавшими испытание временем “исходные философские основы мировоззрения Маркса, его представления о прогрессе”, делает вывод, что “учение Маркса и Энгельса нельзя назвать даже научной гипотезой”, ибо в ее основе лежат ложные посылы⁶.

И таким образом, к весне 1990 г. взгляды А. Ципко оформляются уже в достаточно определенную концепцию абсолютного отрицания как научной ценности марксистской теории, прежде всего в силу ложности и противоречивости ее исходных посылок, так и гуман-

¹ Там же. С. 187.

² Ципко А. Истоки сталинизма. Очерк 1. О зонах, закрытых для мысли // Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 46, 48, 49.

³ Там же. С. 51.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Ципко А. Противоречия учения Карла Маркса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1990. № 2. С. 77–79.

⁶ Ципко А. Нужен ли еще один эксперимент? // Родина. 1990. № 2. С. 20; № 3, С. 62.

ности этой теории в силу того, что ее реализация неизбежно приводит, по мнению А. Ципко, к общественным деформациям и массовому насилию.

Поэтому не случайно позиция А.Ципко объективно стала осевой линией дискуссии, развернувшейся в 1989–1990 гг. Полемике с этой позицией были посвящены не только отдельные выступления, но и специальные “круглые столы” и обсуждения¹. Тем самым было положено начало дискуссии, в рамках которой в последующие годы появился целый ряд нестандартных, глубоких интерпретаций теоретического наследия Маркса и Энгельса, разнообразных точек зрения по проблемам марксизма и социализма².

Несмотря на существенное, иногда принципиальное расхождение мнений и выводов, которые высказывали участники этой дискуссии, их объединяло то, что они не выходили за рамки формационной логики и строили свои суждения на необходимой смысловой связке марксизма (марксовой теории социализма) и реального социалистического (или псевдосоциалистического) общества, существующего в СССР и ряде других стран. Из этой связки делалось только два противоположных вывода. В соответствии с одним “реальный социализм” оказался “плохим”, не социализмом, псевдосоциализмом, потому что не правильно реализовали на практике в целом “правильную” теорию Маркса³. Поэтому, в соответствии с этой позицией, переходные процессы связывались, прежде всего, с обновлением социализма, проведением практической политики на основе аутентичного марксизма.

Другой вывод заключался в следующем: “плохой” социализм – это неизбежный и закономерный результат реализации “неправильной” теории Маркса. В ней изначально были заложены такие постулаты и общественные ориентиры, воплощение которых на практике в любом случае привело бы к негативным результатам. Поэтому необходим возврат на правильную дорогу, с которой Россия, в частности, сбилась, сошла из-за реализации этой “плохой” теории.

Наряду с “формационной” в дискуссиях отечественных ученых выкристаллизовывалась и *другая (вторая) концептуальная модель*

¹ См.: Осмысливая уроки прошлого (теоретический семинар на философском факультете МГУ) // Вестн. Моск. уни-а. Серия 12. Теория научного коммунизма. 1989. № 6.

² См. подробно: Моцелков Е.Н. Современные дискуссии о коммунистической теории К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1991.

³ Некоторые авторы стали вообще избегать употребления термина “социализм”, применительно к общественным порядкам в СССР и отдавали предпочтение нейтральным, на их взгляд, терминам “командно-административная система” или просто “административная система”. Но при более подробном анализе становилось ясно, что тем не менее речь идет о “плохом”, “извращенном” в силу тех или иных обстоятельств социализме. См.: Королев С.А. Административно-командная система: генезис и эволюция // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990. С. 106–132; Попов Г.Х. Блеск и нищета административной системы. М., 1990. С. 182–204; и др.

интерпретации сложных и противоречивых процессов, которые разворачивались в СССР на рубеже 80–90-х гг.

Исходной для данной модели была идея о том, что сущностью существовавшего в СССР так называемого “реального социализма” – общества, с любых точек зрения не соответствующего теоретическим представлениям основоположников социалистической доктрины, является тоталитаризм; и значит, в современных условиях осуществляется не что иное, как переход от тоталитарного общества к посттоталитарному, демократическому обществу, т.е. происходит *посттоталитарный переход*.

Дискуссия на эту тему развернулась в нашей стране в 1989 г.¹ В ней, в отличие от первой, рассмотренной нами выше, – назовем ее условно “дискуссия о постсоциализме” – просматривалась попытка рассмотреть социально-политическую историю России (СССР) после октября 1917 г. в контексте мирового развития в XX в., понять причины появления и природу антидемократических порядков в нашей стране, их влияние на социальную структуру общества, на менталитет, психологию населения и т.д.

Разумеется, данная дискуссия не могла не учитывать огромную литературу о тоталитаризме, которая ранее выходила на Западе и всегда вызвала (особенно после опубликования в 1944 г. работы Ф. Хайека “Дорога к рабству”²) горячие споры в зарубежных научных и политических кругах. А. Кара-Мурза в предисловии к сборнику “Тоталитаризм как исторический феномен” выразил даже опасение в том, что в связи со многими (существовавшими еще тогда) идеологическими, языковыми и др. барьерами между отечественными и зарубежными исследованиями, в частности, по проблемам тоталитаризма существует “постоянный риск переоткрытия и переформулирования вещей, ставших в контексте накопленного в мировой литературе опыта обыденными, если не тривиальными”³. Конечно, такие опасения имели основания, но, как у всякого явления, у этого также были слабые и сильные стороны. “Переоткрытие” тоталитаризма оказалось на практике не только повторением уже известного на Западе, но и стимулировало появление целого ряда оригинальных идей. В немалой степени этому способствовало то, что советские ученые оказались в то время (1989 г.) в иной, чем их западные коллеги, системе социально-политических координат. Если, например, Х. Арэнд, З. Бжезинский, К. Фридрих⁴ и ряд других теоретиков тоталитаризма выступали в основном в роли научных ин-

¹ Социализм и демократия. Дискуссионная трибуна (сборник статей). М., 1989; Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

² См. первый русский перевод (Вопросы философии. 1990. № 10–12).

³ Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 6.

⁴ *Arend H. The Origins of Totalitarianism*. N.Y., 1966 (первое издание – в 1951 г.); *Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge, 1956.

терпретаторов уже произошедших посттоталитарных переходов (например, в Германии) или разрабатывали прогностические модели развития советского тоталитаризма, но в любом случае находились в стороне от реальных процессов и мало влияли на их ход, то отечественные ученые на рубеже 80–90-х гг. почувствовали себя непосредственными участниками разворачивающихся преобразований, поверили в то, что их голос будет весомым для разработки практических программ.

Разумеется, важнейшим как с теоретической, так и с практической точки зрения вопросом в рамках дискуссии о посттоталитаризме был следующий: *как, какими путями и способами* можно преобразовать, трансформировать тоталитарное общество, которое уже несколько десятилетий существовало в СССР, в демократическое общество, как осуществить переход от тоталитаризма к демократии?

Наиболее оригинальная модель такого перехода была предложена А.М. Миграняном. По его мнению, данный переход должен быть осуществлен при сохранении авторитарной власти, “при которой на этом этапе допускалась бы ограниченная или управляемая демократия”¹ “...Авторитарная власть должна заниматься в этот период созданием демократического политического механизма, вовлекая в него представителей различных институтов гражданского общества, постепенно предоставляя им права и полномочия, но сохраняя за собой роль арбитра и корректора”².

Данная модель, как разъясняет сам А. Мигранян, основывается на следующих постулатах: 1) в СССР существовал так называемый “идеально” тоталитарный режим”, отличающийся большей жесткостью общественной централизации, чем некоторые тоталитарно-авторитарные (по терминологии Миграняна) режимы (например, в фашистской Германии); 2) историческая практика не знает ни одного примера “мирного вrostания тоталитарной политической системы в демократическую, перехода к демократии от тоталитаризма путем “революции сверху”, тогда как, наоборот, есть исторический опыт перехода от авторитаризма к демократии (Испания, Греция, Португалия); 3) есть все основания использовать этот исторический опыт в нашей стране, осуществив сначала переход от тоталитаризма к авторитаризму, а уже потом от авторитаризма к демократии³.

¹ Социализм и демократия. Дискуссионная трибуна (Сборник статей). С.13.

² Там же. С. 14. Необходимо отметить, что данная идея А. Миграняна сразу же стала не только предметом научных споров среди специалистов, но и темой массовых периодических изданий (Литературная газета. 1989. № 33, 42, 52; Новое время. 1989. № 38, 47).

³ Социализм и демократия. С. 13–14. Этим, по-видимому, объясняется и появление позднее ряда специальных материалов по анализу соответствующего исторического опыта Германии. См., например: Арнольд Ф. Предпосылки одного преобразования. “Экономическое чудо Людвиг Эрхарда” // Диалог. 1991. № 8. С. 59–71, а также перевод на русский трудов самого Л. Эрхарда: Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.

Не трудно заметить, что все эти постулаты сходятся в одном исходном пункте – допущении принципиальной сопоставимости, аналогичности природы советской системы и тех недемократических общественных режимов, которые существовали в ряде стран Европы в XX в.

Критика данной модели переходного посттоталитарного процесса выявила не только ее собственные слабые места, но и существенные и даже концептуальные недостатки посттоталитарного подхода как такового.

Во-первых, принципиальная разница обнаруживалась в исторических условиях и истоках появления недемократических режимов в различных странах, а значит и в их идентификации в контексте национальных историй. Если в Европе (например, в Германии) тоталитарный (национал-социалистский) режим являлся относительно непродолжительным по времени (12 лет) перерывом в процессе предшествующего демократического развития страны, то в России диктатура пролетариата, появившаяся в 1917 г., фактически сразу же (не считая восьмимесячного “демократического” хаоса) сменила авторитарно-монархический режим с многовековой историей.

О.Ю.Ярцева, например, считает, что если понятие “тоталитаризм” как отклонение от нормы, “болезнь общества” последовательно применять к анализу русской истории, то точка “перелома” российского общества от “нормы” к “болезни” “будет постепенно отодвигаться в глубины русской истории”, и в конце концов всю эту историю надо будет признать “патологией”¹.

Во-вторых, если признать общественный строй в СССР однозначно тоталитарным и даже “идеально”-тоталитарным, то не понятно, как будет осуществляться в реальных условиях перестройка, “ослабление” тоталитаризма и постепенная его трансформация в авторитаризм. “Какие реальные связи и отношения, – задает, например, прямой вопрос А.Ф. Ельманов, – выступают в качестве живой социальной “субстанции” этого процесса, несущего в себе новое по сравнению с тоталитаризмом измерение политической жизни?”². Другой же оппонент Миграняна, А.В.Фадин, вообще считает, что реализация проекта “либерально-авторитарной трансформации” может завести в “историческую ловушку”, так как свободное развитие низовых социальных слоев (“внеаппаратный союзник”) неизбежно ведет к эрозии монополии власти, без чего не может существовать этакратия³. М.А. Чешков же из собственного анализа социально-политической ситуации в СССР делает следующий вывод: “Возникновение элементов авторитаризма есть переходность внутри структуры сталинского тоталитаризма”⁴.

¹ Тоталитаризм как исторический феномен. С. 54.

² Социализм и демократия. С. 93.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 90.

Таким образом, искомая формула “от тоталитаризма к демократии через авторитаризм”, принятая Миграняном в качестве модели практического развития страны, повисла в воздухе: ее основные, опорные понятия и постулаты не находили “почвы” в реальных условиях советского общества. В рамках посттоталитарной логики существовало и еще одно положение, которое наиболее рельефно показывало умозрительность ее конструкции. И.М. Клямкин, обобщая многие критические высказывания по поводу идеи переходного авторитаризма, делает интересное заключение о том, что эта критика имеет не научную, а морально-психологическую основу. “Эта идея, – по его мнению, – смущает, так как она выглядит противоречащей демократическим убеждениям тех, кто дорожит их чистотой и опасается запятнать их сомнительными компромиссами”¹. Резко отмежевываясь от социализма и псевдомарксистского догматизма, оппозиционная интеллигенция периода советской перестройки тем не менее оставалась в плену догматического мышления, что и проявлялось в безоговорочной приверженности идее безальтернативности и самоценности демократии как конечной цели всякого общественного развития².

При этом необходимо иметь в виду, что рассмотренные выше два постулата посттоталитарного подхода в советских исследованиях (применимость западного опыта переходных периодов и самоценность демократии как цели переходных процессов) являются важнейшими исходными установками многочисленных моделей трансформации плановой экономики в рыночную, однопартийной системы в плюралистическую, которые уже давно разрабатываются в исследовательских центрах Запада. Они являются и основными идеологемами, определяющими восприятие обычными людьми (не только учеными) на Западе процессов, происходящих в бывших социалистических странах³, но остается только удивляться, как быстро и поразительно легко эти идеологемы овладели умами либеральной интеллигенции в нашей стране и даже в значительной степени стали идеологическим фундаментом для радикальной реформы в России после декабря 1991 г.

Выше мы рассмотрели сущность двух концептуальных подходов к интерпретации переходных процессов в СССР в конце 80-х – начале 90-х гг.: “посткоммунистическая” и “посттоталитарная” модели. Позже накал дискуссии в рамках этих подходов заметно ослабевает, хотя, разумеется, научное обсуждение проблемы с использованием

¹ Там же. С. 240.

² Самый яркий пример этого “догматизма наоборот” манифест оппозиционной советской интеллигенции, названный “Иного не дано” (1988 г.).

³ Данный вывод строится автором как на основе изучения целого ряда обобщающих западных исследований по рассматриваемой проблеме, так и на основе личного опыта многочисленных встреч и дискуссий с сотрудниками и преподавателями Тюбингенского университета (Германия) в 1993–1996 гг.

данного категориального аппарата продолжается (и не без рациональных результатов) и по сей день¹. Основная причина заключается в том, что в научный спор вмещался реальный политический процесс. Начиная с 1991 г. страна вступает в полосу острого противоборства различных политических сил, бурных и даже трагических социальных катаклизмов. Реальные события сводят на нет многие научные споры, выводы, концепции. Россия опять не уместается в прокрустово ложе “классической” науки, мирового опыта и т.д.

Но существовал и еще один (*третий*) подход, который сумел пережить данные катаклизмы, впитать в себя некоторые ценные идеи “постсоциалистических” и “посттоталитарных” концепций, одновременно выдвинув целый ряд оригинальных проектов преобразования России.

Один из таких проектов, предложенный в 1992 г. группой авторов, в своей основе имел идею модернизации как наиболее распространенного типа прогрессирующих социальных изменений.

Модернизационная модель включает в себя следующие концептуальные положения:

1. Мировое историческое развитие рассматривается как процесс последовательной смены трех макроформаций – первичной, или архаической, вторичной, или экономической, и третичной, или постэкономической. Первичную формацию авторы данной модели относят к древней истории человечества, вторичную связывают с существованием классовых обществ, начиная с античного и до капиталистического, третичную – с будущим человечества, к которому наиболее развитые страны уже начали свой переход².

2. Дается такое определение “модернизации”: “это социальная, культурная, экономическая, технологическая (а в некоторых случаях и политическая) революция, затрагивающая основы повседневной жизни людей и изменяющая их образ жизни, социальную ткань общества, хотя она может быть растянута по времени и осуществляется путем последовательных реформ”³. Такая расширительная трактовка модернизации фактически сливается, отождествляется с самыми различными обновительными процессами,

¹ См., например: *Бутенко А.П.* Тоталитаризм в России и пути его преодоления // Социально-политический журнал. 1994. № 9–10, 11–12. *Он же.* От тоталитаризма к демократии: общее и специфическое // Там же. 1995. № 6; 1996. № 1, 2.

² См.: *Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В.* Шанс на обновление России. (Зарубежный опыт модернизации и российский перспективы) // Мир России. 1993. № 1. С. 103. В первоначальном сокращенном варианте данная статья появилась в журнале “Кентавр” (1992. Май–июнь). Необходимо отметить, что идея деления человеческой истории на первичную (архаичную), вторичную и третичную формации встречается у Маркса, но авторы рассматриваемой выше модели на него не ссылаются (см.: *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В.И.Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 402, 413, 419).

³ *Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В.* Шанс на обновление России. (Зарубежный опыт модернизации и российские перспективы) // Мир России. 1993. № 1. С. 106.

происходящими в истории, и должна была, видимо, по замыслу авторов модели, позволить применить данную дефиницию для анализа и обобщения различных типов общественных перемен. Но, с другой стороны, как отмечает один из критиков модернизационной модели, такое определение модернизации, в которую “включены любые переходные общественные состояния”, “препятствует выяснению качественной стороны этого процесса”¹. Определенные ограничения этого термина есть и у самих авторов модели, так как для них собственно модернизационные изменения происходят в рамках вторичной макроформации, а точнее, при переходе к индустриальному, капиталистическому обществу (“модернизация – спутник капиталистического развития”)², а также к постиндустриальным процессам³. Таким образом, центральное положение модернизационной модели состоит в том, что наиболее прогрессивные общественные изменения последней эпохи человеческой истории – это “постархаика” или “индустриализм” с последующим переходом к “постиндустриализму”.

3. Декларируется “комплексный формационно-цивилизационный подход к развитию общества”, допуская при этом то, что линейно-поступательный прогресс человечества должен сочетаться со специфическим развитием отдельных формаций⁴. Но ни механизм этого сочетания, ни степень синтеза линейных и циклических факторов в развитии человечества и конкретных обществ никак не раскрываются.

4. Проводится классификация всех модернизаций в истории на две категории – “органические” и “неорганические”. К первой категории относят общественные изменения, которые происходили и происходят в развитых странах, где, как считается, импульс к обновлению и переходу на новую ступень развития приходит изнутри этих обществ. Перемены происходят и в периферийных, слабо развитых странах (модернизация – это всеобщий процесс), но здесь изменения происходят под непосредственным влиянием со стороны развитых стран. Здесь модернизация – это повторение отстающими странами уже пройденного пути и под воздействием вырвавшихся вперед в социальном прогрессе стран⁵.

Россия авторами модели однозначно относится ко второй категории. Под этим углом зрения рассматриваются не только современные процессы, но и история России предыдущих веков. И фактически вся история российских нововведений (особенно со времени петровских реформ) трактуется как череда, перманентный процесс

¹ Там же. С. 155.

² Там же. С. 106.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Там же. С. 106–108.

неорганических модернизаций, попытка ускоренными темпами повторить путь, пройденный Западом, и тем самым догнать Запад¹.

Таковы основные положения модернизационной модели. Мы специально подробно остановились на одном из ее вариантов, поскольку именно он наиболее полно и явно отражает его специфику и отличие от других моделей или подходов к интерпретации современных перемен в России.

В последние годы попытки российских ученых использовать теорию модернизации для объяснения перемен, происходящих в России, не только не ослабевают, а, наоборот, усиливаются². Правда, внимательный анализ материалов дискуссий показывает, что ряд ученых употребляет этот термин в метафорическом смысле, а не как ключевое понятие специфической концептуальной модели социальных изменений, хотя в целом просматривается сознательное и целенаправленное употребление искомого термина.

Возьмем для примера одну из дискуссий, проходивших в редакции журнала "Вопросы философии". В выступлениях ее участников мы встречаем следующие формулировки: "Модернизация – это своего рода великая революция, возможно, главная из тех, что пережило человечество. В любом случае это глобальный феномен мировой истории" (Л.С. Васильев)³. "Идея модернизации подразумевает ... единство человечества и единство исторического процесса. "Прорывы" отдельных стран, становящихся в результате них "передовыми", и усвоение их достижений остальными "отсталыми" странами – форма, в которой осуществляется этот единый процесс развития..." (Д.Е. Фурман)⁴. "...Процессы модернизации России не могут быть поняты вне общемирового процесса" (В.А. Ядов)⁵ и др. Стержневая концептуальная линия данной дискуссии была достаточно очевидной, что не могло не вызвать вопросы и возражения некоторых участников. Так, например, у А.А. Кара-Мурзы дискуссия вызвала такой ключевой методологический вопрос: "...В какой системе координат – стадийно-формационной, цивилизационной или какой-либо иной – мы рассматриваем проблему "модернизации"⁶. Таким образом, суммарный вывод, итог данного подхода

¹ Там же. С.112–116.

² Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 1993. № 7; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Там же; Социальная модернизация в России. Материалы обсуждения за "круглым столом" в Институте философии РАН // Вестник Российской Академии наук. 1993. Т. 63. № 3; Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Кутряшин Г.Л. Политическое развитие // Кентавр. 1994. № 2; Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11; и др.

³ Российская модернизация: проблемы и перспективы. (Материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 7.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 19.

заключается в том, что развитие человечества происходит фактически в единственном русле технического, технологического, хозяйственно-экономического и даже социокультурного совершенствования, по которому в последние века идут западные страны. "Исторически модернизация, – пишет один из теоретиков модернизации, Ш.Н. Эйзенштадт, – это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие европейские страны, а в девятнадцатом и двадцатом веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты"¹.

В этом и заключается стержневая мысль модернизационной теории – распространение методов, концепций и способов улучшения, обновления общества с Запада на остальной мир, хотя и зачастую модернизационная идея в применении к периферийным странам и оговаривается спецификой, особенностями и т.п.

Сторонники модернизационного подхода, может сами того и не сознавая, дают одновременно трактовку проблемы детерминаций исторического развития, сводя их, по сути дела, к одному, хотя и неопределенному источнику (матрице) социальной эволюции, являющейся внешней по отношению к России. Наиболее отчетливо эта мысль выражена в следующем заключении об исходном пункте современных перемен: "СССР представлял собой индустриальное общество, возникшее в результате вторичной модернизации, которая обладает рядом особенностей. Она осуществляется главным образом под давлением внешних факторов и имеет слабо выраженные эндогенные стимулы и источники развития"².

Таким образом, в отечественных научных исследованиях и дискуссиях о современных процессах в России мы выделили три концептуальных подхода (условно их можно назвать так: "посткоммунистический", "посттоталитарный" и модернизационный"). При анализе этих подходов мы акцентируем внимание прежде всего на современной отечественной литературе³ для того, чтобы отразить различные типы умонастроений российских ученых, различные варианты интеллектуального дискурса современных перемен в России, которые сформировались внутри российского общества.

Попробуем этим дискурсам дать обобщающие характеристики.

Во-первых, вспомним рассмотренные нами выше парадигмы социального времени (исторического процесса), их эволюцию и сопоставим их с моделями интерпретации современных перемен в России. Очевидный вывод, который следует из этого сопоставления, заключается в том, что эти модели не выходят за рамки линейной пара-

¹ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 7.

² Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М., 1994. С. 20.

³ Разумеется, что по данным подходам существует огромная литература на Западе, отдельные ссылки на нее делаются ниже.

дигмы, хотя и включают (подчас декларативно) в себя некоторые элементы формационного ("посткоммунизм" и "посттоталитаризм") или цивилизационного ("постархаизм" – "постиндустриализм") циклизма. По нашему же мнению, история России, механизмы и тенденции развития российского общества в прошлом и настоящем не могут быть адекватно истолкованы только с точки зрения логики линейно-поступательного прогресса.

Во-вторых, весьма спорной является сама идея одного "корня" общественных обновлений (Запад) и единого потока социального совершенствования, в который одновременно вступают отдельные страны. На основе этой идеи формулируется положение, в соответствии с которым Россия либо когда-то выпала из общемирового потока, либо никогда не находилась в этом потоке, но постоянно стремится войти в него, предпринимает попытки пройти путь Запада. Симптоматично в этом смысле название доклада Миграняна, вокруг которого развернулась дискуссия о посттоталитарных процессах в России – "Легко ли стать Европой?". Вопрос же о том, а нужно ли России вообще становится Европой в рамках этой логики, не возникает, ибо ответ на него изначально известен.

Таким образом, получается, что основные концептуальные подходы к анализу современных перемен в России базируются на ложном, по нашему мнению, методологическом принципе: происходящее в России рассматривается через призму социально-исторических реалий западных стран и даже через интеллектуальное преломление этих реалий в западном сознании, в западной научной традиции.

Такой способ интерпретации современных перемен в России может дать лишь искаженную картину, так как адекватные модели должны быть прежде всего результатом анализа и теоретического осмысления реальных отечественных процессов, а не социального опыта других стран.

Проведем с этой целью сравнительный анализ аналогичных процессов, которые происходили в России в XX в.

2. Противоречия и метаморфозы политической демократизации российского общества: узнаём настоящее в прошлом

Политологи уже давно применяют метод исторических сравнений для того, чтобы лучше понять сущность современных процессов. Особенно результативен этот метод при сопоставлении периодов и процессов, в которых выделяются бесспорные явления повторяемости, похожести. Вместе с тем удивительным и труднообъяснимым является то обстоятельство, что в попытках понять природу современных процессов и изменений в России многие исследователи обращаются к истории других стран (например, Германии и Испании), но совершенно забывают об отечественном опыте, забывают о том, что Россия в начале XX в. уже один раз пыталась выйти из автори-

таризма и перейти на демократический путь развития. Стремление сравнить этот первый переходный процесс (1917–1920-е гг.) и второй, современный, кажется вполне естественным, но почему-то не нашедшим достойного места в научных исследованиях.

Метод исторической компаративистики пока еще нельзя отнести к широко распространенным приемам политической науки (хотя и у нас и за рубежом имеются специальные исследования в данной области¹). Поэтому уместно будет сделать два предварительных замечания: во-первых, при сопоставлении современных событий с прошлым у любого исследователя неизбежно возникает ощущение гетерогенности происходящих процессов, ибо прошлая, давно ушедшая эпоха воспринимается более спокойно, тогда как восприятие настоящего всегда окрашено эмоциями непосредственного сопереживания событий. В этом случае объективность научного исследования прямо пропорциональна способности максимального преодоления эмоций. Во-вторых, нет и не может быть абсолютного совпадения разных исторических эпох. Но дело не только в самом феномене совпадения различных отстоящих друг от друга во времени общественных ситуаций, а в том, что уже изученное и осмысленное прошлое может стать зеркалом для настоящего. В этом зеркале оно (настоящее) узнает или не узнает себя, фиксирует или не фиксирует повторяемость процессов и явлений. В рамках такого анализа изучение прошлого уже не является просто познанием истории, а становится элементом, способом осмысления и интерпретации современных процессов².

С учетом этих замечаний проведем исторический сравнительный анализ политических процессов в России в период 1917–1920-х гг. и в период конца 80-х – 90-х гг. прежде всего по двум основным направлениям: 1) преобразование системы органов верховной государственной власти и 2) процессы в сфере национально-государственного устройства.

Самый общий вывод, который сразу же вытекает из этого анализа, заключается в том, что оба раза мы имеем дело с явлением, которое можно условно назвать “обратным ходом политического маятника”. Аналог этой ситуации можно встретить в элементарных физических опытах: отвес, специально занесенный дальше положенного в одну сторону, неизбежно по законам качения выходит из своей

¹ См., например: *Голосов В.Г.* Сравнительная политология. Учебник. Новосибирск, 1994; *Шаран П.* Сравнительная политология / Пер. с англ. Ч. I–II. М., 1992; *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. М., 1994.

² Наиболее широко в исторических исследованиях сравнительный метод стал применять О.Шпенглер. Его оценка этого метода звучит более чем весомо: “Сравнения могли бы стать благодатью для исторического мышления, так как они вскрывают органическую структуру совершающегося” (*Шпенглер О.* Закат Европы. Т. I. Новосибирск, 1993. С. 36). В данной формулировке подчеркивается важнейшая функция всякого научного метода – помочь исследователю проникнуть в скрытую суть вещей.

нормальной амплитуды и двигается так же далеко в другую, прямо противоположную сторону.

Оба раза такое действие этого "политического маятника" выразилось в том, что предпринималась попытка превратить авторитарный режим в одно из самых демократических обществ в мире.

2.1. Преобразование системы органов верховной государственной власти

Посмотрим сначала, что происходило в данной сфере в конце февраля – начале марта 1917 г. Прежде всего в этот период производится кардинальное изменение порядка формирования всех властных структур российского общества. До 1917 г. данный порядок определялся двумя способами: во-первых, все основные органы власти империи формировались и обновлялись единоличным распоряжением монарха, который в своей кадровой и государственной политике стремился удовлетворить интересы и амбиции узкого слоя дворянской аристократии; во-вторых, формирование и деятельность местного самоуправления (земская система) начиная с 1864 г. строилась по принципу сословно-корпоративного представительства, когда на уездных съездах основные сословия (землевладельцы, крестьяне и городские жители) отдельно друг от друга по установленной свыше квоте выбирали своих представителей (гласных) на уездное земское собрание. С 1906 г. по такому принципу¹ проводились выборы во все четыре Государственные думы. Сразу же после февральской революции оба этих способа формирования властных органов были упразднены: первый вместе с институтом монархии, второй – в силу ликвидации сословий и провозглашения принципа всеобщих и равных выборов в органы власти, в том числе и в местные.

На какой же основе происходит формирование и последующая деятельность органов государственной власти в постсамодержавной России?

На данный вопрос можно ответить совершенно определенно: государственный порядок в новой России стал строго подчиняться принципам и законам партийно-представительной демократии. Фактически с марта 1917 г. монархический режим в России сменился властью партийной системы или, точнее, властью определенных, наиболее влиятельных партийных центров и блоков. Именно политические центры или форумы основных партий определяли своих представителей в различные властные органы, направляли и держали

¹ Только в этом случае из группы городских жителей в отдельную курию (сословие) были выделены рабочие, и каждая курия самостоятельно определяла, как правило, по двух-трехступенчатой системе выборщиков на общее губернское избирательное собрание.

ли под жестким контролем их последующую деятельность¹. Партийно-представительная система действительно становится базисом нового государственного порядка, определяет политическую жизнь. Не случайно, что для первых в истории всеобщих, прямых и равных выборов в Учредительное собрание Особым совещанием в конце мая – начале июня был определен принцип пропорциональности, т.е. принцип избрания депутатов по партийным спискам². Именно в соответствии с этим принципом в конце 1917 г. было избрано более 700 депутатов Всероссийского Учредительного собрания.

Какие же партии руководили Россией в 1917 г.? Это легко проследить, анализируя имеющий официальный статус партийный состав Временного правительства и руководящих органов Советов. Так, например, 16 июня в соответствии со строгими правилами партийного представительства был избран ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, в котором 242 места из 320, т.е. 75,6%³, принадлежало представителям двух партий – меньшевикам и эсерам. 24 июня был объявлен состав второго коалиционного Временного правительства, в котором меньшевикам, эсерам и примыкавшим к ним партиям принадлежало 8 мест из 15 (53%). Кроме того, данный партийный блок получил ключевой пост министра-председателя. Абсолютное же большинство мест получила партийная коалиция, которую образовали социалисты и кадеты (13 мест из 15). В целом такая же картина наблюдается и в конце сентября. В третьем коалиционном Временном правительстве у социалистов и кадетов (25 сентября) – 10 мест из 17 (59%)⁴, а в Предпарламенте (2 октября) – 332 места из 555 (60%)⁵.

Доминирующее положение партий в политической жизни России создавало серьезное противоречие в постсамодержавном политическом процессе. Это противоречие выражалось в том, что сформировавшиеся в революционной ломке (отчасти стихийно) статус и роль политических партий в новых властных структурах абсолютно не соответствовали реальной силе и влиянию этих партий в российском обществе. По подсчетам В.В. Шелохаева, в 1917 г. количество членов всех российских партий составляло примерно 1,2 – 1,5% от общей численности населения страны. И вообще, по его мнению, «... многопартийность в России не имела прочной социальной базы,

¹ Этим, в частности, объясняется необычайно активная работа различных партийных форумов; только партиями, входящими в правительственную коалицию в период с марта по октябрь, было проведено десять съездов и общероссийских конференций. Деятельность же руководящих центров (ЦК, совещаний руководства и т.п.) была практически непрерывной.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 145–147.

³ Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. 3-е изд., доп. М., 1987. С. 383–384.

⁴ Там же. С. 98–100, 383, 384.

⁵ Там же. С. 414.

образно говоря, "висела в воздухе", не стала понятным и принятым массовым сознанием фактором политической жизни"¹.

Кроме того, российские партии, многие из которых насчитывали 10 и более лет своей истории, тем не менее не имели опыта активной и полноценной политической деятельности, так как все эти годы либо действовали в подполье, либо занимались бесплодными дебатами в Государственной думе.

Но дело не только в объективной слабости российских партий. Дело в том, что сам по себе решительный и однозначный переход от сословно-корпоративной системы формирования государственных органов к партийно-представительной не соответствовал социальным, социокультурным и духовным реальностям российского общества. Ликвидация сословий законодательным актом Временного правительства, т.е. отмена юридических различий в положении различных групп населения, не означала, что одновременно изменяется формировавшееся столетиями сословно-корпоративное сознание, традиции выражения групповых интересов через соответствующие органы самоуправления и различные корпоративные объединения, созданные прежде всего на основе профессиональной, социокультурной, региональной общности. Все это в одночасье невозможно было заменить партийными структурами.

Полная легализация партий была, безусловно, прогрессивным явлением в политической жизни России, тогда как абсолютная замена сословно-корпоративного представительства на партийное имела негативные последствия. Примечательна в этой связи одна дневниковая запись В.О. Ключевского, ученого-историка, глубоко проникшего в своих исследованиях в тайны русской истории и русского общества: "Я не сочувствую партиям, манифесты которых сыплются в газетах. Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при народном представительстве. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта, 2) игра в жмурки"². Запись эта относится к 20 декабря 1905 г., т.е. к периоду, когда после Манифеста 17 октября в России стремительно стало появляться и организовываться множество политических партий. В реальной политической жизни за два месяца они, конечно, еще не могли себя проявить, но Ключевскому уже и тогда было все ясно, ибо он исходил не из опыта партий, а из их соответствия устоям российской жизни.

В бурных событиях 1917 г. это несоответствие и его негативное влияние на ход политического процесса стали ясными очень многим: На Государственном совещании в августе об этом говорили практически все ораторы, которые не были скованы руководящими партийными постами. Наиболее определенно об этом сказал М.В.

¹ Шелохаев В.В. Многопартийность, "висевшая в воздухе" // Подис. 1993. № 6. С. 170-171.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 355.

Родзянко: "...За этот истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации ... в этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и (причина) всех невзгод, которые постигли нас"¹.

И видимо, не случайно в октябре 1917 г. инициатива переходит в руки политической силы, на знаменах которой в качестве центрального лозунга была провозглашена ликвидация классов, а значит и партий.

Аналогичные явления и процессы наблюдаются в политической жизни нашей страны и в конце 80-х – начале 90-х гг. После отмены в феврале 1990 г. шестой статьи Конституции СССР, которая закрепляла руководящую роль КПСС в советском обществе и тем самым юридически обосновывала правомерность однопартийной политической системы, в стране в короткие сроки появились сотни политических партий, существовавших до этого в виде политических клубов и общественных объединений.

Но партии создаются не для пропаганды различных идей, а для борьбы за власть. Эта аксиома политической жизни, давно ставшая общепринятой во многих странах, нашла свое подтверждение и в России. Весной 1990 г. в альтернативной борьбе на выборах народных депутатов России, несмотря на то что весь их состав избирался по мажоритарной системе, проявилась тенденция жесткой борьбы различных партийных платформ и лозунгов. В высший орган России впервые выбирались не просто граждане (или, как раньше, представители "блока коммунистов и беспартийных"), а кандидаты, которые не только не скрывали, но даже усиленно пропагандировали свои партийные взгляды. Уже на этих выборах происходит решающий политический сдвиг в порядке и принципах формирования системы высших органов представительной государственной власти: от квотно-распределительной системы по социальным, возрастным, половым и другим параметрам и под непосредственным контролем центральных и местных партийных органов к свободной борьбе различных партийных платформ и формированию в результате ее органов, состоящих из выразителей и представителей сложившейся (может быть и стихийно, сиюминутно) в данный момент в обществе палитры политических и социальных предпочтений.

Государственная Дума в декабре 1993 г. формировалась уже по новому избирательному закону, который вводил паритетную систему выборов: половина по мажоритарной системе, половина по пропорциональной системе (по партийным спискам). Такой же порядок сохранился и на выборах 1995 г.

И хотя статус депутата, избранного по партийным спискам, не ограничен так называемым принципом императивного мандата

¹ Государственное совещание. М.: Л., 1930. С. 105.

(депутат, выступивший против общего решения фракции, выбывает из выборного органа), анализ деятельности Думы показывает, что именно фракционное голосование является определяющим в принятии наиболее принципиальных решений. Таким образом, многопартийный принцип политической жизни в короткий срок становится, бесспорно, доминирующим в высшей представительной власти России.

Но является ли партийная демократия наиболее адекватной формой отражения всей гаммы социальных интересов современного российского общества?

Многопартийная система в СССР и в России создавалась по аналогии с давно уже существующими партийными системами в развитых зарубежных странах¹. Но противоречия и проблемы, которые возникли у нас в ходе этого процесса, были вызваны не только неплюралистическим менталитетом советского человека и иной, чем на Западе, политической культурой, социокультурными традициями (с этим столкнулась, как мы показали выше, и первая российская многопартийность в начале XX в.), но и специфическими социальными явлениями в советском обществе в 70–80-х гг. На Западе формирование партий становилось результатом сложного и длительного процесса социальной стратификации, в ходе которого сначала выкристаллизовывались, закреплялись социальные, политические и другие интересы определенных общественных групп (по мере идентификации самих этих групп), а только потом проявлялась потребность и необходимость представления и защиты этих интересов в политической борьбе, на различных уровнях властных структур общества. И наиболее эффективной формой для реализации этой цели стали в общественной практике развитых стран в XIX – начале XX в. политические партии. В России все произошло наоборот: сначала в достаточно короткие сроки возникла многопартийная система, а затем эти партии стали искать свою социальную базу, свой социальный интерес, свой электорат. Этот поиск продолжается и по сей день, и осуществляется он в обществе, в котором социальная структура находится в состоянии ломки, социальные слои и группы перемешаны, идет болезненный процесс исчезновения одних и появления других слоев и групп, еще только осознающих свои интересы и ориентиры. В этом отношении становление современной российской многопартийности происходит в еще более неблагоприятных условиях, чем в 1917 г. Тогда в России все же существовала достаточно стабильная и сложившаяся социальная структура. Сегодня же

¹ Подробно о становлении многопартийности в современной России см.: *Краснов В.Н.* Система многопартийности в современной России (очерк истории). М., 1995; Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. I. М., 1995. С. 138–210; *Партии и политические блоки России.* М., 1993; и др.

доминирующими являются процессы расслоения, диффузии социальной сферы¹.

Еще на начальной стадии формирования многопартийной системы в СССР (России) некоторые западные аналитики, отмечая естественные недостатки роста новых политических структур, отмечали, что "все политические лидеры должны определенно решить для себя вопрос: какое именно место они отводят своей партии в будущей политической системе"². Но похоже, эти надежды не сбываются, ибо и сейчас отдаленная политическая перспектива мало кого волнует и никак не влияет на партийное строительство. Наоборот. Партии стали неотъемлемым атрибутом переходного процесса. Большинство из них и создано под переходное состояние общества, под обстановку политической нестабильности, непредсказуемости. Поэтому и в их программатике и особенно в стратегии и тактике доминируют потребности того или иного политического момента, конкретика обстоятельств борьбы за власть.

Отсюда и удивительные особенности или "парадоксы" современного российского партотгенеза, выделяемые аналитиками.

Во-первых, это размытость, универсальность программатики разных партий, фактическое совпадение стратегических общественных ориентиров (многоукладная экономика, политический и идеологический плюрализм и т.д.).

Во-вторых, феномен Жириновского: лидер партии пользуется большей поддержкой, чем сама партия (по партийным спискам ЛДПР набирает существенное количество голосов, тогда как по мажоритарной системе представители этой партии почти все проваливаются).

В-третьих, происходит "деинституционализация" партий, понимаемая как "изменение регрессивного характера, выражающееся в полной или частичной утрате партией признаков политической организации, претендующей на завоевание политической власти"³.

В-четвертых, парадоксы линейного спектра российской многопартийности: программатика и практическая деятельность партий настолько изменчивы и противоречивы, что часто невозможно точно определить место партий в общепринятой шкале политических координат: левые – центр – правые⁴.

¹ Самсонова Т.Н. Сравнительный анализ многопартийной системы в современной и до-революционной России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1993. № 6. С. 22; Стариков Е.Н. Социальная структура переходного общества (опыт "инвентаризации") // Полис. 1994. № 4. С. 87–90.

² Фиш С. (США). На пути к многопартийной политической системе в России: взгляд с Запада // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991. № 6. С. 63.

³ Левчик Д.А., Заславский С.Е. Особенности партотгенеза в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 6. С. 49.

⁴ Там же. С. 50.

В-пятых, на относительно небольшом отрезке времени (полтора-два года) наблюдаются резкие колебания в рейтинге политических партий. Так, из восьми партий, преодолевших на выборах в Госдуму в декабре 1993 г. пятипроцентный барьер, через два года на аналогичных выборах в декабре 1995 г. пять партий ("Выбор России", Аграрная партия России, ПРЕС, "Женщины России", Демократическая партия России) не смогли выдержать это испытание. Одновременно с этим накануне последних выборов в спешном порядке формируется новая партия "Наш дом Россия", которая легко преодолевает пятипроцентный барьер.

Анализ этих особенностей приводит некоторых авторов к выводу о том, что происходит не только "деинституционализация", но и "деградация" партийной системы в России¹.

Важнейшей характеристикой современного политического процесса в России является почти никогда не утихающее противоборство представительной власти и Президента². Это противоборство началось фактически сразу, с возникновением института президентской власти, и происходило сначала между Президентом и Съездом народных депутатов (Верховным Советом) и в некоторых своих аспектах напоминало столкновение Керенского и Советов.

Вообще институт президентской власти, который начал функционировать в России с июня 1991 г. и с возникновением которого создавалась вертикаль исполнительной (неколлегияльной) власти, как бы нарушал возникшую ранее систему плюралистической представительной демократии. Это создавало коренное противоречие в возникшей после июня 1991 г. политической системе в России, которое и обусловило постоянно обостряющуюся борьбу между Президентом и Верховным Советом (Съездом народных депутатов). В свою решающую фазу эта борьба вступает в декабре 1992 г. на VII Съезде народных депутатов. Накал борьбы удалось тогда ослабить компромиссным постановлением Съезда "О стабилизации конституционного строя Российской Федерации", а также отставкой с поста и.о. премьер-министра Е. Гайдара и утверждением на этот пост В. Черномырдина. На следующем, VIII Съезде (март 1993 г.) принятый ранее компромисс вновь нарушается и борьба разворачивается с новой силой. Этот Съезд в поисках выхода из ситуации принимает решение о всероссийском референдуме 11 апреля 1993 г. На IX (внеочередном) Съезде (28 марта 1993 г.) предпринимается

¹ Там же. С. 54.

² Эти органы власти появились в России по аналогии с союзным уровнем. При этом следует иметь в виду, что и пост Президента СССР, и Съезд народных депутатов СССР создавались М.С.Горбачевым с определенными политическими целями. Первый - для сохранения власти КПСС в условиях перехода к многопартийной системе, второй - для большего маневра в сложных политических ситуациях. В России же и пост Президента, и Съезд народных депутатов сразу стали играть совершенно иную роль, так как попали под влияние различных политических сил.

попытка отрешить Президента от должности, которая (как, впрочем, и возникшая уже в ходе Съезда идея об отзыве Председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова) завершается неудачей. После референдума, на котором 58,7% голосовавших ответили "да" на вопрос: "Доверяете ли Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?" – наступает временное затишье, которое оказывается затишьем перед бурей. После телевизионного выступления Б.Н. Ельцина 21 сентября 1993 г. противостояние Президента и Верховного Совета приобретает непримиримый характер и приводит к кровавой развязке 3 – 4 октября 1993 г.¹

В чем заключалась суть этой борьбы? Чаще всего ее сводят к противоречиям разных ветвей власти (исполнительной и законодательной) в условиях формирования демократической системы. На самом деле все обстояло значительно сложнее. В противостоянии Президента и Верховного Совета при более детальном анализе просматривается столкновение между альтернативными моделями общественного управления. С одной стороны, это была власть Президента и его структур, которая строилась на основе персонализированного централизованного контроля, с другой – власть партийно-клановой представительной демократии, прятавшей реальные рычаги персонализированной власти за ширму коллегиальных решений. Различия в видении путей и форм преобразований российского общества имели в этой борьбе второстепенный характер, хотя и из пропагандистских соображений зачастую и выдвигались на передний план. В этом случае общество столкнулось не с противоречием между различными частями единого целого, а с конфликтом между двумя центрами сил, изначально претендующих на всю полноту федеральной власти в России.

Тем самым российская история на новом витке своего развития продемонстрировала повторяющуюся особенность нашего политического развития: общественные противоречия разрешаются не путем компромисса, а революционным, насильственным способом. Отталкиваясь от этой констатации, резюмируем наш сравнительный анализ преобразовательных процессов в сфере высших органов государственной власти России в переходные периоды 1917 г. и конца 80-х – начала 90-х гг.

В обоих случаях наблюдается радикальное и быстрое изменение основы государственного управления, принципов формирования и обновления государственной системы. Авторитарный порядок решения политических и кадровых вопросов, дополненный корпоративными формами организации местной жизни, в течение очень короткого срока, заменялся властью многопартийной системы, подчиняющейся специфическим законам партийно-представительной де-

¹ См. подробнее документы этого периода и комментариев к ним: Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. I. М., 1995. С. 22–41, 65–70.

мократии. Тем самым резко менялся не только организационный порядок государственной жизни, но и его духовно-идеологические основания. От единой государственной идеологии партии власти происходит быстрый переход к множеству противоборствующих идеологий, большинство из которых уходило своими корнями в идейный и практический опыт западной демократии.

Одновременно с этим радикально изменялись методы, система рычагов управления государством. От монархического или коммунистического режимов, где решающую роль играли персонифицированные институты власти или сословные корпорации, — переход к всесилю коллегиально-представительских органов, которые быстро становятся ареной столкновения партийных амбиций.

2.2. Процессы в сфере национально-государственных отношений

Начнем наш анализ, как и в предыдущем случае, с процессов, происходящих во время революционных событий 1917 г.

Многие российские общественные деятели в начале XX в. прекрасно понимали, что в такой многонациональной стране, как Российская империя, никакие серьезные преобразования не могут не затронуть сферу национально-государственного устройства и национальных отношений. Более того, как показали революционные события 1917 г., национальный вопрос в России является важнейшим фактором переходного процесса, а в ряде случаев и определяет ход тех или иных переходных мероприятий.

Поэтому закономерно, что российские политические партии, которые образовались в период первой революции и большинство из которых исходило из необходимости глубоких преобразований, не могли в своих программных документах обойти национальный вопрос.

Каково же содержание основных партийных программ? Рассмотрим для этого три господствовавшие в то время партийно-идеологические модели в национальном вопросе. Практически без существенных изменений эти модели через семь десятилетий “всплыли” на поверхность современной политической жизни в России.

Первая модель (монархисты и крайне правые): Россия должна оставаться единой и неделимой (нераздельной) монархической империей. Целостность Российского государства должна обеспечиваться приоритетом, главенствующей ролью русской народности, к которой относятся три славянских народа — великороссы, малороссы и белоруссы¹. Эта главенствующая роль непременно обеспечивается

¹ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 197, 200.

в пяти основных общественных сферах: в верховной государственной власти ("Самодержавная власть Русского Монарха"), в религиозной сфере ("свободно и достойно живущая Русская Православная Церковь"), в сфере делового общения ("единый русский государственный язык"), в правовой системе ("единый Русский закон") и в образовании ("единая Русская государственная школа"). Только при обязательном выполнении этих пяти условий русского государственного единства в данной модели делалось допущение, что "национальные особенности отдельных групп населения могут свободно существовать и развиваться"¹.

Такое особое положение русской нации, по убеждению монархистов, обусловлено ее исторической ролью как собирательницы земли Русской, ибо, создавая великое и могущественное государство, именно эта нация вынесла "на своих плечах всю тяжесть" этого исторического дела². Поэтому, не отрицая необходимости предоставления нерусскому населению некоторых прав местного самоуправления, использования родного языка в некоторых сферах гражданской жизни, многие монархические организации делали упор прежде всего на подчиненное положение нерусских национальностей ("инородцев") русской, чтобы "первые считали за честь и за благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своей зависимостью"³, но при этом были бы не хозяевами, а "челобитниками"⁴. При определенных условиях монархисты допускали в России совещательный представительный орган – Государственную Думу, которая, по их мнению, должна способствовать сближению царя и народа, укреплению прямой, непосредственной поддержки царя народными избранниками, минуя бюрократию, подрывающую традиционные устои народной монархии, искажающую подлинную народную суть российского самодержавия⁵. Но, признавая это, теоретики "Союза русского народа" выдвигали фундаментальное для них положение о том, что "Государственная Дума должна быть национально-русскою"⁶.

С некоторыми оговорками можно сказать, что основные установки монархистов в национальном вопросе так или иначе реализовались в официальной политике царской власти. Часто, говоря об

¹ Там же. С. 203.

² Там же. С. 198, 217.

³ Там же. С. 198. В программах правых партий мы находим и ряд других принципиальных положений. Так, например, всякая попытка отторжения от России какой-либо из ее окраин трактовалась в программе Русской монархической партии как измена родине (см.: там же. С. 202). В программе Русского народнического всеобщего союза к этому выводу добавлялось еще положение о том, что всякие автономии являются первой ступенью к раздроблению единой России (см.: Там же. С. 215–216).

⁴ Политические партии России (первая четверть XX в.): Справочник. М., 1993. С. 17.

⁵ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. С. 198, 200.

⁶ Там же. С. 198.

известном манифесте царя от 3 июня 1907 г., акцентируют внимание на том, что царь самолично изменил этим актом политический состав Думы в пользу правых сил (так называемый "третьеиюньский переворот"). Это правильно, но у этой акции была и другая цель. Она четко формулируется в одном из положений манифеста: "Созданная для укрепления государства Российского, Государственная дума должна быть русской по духу. Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских"¹.

Вторая модель (либералы): Наиболее полно позиция российских либералов в национальном вопросе выражена в программных документах конституционно-демократической партии, которая в либеральном политическом спектре играла ведущую роль. Кадеты считали наиболее приемлемой формой национального устройства новой России унитарное государство², в котором "помимо полной гражданской и политической равноправности всех граждан должно гарантироваться право свободного культурного самоопределения". Более того, они допускали наряду с общероссийской государственной властью и представительными структурами существование "местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребностям населения"³. Для Царства Польского и Финляндии кадетами предусматривалось особое автономное устройство с наличием собственных законодательных учреждений, но при обязательном условии их вхождения в состав Российского государства⁴.

Анализ программных документов кадетов показывает, что, оставаясь всегда последовательными государственниками, они все же понимали настроения широких масс населения национальных окраин и поэтому очень осторожно упогребляли понятие "унитаризм"⁵.

¹ Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М., 1990. С. 329.

² Как известно, в качестве формы государственного устройства новой России кадеты предлагали сначала конституционную монархию (1906–1907 гг.), а позднее президентскую республику (1917 г.).

³ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 169.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Лидеры и теоретики партии кадетов, такие, как П.Б. Струве, П.Н. Милюков, Ф.Ф. Кошкин и др., в своих научных трудах и публичных выступлениях рассматривали различные варианты решения национального вопроса в России (см.: Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Контгавр. 1993. № 2, 3). Но в своих официальных партийных программах кадеты исходили целиком из идеи унитаризма.

Представители же правого крыла российских либералов – октябристы – в этом отношении были более откровенными и прямолинейными. В своей программе они не только не побоялись в качестве исходного выдвинуть тезис о сохранении единства и нераздельности Российского государства, но и открыто отстаивали необходимость “исторически сложившегося унитарного характера... государственного строя” России, указывая при этом на то, что идея федерализма совершенно неприемлема к русскому обществу¹.

Вместе с этим октябристы, так же как и кадеты, все же исходили из признания “за отдельными национальностями самого широкого права на удовлетворение и защиту своих культурных нужд в пределах, допустимых идеей государственности и интересами других национальностей”². Они считали, что особое право на автономию принадлежит только Финляндии.

Третья модель (социалисты): позиция российских партий, выступающих за различные варианты социалистического переустройства общества, основывалась в национальном вопросе на общем для всех социалистов как в России, так и на Западе тезисе о праве наций на самоопределение. Этот тезис нельзя отнести к изначальным принципам классического марксизма, так как для К. Маркса и Ф. Энгельса, которые коммунистическое общество рассматривали в качестве постепенно формирующегося в результате мировой коммунистической революции международного сообщества наиболее развитых государств, национальный вопрос имел второстепенное значение.

Национальная проблема для социалистов выдвинулась на передний план в конце XIX в., когда социализм стал считаться непосредственной целью революционных движений в таких относительно отсталых и многонациональных государствах, как Австро-Венгрия и Россия. В 1896 г. на Лондонском конгрессе II Интернационала лозунг о праве наций на самоопределение был впервые провозглашен в качестве одного из важнейших программных положений международного коммунистического движения.

Нельзя сказать, что все социалисты однозначно приняли этот лозунг. Левые германские социал-демократы и часть польских социал-демократов вообще не считали необходимым самоопределение наций в период революционного переустройства общества. Австрийские же социал-демократы выдвинули оригинальную концепцию культурно-национальной автономии, суть которой заключалась в предоставлении национальным регионам и компактно проживающим отдельным национальностям в большом многонациональном государстве местного самоуправления в вопросах языка,

¹ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 183.

² Там же.

культуры и образования. Сторонники культурно-национальной автономии рассматривали ее не как модель для окончательного решения национального вопроса, а как промежуточную переходную форму сглаживания национальных противоречий в период глубоких социальных преобразований¹.

Русские же социалисты тезис о праве наций на самоопределение принимали целиком и включали в программы своих партий. Формулировалось в них это положение следующим образом:

Социал-демократы (Программа, принятая на 2-м съезде в июле-августе 1903 г.): "Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства"².

Эсеры (Программа, принятая на Учредительном съезде в декабре 1905 – январе 1906 г.): "Возможно более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение"³.

В дальнейшем на основе этих общих формулировок стали вырабатываться более развернутые платформы и резолюции левых партий в национальном вопросе.

У радикальной части социал-демократов (большевики) тезис о праве наций на самоопределение был конкретизирован и уточнен на Поронинском совещании ЦК РСДРП, которое состоялось в сентябре – октябре 1913 г. В резолюции этого совещания мы находим два принципиальных момента, характеризующих позицию большевиков в тот период. Во-первых, самоопределение национальностей в составе империи они дополнили тезисом об отделении и образовании отдельных самостоятельных государств, однозначно отвергая при этом концепцию культурно-национальной автономии. Во-вторых, национальное самоопределение у большевиков было связано с принципом революционной целесообразности, с тем, что вопрос об отделении "с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм"⁴. Несмотря на то, что со времени Поронинской резолюции проходит несколько лет, насыщенных крупными событиями в национальной сфере, фактически в тех же формулировках и без каких-либо существенных дополнений позиция большевиков по на-

¹ Национальный вопрос: опыт социал-демократии // Подис. 1991. № 2. С. 89–91.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 62.

³ Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 124.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. С. 446–447. Анализ цитируемого сборника приводит к интересному наблюдению: только в 1913 г., т.е. через 10 лет после основания партии большевиков, у нее впервые появилась специальная резолюция по национальному вопросу, которая была принята не на съезде или конференции, а на совещании.

циональному вопросу была изложена в специальной резолюции Апрельской конференции 1917 г.¹

Эсеры конкретизировали свою национальную программу на III съезде партии (май–июнь 1917 г.). В общей резолюции съезда был выделен специальный раздел – “Национальный вопрос”. Здесь уже отсутствовал термин “право наций на самоопределение”, и некоторую конкретизацию получили принципы автономии и федерализма, которые, по мнению эсеров, и должны были быть положены в основу национально-государственного устройства новой России. Эсеры высказывались “за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России”². В этой и некоторых других формулировках эсеровской программы обнаруживается очевидная ее преемственность с концепцией культурно-национальной автономии.

Позиция умеренных социал-демократов (меньшевики), которые в 1917 г. оформились в самостоятельную партию, была очень неопределенной. На своей Всероссийской конференции в мае 1917 г. меньшевики так и не смогли “из-за недостатка времени” принять резолюцию по национальному вопросу, проект которой содержал либо общие требования о “гарантии культурного развития для национальных меньшинств”, о “праве употребления родного языка в суде” и т.п., либо такие противоречивые термины, как “политическая автономия”³.

Таково содержание моделей национально-государственного переустройства постсамодержавной России, с которыми основные политические силы вступили в эпоху революционных событий 1917 г. Но соответствовали ли они реалиям тогдашнего российского общества?

Главным испытанием для любой доктрины или партийной программы является реальная жизнь. Именно это испытание и не выдержали в 1917 г. ведущие политические партии России.

В монархических планах сохранения единства и неделимости Российского государства просматривалось явное нежелание мириться с велением времени, с очевидными переменами в национальных условиях российского общества. Монархисты игнорировали развивающийся в течение нескольких десятилетий процесс национальной самоидентификации российских окраин, где в 1905–1907 гг. развер-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1983. С. 503–504.

² Программные документы политических партий России дооктябрьского периода. М., 1991. С. 157.

³ Там же. С. 98–99.

тивалась деятельность национальных политических партий и движений, усиливалось стремление к автономизации в различных областях общественной жизни. Конечно, эта монархическая доктрина не могла оказать какого-либо заметного влияния на ход общественного процесса в период революционных преобразований.

Либералы не далеко ушли от монархического принципа унитарной монархии. Но их унитаризм, несмотря на некоторые демократические дополнения, выглядел еще более утопичным, чем у монархистов. Если последние готовы были пойти на определенные и жесткие меры для обеспечения унитарного характера Российского государства, то либералы оставались, по сути дела, на позициях абстрактного отстаивания принципа унитаризма, поскольку не предлагали никаких практических шагов для сохранения целостности реально распадающегося государства. Не случайно кадетская национальная доктрина многими воспринималась как монархизм, замаскированный неконкретными демократическими рассуждениями об автономии.

Не ясными как до, так и после февраля 1917 г. представлялись перспективы преобразований в национально-государственной сфере и для *социалистов*. Требование федерализма как центральный пункт национального раздела программы эсеров, несмотря на многие резолюции, оставалось абстрактной формулой, так как отсутствовали ответы по меньшей мере на два принципиальных вопроса: 1) каким конкретно представляется федеративное устройство новой России: субъекты федерации, границы и т.п.?; 2) как будут распределяться права между субъектами федерации и общероссийским центром? Оба этих вопроса должны были быть хотя бы в общих чертах прояснены перед началом преобразований, а не в ходе хаотичного и противоречивого революционного процесса, на что, по-видимому, и уповали эсеры.

Не лучше обстояло дело и у большевиков. Принцип о праве наций на самоопределение был положен ими на зыбкую основу революционной целесообразности. После этого данный принцип, и так висевший в воздухе из-за отсутствия механизма его реализации, неизбежно превратился из фундаментального и долгосрочного ориентира преобразовательного процесса в инструмент повседневной практики пролетарской власти.

Таким образом, либо ни одна политическая сила, претендовавшая на власть в постсамодержавной России, вообще не знала, как нужно преобразовывать национально-государственное устройство бывшей империи, либо эти силы ориентировались на теоретические модели, противоречащие реальным условиям российского общества в начале XX в. Поэтому не случайно дальнейший ход событий показал, что российские реформаторы данного периода в такой сложнейшей и тончайшей сфере общественных отношений, как национальная жизнь, оказались не рулевыми преобразовательного

процесса, а в лучшем случае спасателями, которые в более или менее короткие сроки прибывают на место уже случившейся трагедии. В немалой степени это обуславливалось противоречиями и неясностями в концептуальной разработке национального вопроса, что в полной мере отразилось в практической деятельности новой постсамодержавной власти, которая, как известно, строилась исключительно по принципам и законам партийно-представительной демократии.

После кратковременного правления так называемого "однородного" Временного правительства в мае 1917 г. к власти пришла коалиция либералов и социалистов. Как и в других общественных сферах, в национально-государственной политике этой коалиции отличалась двумя качествами: 1) отсутствием четких ориентиров в решении преобразовательных задач (отчасти из-за этого решение многих насущных проблем откладывалось до созыва Учредительного собрания); 2) принципиальной несовместимостью партийных доктрин, которым строго следовали руководящие деятели коалиции. Отсюда отсутствие государственной воли, политика запоздалых, половинчатых решений или вообще отсутствие каких-либо практических шагов в национально-государственной сфере. Только этим можно объяснить то удивительное обстоятельство, что в двух Декларациях коалиционного Временного правительства о программе своей деятельности от 5 мая¹ и от 8 июля² даже в самом общем виде ни слова не говорилось о национальных проблемах.

А проблем этих было более чем достаточно. Уже в марте 1917 г. в ряде районов империи стали возникать общественно-политические организации, строящие свою деятельность на отстаивании национально-этнической идеи (например, Центральная Рада на Украине, Шура-и-ислам в Туркестане). Эти организации на первых порах прямо не выдвигали сепаратных требований, но стали настойчиво добиваться провозглашения автономии соответствующих территорий в составе России³. Само по себе это уже создавало новую ситуацию в национально-государственных отношениях, что требовало определенных действий со стороны властей. Но как раз либо таких действий вообще не было, либо они вызвали недовольство на национальных окраинах. Кроме того, решение многих вопросов сопровождалось острыми разногласиями и конфликтами в самом Временном правительстве. Особенно показательны в этом плане отношения Временного правительства и Центральной Рады.

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 229-230.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле. Июльский кризис. М., 1959. С. 295-297.

³ Летом и в начале осени аналогичные организации возникли в Белоруссии, Литве, Бессарабии и на других национальных окраинах бывшей Российской империи.

В начале лета Центральная Рада предприняла ряд шагов, направленных на реализацию ранее выдвинутых к Временному правительству требований о провозглашении автономии Украины. 4 июня Центральная Рада приняла специальную резолюцию, в которой говорилось о том, что в связи с фактическим отказом Временного правительства решать украинскую проблему "собрание Центральной Рады признало необходимым обратиться ко всему украинскому народу с призывом организоваться и приступить к немедленному заложению фундамента автономного строя в Украине"¹.

Это означало, что Центральная Рада решилась взять бразды правления на Украине в свои руки, мотивируя такой шаг тем, что в условиях бездействия центральной власти "стихийный рост украинского движения принимает все большие и большие размеры" и что это движение в таких условиях может развиваться "по нежелательному пути"².

Действия Центральной Рады вызвали прямую конфронтацию между представителями различных партий во Временном правительстве. Эсеры и меньшевики, которые проповедовали в национальном вопросе идеи автономизма и федерализма, пошли на уступки Центральной Раде и фактически согласились с автономией Украины. Такое решение вызвало решительный протест со стороны кадетов, которые оставались верными своей идее о единой и неделимой России. 4 июля 1917 г. министры-кадеты подали в отставку.

Созданное позже на основе новых компромиссов 3-е коалиционное правительство тем не менее не могло преодолеть главного: принципиальной разницы в понимании партиями стратегических целей и задач преобразования России.

В полной мере эти различия проявили себя в процессе разработки проектов основных законов новой России, которые должны были быть вынесены на рассмотрение Учредительного собрания. Для этой цели при Временном правительстве была создана Особая комиссия под председательством либерально настроенного профессора русского государственного права Н.И. Лазаревского.

Анализ ряда документов, разработанных данной комиссией в октябре 1917 г., показывает, что их авторы ориентировались главным образом на кадетскую доктрину в национальном вопросе. Например, в Предварительном проекте статей законов по вопросу об ав-

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. С. 460. Стихийный рост национальных движений наблюдался не только на Украине. По всей стране собирались съезды и проводились собрания, на которых обсуждались вопросы нового национально-государственного устройства. Выдвигались различные проекты. В качестве примера можно привести I съезд представителей народностей Поволжья (май 1917 г.), Съезд представителей народов и областей России (сентябрь 1917 г.) и др.

² Такое решение было принято от имени Временного правительства на переговорах с Центральной Радой 29 июня в Киеве делегацией в составе: И.Г. Церетели (меньшевик), М.И. Терещенко (беспартийный) и А.Ф. Керенский (эсер).

тономии (Федерации) допускалась только "областная автономия" при неизбежности принципа о единстве и нераздельности России¹. А в тезисах по вопросу о верхней палате предполагалось, что в будущем парламенте ее состав будет формироваться из "представителей местностей", но законодательные права и возможности этой палаты серьезно урезались и решающее слово в законодательном процессе предоставлялось нижней палате, которая избиралась от населения². Обсуждался также проект об однопалатной системе организации будущего российского парламента³.

В целом работа этой комиссии оказалась малоэффективной. Протоколы ее работы свидетельствуют о том, что всего лишь за месяц до открытия Учредительного собрания (28 ноября) не было согласовано и даже в полной мере разработано ни одного основополагающего документа о будущем государственном устройстве России. На заседаниях 17 и 20 октября все еще дебатировались ключевые проблемы: структура и состав будущего парламента, принципы национально-государственного устройства и т.д.⁴

Но дело даже не в формальной неготовности документов. Во-первых, общая политическая и идеологическая направленность документов, которые разрабатывала комиссия при Временном правительстве, явно противоречила официально объявленной установке этого же правительства в национальном вопросе⁵. Во-вторых, — и это главное — эта направленность была заведомо неприемлема для левого большинства будущего Учредительного собрания, которое неизбежно должно было образоваться и образовалось в результате всеобщих и равных выборов.

¹ Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документа. М., 1991. С. 44.

² Там же. С. 51-52.

³ Там же. С. 52-53. Удивительно, но факт: более чем за 100 лет до описываемых событий в одном из тайно созданных проектов Конституции России (Проект члена Северного общества декабристов Н.М. Муравьева) предусматривалось не только разделение Российского государства на тринадцать равноценных субъектов ("держав"), образованных в основном по национально-этническому признаку (ст.43), но и создание двухпалатного парламента, в котором обе палаты имели одинаковые права и возможности (ст. 91). Одна из палат — Верховная Дума — должна была формироваться на основе равного представительства (по три человека от каждой державы — ст.73). (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т.1. М., 1951. С. 304-305, 310, 314). Таким образом, некоторые дворянские революционеры начала XIX в. в своих концепциях преобразования России оказались более дальновидными, чем реформаторы 1917 г., которые по своему социальному положению и политическим взглядам должны были быть ближе к общественным низам и действовали в условиях неизмеримо большего обострения национальных противоречий.

⁴ Учредительное собрание. Россия. 1918. Стенограмма и другие документа. С. 39-50.

⁵ В Декларации 3-го коалиционного правительства от 25 сентября было официально объявлено о признании Временным правительством "за всеми народностями права на самоопределение" (Великая Октябрьская социалистическая революция. Документа и материалы. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общациональный кризис. М., 1961. С. 235).

Таким образом, печальный опыт Временного правительства кроме всего прочего свидетельствует о том, что умеренные российские реформаторы 1917 г. в национальной сфере, как, впрочем, и во многих других вопросах, не смогли выйти за рамки партийной догмы и построить свою политику, исходя из реальных общественных условий, с учетом настроений и чаяний широких народных масс.

Большевистское правительство, пришедшее к власти в октябре 1917 г., прекрасно понимало, что собственных партийных программ в национальном вопросе, суть которых сводилась к требованию права наций на самоопределение, явно недостаточно для решения насущных национально-государственных проблем. Тем более что после октября 1917 г. начался лавинообразный процесс отделения от большевистского центра различных районов бывшей империи, что в короткие сроки привело к полному развалу единого Российского государства на десятки самостоятельных образований.

В этих условиях Ленин и его сторонники предприняли крутой поворот в своих доктринальных и тактических установках и в первых же документах Советской власти на передний план в национальном вопросе выдвинули новую для себя идею федерализма. В данном случае большевики, как и в крестьянском вопросе, без особых колебаний пошли на прямое заимствование одного из важнейших программных положений партии эсеров.

Правда, очень скоро стало ясно, что для России идея федерализма имеет не только сильные, но и слабые стороны. Несомненно, сильной стороной ее было то, что в противоположность насильственным методам сохранения унитарного государства федерализм был более гибким и прогрессивным способом обретения нового государственного единства в условиях распада и обострения национальных противоречий. Казалось бы, что в пользу федерализма свидетельствовал уже достаточно большой опыт федеративных отношений, который был накоплен в мире в XIX в.

Но основная практическая проблема в том-то и заключалась, что мировая практика формирования и функционирования федеративных общественных систем не подходила к реальным условиям России.

В начале XX в. существовали два явно выраженных типа федеративных государств. Во-первых, государства, формировавшиеся в процессе интенсивной колонизации европейцами малозаселенных территорий (США, Канада, Австралия). В ходе этой колонизации представители различных европейских наций, сохраняя некоторые черты национальной культуры, тем не менее попадали в некий "плавильный котел", из которого выходила новая единая нация. В этом случае формировавшиеся федеративные государства представляло собой союз территорий, разделение которых не имело национально-этнической основы. К данному типу можно отнести и федерации, которые возникали в XIX в. в Латинской Америке (Арген-

тина, Бразилия). Население этих государств сформировалось в XVII-XVIII вв. в результате смешения испанцев и португальцев с аборигенами и завезенными сюда африканскими неграми. Вторых, федеративные государства, образовавшиеся в результате объединения территорий с различным национально-этническим составом населения, но находящимся на примерно одинаковом социально-экономическом и культурном уровне развития (Швейцария)¹.

Не трудно заметить, что Россия не относилась ни к одному из двух исторически сложившихся типов, поскольку представляла собой национально-государственное образование, сформировавшееся путем объединения вокруг Московского государственного центра территорий и наций не только сохраняющих свою национальную идентичность, но и находящихся на качественно разных уровнях цивилизационного развития.

В связи с этим, обращаясь к идее федерации как к основному принципу построения нового социалистического государства на территории бывшей Российской империи, большевики столкнулись со сложной практической проблемой: каковы пути, механизмы и формы реализации федеративной идеи в специфических и уникально своеобразных условиях России? Судя по всему, этот вопрос оказался камнем преткновения и для эсеров, в программах которых идея федерализма имела в большей степени абстрактно-декларативное, чем практическое звучание. Но у них это было недостатком теории. У большевиков после октября 1917 г. данная проблема получила сугубо практический характер. Не случайно первоначальные этапы большевистской политики в национально-государственной сфере явились не чем иным, как путем "проб и ошибок".

Об этом прежде всего свидетельствуют первые законодательные акты Советской власти. Так, содержащаяся в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.) фундаментальное положение о том, что "Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как Федерация советских национальных республик"², вызвало много сложных практических вопросов. Например, таких: о каких конкретно "свободных нациях" или "советских национальных республиках" идет речь? Предполагается ли, что этот новый "свободный союз"

¹ В XIX в. в мире образовалось несколько новых федеративных государств - Австрия, Бельгия, Германия, Индия, Малайзия, Пакистан и др., но и они в целом соответствовали именно этим типам. И только "социалистические федерации" - СССР и Югославия не уместались в рамки такой типологии, ибо только в этих государственных образованиях в течение нескольких десятилетий могли сосуществовать такие несовместимые по многим параметрам национальные субъекты, как Словения и Черногория в Югославии или Эстония и Таджикистан в СССР. Более подробно об исторических корнях федеративных государств см.: Элейзер Д. Дж. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106-115.

² Образование и развитие СССР как союзного государства: Сборник законодательных и других нормативных актов. М., 1972. С. 9.

территориально будет совпадать с бывшей Российской империей или одновременно с объединением будет идти и процесс самоопределения наций? И наконец, каковы механизмы и этапы этого "свободного объединения" наций, формирования советской федерации?

Данные вопросы не были сняты с повестки дня и в первой Советской Конституции (июль 1918 г.). Хотя в этом Основном Законе нового государственного строя понятие "федеративный" было включено в название нового государства – "Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика"¹, в нем отсутствовал перечень субъектов федерации, а значит, не был определен такой ключевой вопрос, как территориально-географическое пространство всей федерации, в самом общем виде говорилось об основных параметрах федеративных отношений, о распределении компетенции между центром и субъектами в решении политических и экономических задач².

Можно сделать вывод о том, что новые власти ни теоретически, ни практически оказались не готовы предложить конкретные и реальные проекты нового федеративного устройства в условиях фактически распавшейся Российской империи. И первые государственные акты большевиков свидетельствовали, что они вынуждены были занять выжидательную позицию в национальном вопросе. Только в 1922 г., после окончания гражданской войны и прихода к власти в национальных окраинах пробольшевистских сил, удалось вернуться к вопросу о федерации. Но созданная в декабре 1922 г. Союзная Федерация скоро превратилась в унитарное государство с жесткими централизованными механизмами политической и экономической жизни.

С огромным потрясающим сходством центробежные процессы в национально-государственной сфере теперь уже в рамках нового государства, созданного большевиками на территории бывшей Российской империи – Советского Союза – повторяются через семь десятилетий в конце 80-х – начале 90-х гг.³ Данная повторяемость проявляется в различных аспектах.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что оба процесса распада государства имеют две фазы. Во время первой фазы наблюдаются лишь отдельные сепаратистские тенденции и явления, как правило, умеренные и скрытые. Потом происходит крупное, революционное по своему характеру событие, которое как бы выполняет роль детонатора политических изменений, после чего начинается стремительный и лавинообразный распад многонационального государства. Из проведенного выше анализа процессов в на-

¹ Там же. С. 14, 16 и др.

² Там же. С. 19–26.

³ Богатый исторический и документальный материал, подтверждающий данный вывод можно найти в издании: Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.

ционально-государственной сфере в начале XX в. не трудно заметить, что в качестве первой фазы выделяется период с марта по октябрь 1917 г., детонатором процесса становится большевистская революция, после которой Российская империя распадается на десятки автономных политических образований.

В современный период отечественной истории первые признаки негативных, центробежных тенденций проявляются уже в первые годы горбачевской перестройки. В декабре 1985 г. крупный конфликт с национальной подоплекой происходит в Алма-Ате (Казахстан), где студенты и молодежь организуют демонстрацию протеста против назначения после смерти Д.А. Кунаева на пост первого секретаря республиканского ЦК русского функционера, присланного из центра. На следующий год первые столкновения между армянами и азербайджанцами происходят в Карабахе, в которых каждая из сторон отстаивала свое право на эту автономную республику, входящую в состав Азербайджана. В апреле 1989 г. массовая демонстрация происходит в столице Грузии — Тбилиси. Основное требование демонстрантов — предоставление больших гражданских свобод, в том числе большей самостоятельности республикам. Все данные выступления населения национальных республик удается подавить только с применением силы. В 1989 г. проблема межнациональных и межгосударственных отношений серьезно обостряется после прихода к власти в Прибалтийских республиках националистически настроенных Народных фронтов (или движений), которые сразу же проводят через республиканские Верховные Советы Декларации о суверенитете, в которых провозглашается верховенство республиканских законов над союзными. Вскоре аналогичные Декларации принимают Азербайджан, РСФСР и Молдавия¹.

Мощным детонатором национальных процессов стал неудавшийся путч 19–21 августа 1991 г. Этот путч привел к дискредитации союзного руководства, к подрыву общесоюзных партийных и силовых структур, в значительной степени обеспечивающих целостность государства. В этих условиях сохраняющий еще определенную власть Президент СССР М.С. Горбачев предпринимает ряд противоречивых политических шагов: с одной стороны, официально признаются Прибалтийские республики, ликвидируется большинство союзных министерств, закрываются глаза на самостоятельные действия России и других республик в ключевых сферах политической и экономической жизни; с другой — проводятся регулярные встречи руководителей республик, на которых рассматриваются различные варианты сохранения единого государства².

¹ Там же. С. 30.

² См.: Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 96–97.

Решающую роль в ускорении распада СССР сыграло то объективное обстоятельство, что дальнейшее существование Союза стало противоречить экономическим интересам России. В октябре 1991 г. Б.Н. Ельцин после некоторых колебаний объявил на V съезде народных депутатов РСФСР о начале экономической реформы по либеральному (“шоковому”) варианту. Реализация этого варианта была возможна только при полном контроле финансовой и денежной системы, а значит, в четко фиксированном, локализованном экономическом пространстве России, обособленном от других советских республик, которые также встали на путь самостоятельного экономического развития, но решили играть по существенно иным правилам¹. Последний мощный толчок распаду СССР пришел (как и в 1917–1918 гг.) с Украины. 1 декабря 1991 г. на референдуме 70% украинских избирателей проголосовало за полную независимость Украины². После этого распад СССР становится неизбежным, что фактически происходит 8 декабря 1991 г. в Белоруссии, где лидеры России, Украины, Белоруссии подписывают Соглашение, в котором констатируется, что “Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование”³.

Вопрос о причинах распада СССР в начале 90-х гг. с тех пор неизменно находится в центре научных и политических дискуссий. В. Согрин так формулирует одну из наиболее распространенных позиций: “Признавая значение субъективных факторов, просчетов и амбиций тех или иных лидеров в процессе распада СССР, нельзя сбрасывать со счетов объективные его причины. Одна из них по своему характеру универсальная: мировой опыт свидетельствует, что многонациональные государственные образования, подобные СССР, рано или поздно разрушались, рок распада висел над теми из них, которые управлялись “железной рукой”, и над теми, в которых использовались либеральные методы...”. То, что произошло в начале 1990-х гг. в СССР, можно рассматривать как реванш, взятый историей у революционно-интернациональной политической партии, и как свидетельство того, что “обвал Российской империи в 1917 г. отнюдь не был случайностью”⁴. В. Согрин объясняет распад СССР некими общемировыми тенденциями и закономерностями развития империй. Такое обобщение вполне правомерно, поскольку подтверждается богатым историческим опы-

¹ См.: *Май В.А.* Экономика и политика. Политическая история экономической реформы в России. 1985–1994 гг. М., 1995. С. 42–45.

² См.: *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. С. 97.

³ Современный политический процесс в России: Учебно-справочное пособие. Ч. 1. С. 95.

⁴ *Согрин В.* Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. С. 100–101.

том. Но все же его недостаточно для полной интерпретации российских процессов. И прежде чем искать ответ на вопрос: "Почему всегда распадались империи?" — надо понять, в силу каких объективных причин и факторов эти, как правило, огромные и внутренние противоречивые государственные системы могли существовать в течение длительного времени (иногда несколько веков).

Эту относительную устойчивость империй можно объяснить только одним предположением: они имели мощные объединительные факторы, скрепы, которые на протяжении длительного времени создавали центростремительную силу внутри этих систем.

Сравнительное изучение истории различных империй показывает, что такими факторами выступали, во-первых, взаимные социально-экономические или геополитические интересы государственного ядра и периферии в совместном развитии и, во-вторых, авторитарная государственная власть в империи, которая позволяла жестко и быстро подавлять любые, в том числе и националистические, выступления против существующего государственного порядка.

Действие данных факторов совершенно определенно просматривается и в процессе формирования Российской империи. Разумеется, нельзя отрицать того, что расширение географического пространства Российского государства происходило с применением вооруженной силы и путем завоевания относительно самостоятельных территорий. Но зачастую важнейшим фактором было не насилие, а фактическое совпадение интересов, что не только обуславливало стремление России к овладению определенными периферийными районами, особенно теми, которые обеспечивали выход к морям и сырьевым запасам, но и толкало эти народы под патронаж России¹. Например, в конце XVIII — начале XIX в. совпали военно-стратегические интересы России и государств Закавказья. Православные Грузия и Армения, оказавшись зажатыми между Россией и мусульманской Турцией, разумеется, предпочли покровительство России взамен своей государственной независимости. Россия же в свою очередь заметно укрепляла собственные позиции на северном побережье Черного моря в противостоянии с той же Турцией и другими мусульманскими странами этого региона.

Совпадение интересов России и других государств произошло в XIX в. и в Средней Азии. России необходимо было присоединение этого региона как по причинам военно-стратегическим (необходимость отодвинуть южные рубежи России дальше от срединных районов империи в обстановке усиления влияния в этом регионе мира Англии), так и экономическим (новые залежи полезных ископаемых и сырья, запасы продовольствия и т.д.). Но и народы этого

¹ Многочисленные подтверждения этому выводу можно найти в издании: Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992.

региона, находящегося на весьма низкой ступени социально-экономического и культурного развития, видели совершенно очевидные преимущества от патронажа могучей и относительно развитой в экономическом отношении России. И подобные надежды очень скоро оправдались, ибо именно Россия принесла населению этого региона такие плоды цивилизации, как система здравоохранения и образования, с помощью русского языка приобщила его к мировым достижениям науки и культуры, способствовала достаточно быстрому и заметному повышению уровня жизни населения.

Проявлялось объединительное действие и другого фактора — авторитарной власти самодержавного российского монарха. В начале XIX в. в Российской империи окончательно сложился государственный режим, который создал в кадровом и идеологическом отношении ориентированные преимущественно на славянско-православный этнос военно-административную и правоохранительную системы и который оказался способным на протяжении многих десятилетий эффективно нейтрализовать и сглаживать национальные противоречия, своевременно пресекать различные проявления национализма.

Именно действие двух указанных выше факторов и стало в XVIII—XIX вв. объективной основой и движущей силой объединительного процесса на территории евроазиатского субконтинента, что в конечном итоге и привело к образованию Российской империи и к сохранению на протяжении длительного времени ее целостности. Вообще, исторический опыт свидетельствует, что стабильность и целостность Российского государства как имперской полиэтнической системы находились всегда в прямо пропорциональной зависимости от действия вышеуказанных факторов. Как только сила и значимость этих факторов начинали по объективным причинам ослабевать, так сразу же происходила дестабилизация национально-государственных отношений, набирали силу тенденции, ослабляющие и разрушающие целостность единого Российского государства.

Особенно заметно данные тенденции проявились в конце XIX—начале XX в., так как именно к этому времени произошло заметное ослабление сдерживающих, объединительных факторов.

В результате кардинальных перемен в мировой геополитической ситуации в конце XIX в. (фактический крах Османской империи, создание военно-политического блока России, Англии и Франции и т.д.) отпала жесткая необходимость военно-политического патронажа России над рядом национальных окраин. Одновременно с этим неизмеримо возрос экономический и социокультурный уровень многих окраинных регионов, что способствовало стремлению к более самостоятельному развитию. Изменился и этнический состав населения империи в сторону увеличения доли представителей нерусских национальностей. За три

последних десятилетия XIX в. эта доля увеличилась на 7,5%. К концу века русские (включая малороссов и белоруссов) стали составлять только 65% от общего населения России¹.

В начале XX в. произошло также существенное ослабление авторитарной системы власти. В соответствии с рядом царских манифестов 1905–1906 гг. в России был создан представительный орган – Государственная дума, легализовалась политическая оппозиция, образовалась многопартийная система. В этих условиях в стране, особенно на окраинах, появились и фактически открыто начали действовать общественно-политические движения, проповедующие идеи национальной автономии, самостоятельности в различных областях общественной жизни.

Таким образом, и здесь мы обнаруживаем действие закона прямо пропорциональной зависимости силы объективных скрепляющих факторов и целостности российской имперской системы. Теперь только наблюдался обратный эффект: ослабление объединительных факторов в начале XX в. неизбежно привело к постепенному нарушению единства и целостности российского общества. Мировая война и революционные события 1914–1917 гг. заметно ускорили этот процесс.

Но здесь перед нами встает другой, не менее важный вопрос: почему в конце 1918 – начале 1919 г. произошел поворот в развитии разрушительных тенденций и началось постепенное объединение распавшегося государства?

Как отмечалось выше, сохранение унитарного Российского государства в том виде, каким оно сформировалось к началу XX в., по объективным причинам было уже невозможно. Но и цепная реакция распада и дробления бывшей империи в 1917 – 1918 гг. являлась другой крайностью. Государственную самостоятельность в результате этого распада получили не только те территории, которые ее когда-то имели, но и те, которые никогда ее не имели и год-два до этого о такой самостоятельности даже и не помышляли. Такой распад противоречил реальным интересам народов, которые населяли бывшую империю, затруднял и даже делал невозможным нормальную хозяйственную жизнь.

Поэтому, признавая объективный характер процесса ослабления взаимного социально-экономического и геополитического интереса как материального фактора обеспечения единства и целостности Российской империи в начале XX в., нельзя вместе с тем не понимать, что этот интерес на данном историческом этапе еще не исчерпал себя полностью и продолжал сохранять свой пусть и ослабленный потенциал. Ведь в течение многих десятилетий на ог-

¹ Подсчитано по: Энциклопедический словарь. Россия. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Спб., 1898. С. 86; Малый энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. Т. 4. Спб., 1909. С. 1244–1246.

ромном евроазиатском пространстве формировался единый хозяйственный организм с общей транспортной системой, с общественным, разделением труда и кооперацией производства; национальные окраины продолжали еще нуждаться в технической и кадровой помощи со стороны России и т.д. Именно это и стало объективной базой для нового объединения Российского государства, которое осуществили большевики в 1921–1922 гг.

Для этого объединения в тех условиях существовал и еще один фактор. В процессе большевизации бывших национальных окраин в независимых государствах стали устанавливаться однотипные социально-политические режимы коммунистической ориентации. В соответствии с марксистской доктриной, которую проповедовали лидеры этих режимов, коммунизм рассматривался как общемировой процесс, неизбежно приводящий к образованию мирового коммунистического сообщества. В рамках этой логики существование независимых коммунистических государств, которые совсем недавно являлись частями единой империи, представлялось нецелесообразным и даже противоестественным.

Так, в новых условиях на российском национально-государственном пространстве возникло новое равновесие центростремительных и центробежных сил. Но это равновесие было вызвано уже другими, чем в XVIII–XIX вв., условиями и обстоятельствами и поэтому требовало новых форм государственного единства и целостности. Как бы сама жизнь поставила перед большевиками задачу поиска между крайностями унитаризма и распада новых уникальных моделей национально-государственного устройства России. Решение этой задачи они пытались найти в идее федерализма. Но, к сожалению, такие попытки оказались неудачными.

В конечном итоге произошел возврат к новому унитаризму, и объективно назревшая проблема изменения формы национально-государственного единства России искусственно затушевывалась и на несколько десятилетий была загнана вглубь. Новое унитарное государство, возрожденное на основе еще не исчерпанного взаимного интереса центра и окраин, получило вторую важную скрепу – авторитарный коммунистический режим.

Нечего удивляться и тому, что в конце 80-х – начале 90-х годов старая проблема вырвалась наружу и привела к еще более разрушительным, чем в начале века, последствиям для единства Российского государства.

Таким образом, политическая демократизация российского общества в двух важнейших его сферах – в системе государственной управления и в сфере национально-государственного устройства – дважды в XX в. приводила к негативным, разрушительным результатам.

Какой же выход из сложившейся критической ситуации находило российское общество (а вместе с ним и российские реформаторы)? Таким выходом становилась *сильная централизованная власть*.

Следует заметить, что такая метаморфоза демократического процесса, фактически альтернатива этого процесса, рождалась внутри него самого. Под давлением объективного хода событий шел болезненный процесс переориентации и перерождения демократических лидеров и настроений в обществе в целом.

Подтвердим данный вывод анализом конкретных исторических фактов. Сначала 1917 год.

После июльских событий идея о необходимости сильной исполнительной власти в России становится центральной темой политических дискуссий. Так, 19 июля Временный комитет Государственной думы, обращаясь к Временному правительству, в открытой форме ставит вопрос о том, что стране нужна "твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга"¹. В самом конце июля с требованием к Временному правительству стать "сильной и независимой властью" выступил Девятый съезд Партии народной свободы².

К аналогичному выводу склоняются в этот период и лидеры умеренных социалистов, входящих в правительственную коалицию. Н.Д. Авксентьев (лидер эсеров) 13 июля призывал: "Мы не можем медлить с самыми решительными мерами и должны определенно продиктовать свою волю... Довольно дискуссий... Мы должны провести в жизнь диктатуру революционной демократии"³. Ю.О. Мартов (лидер меньшевиков) необходимость диктатуры излагал в виде лаконичной формулы: "Временная политическая диктатура или полнота власти всех демократических слоев буржуазного общества является неизбежной фазой развития всякого глубокого переворота, преобразующего сословно-полицейское государство в современно-буржуазное"⁴.

Что касается большевиков, то для них идея сильной власти (диктатура пролетариата) уже с апреля 1917 г. является практической задачей. VI съезд партии (конец июля – начало августа) прямо призвал к непосредственной подготовке к вооруженному восстанию "для взятия государственной власти в свои руки"⁵. Какова политическая цель этого восстания и какую форму приобретет новая власть – прямо вытекало из марксистской доктрины, которую проповедовали большевики, – установление пролетарской диктатуры.

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России 1917 г. Июльский кризис. С. 318.

² Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 380.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же.

⁵ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 256–257.

Тема “сильной власти” стала главной и на Государственном совещании в Москве, проходившем 12–15 августа 1917 г. На этом совещании выступило около 80 человек, и более половины из них прямо говорили о необходимости установления в России сильной исполнительной власти. Обнаружилось между тем два понимания такой власти. Одни отстаивали уже известное мнение о том, что этой сильной властью должно стать правительство Керенского путем придания ему дополнительных и даже неограниченных функций и полномочий. Другие в несколько завуалированной форме высказывались за передачу этой власти в руки военных, имея в виду прежде всего главнокомандующего русской армией Л.Г.Корнилова. Надо отметить, что впервые эта мысль прозвучала накануне Государственного совещания в резолюции Московского совещания общественных деятелей. В этой резолюции говорилось о том, что необходимо правительство, которое “решительно порвет со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов, Советов и других подобных организаций”¹. Поскольку в то время мало кто еще верил, что Керенский способен на такой шаг, то в данной резолюции совершенно очевидно просматривалось предпочтение другим силам.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что после июльских событий практически все влиятельные политические силы видели выход из сложившегося критического положения в усилении исполнительной власти, придания ей неограниченных, диктаторских полномочий. Можно предположить, что мало кто в то время задумывался над природой этой ситуации. Все исходило из реального опыта и эмпирического вывода о том, что созданная после крушения монархии демократическая коалиционная исполнительная власть и построенная снизу доверху система представительных органов в виде Советов не работает, она не способна решить ни одну из наболевших общественных проблем и даже усугубляет своими действиями катастрофическую ситуацию в стране. Таким образом, постсамодержавные структуры оказались как бы неадекватными политической ситуации, явились неэффективной государственной формой переходного периода.

Один из исследователей данной проблемы, М.М. Горинов, акцентирует внимание на экономической подоплеке этой ситуации. Он считает, что вследствие “слабости национальной буржуазии роль лидера-локомотива, тянущего общество по капиталистическим рельсам”, стала выполнять “этакратия” (государственные деятели, не являющиеся сами буржуа), которая выполняла эту роль нерешительно и непоследовательно. Отсюда конфликты, со-

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционная ситуация в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 362.

циальная напряженность и т.д. В этих условиях, по мнению М.М. Горинова, решить проблемы России мог только жесткий авторитарный режим, диктаторское "государство развития", нацеленное на десятилетия социально-экономических реформ¹.

Думается, что экономика и политика в постсамодержавном процессе 1917 г. сплелись в единый клубок. Россия одновременно нуждалась как в политическом, так и в экономическом обновлении. Но оказалось, что без сильного государственного регулятора как механизма, одновременно и стимулирующего и сдерживающего переходный процесс, невозможно было, с одной стороны, сразу, непосредственно перейти от монархического режима к демократической системе власти, а с другой — провести неотложные социально-экономические преобразования в стране.

Именно поэтому в период с августа по октябрь 1917 г. различные политические силы переходят от дискуссий о диктатуре к реальным действиям. Так, получив в начале июля "неограниченные полномочия" от Советов, на путь усидения своей власти становится Временное правительство. Принимается целый ряд законов и постановлений, которые сам Керенский назвал "железными". 12 июля Временное правительство объявляет о введении смертной казни на фронте и об учреждении "военно-революционных судов". В соответствии с этой мерой избранные по жребию три офицера и три солдата могли принимать любые карательные решения вплоть до смертной казни. Эти приговоры немедленно вступали в силу и приводились в исполнение². 13 июля закрывается государственная граница³. В этот же день вводятся ограничения свободы печати, по которым без суда могли закрываться любые газеты и редакторы привлекаться к судебной ответственности⁴. 21 июля министр внутренних дел И.Г. Церетели отправляет на места специальный циркуляр, в котором содержатся такие слова: "За попытки проводить какие бы то ни было противоречащие политике Временного правительства течения, а тем более за содействие и попустительство захватам и самочинным действиям каких-либо групп и контрреволюционным начинаниям я буду предавать виновных в том комиссаров суду. Нет места колебаниям и разрозненным действиям; спасти страну от распада может только сильная объединенная власть"⁵. И наконец, постановлением от 2 августа комиссарам на местах давалось исключительное право без суда принимать решение "о заключении под стражу лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства, внутренней его безопас-

¹ Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 154.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. С. 300-301.

³ Там же. С. 304.

⁴ Там же. С. 300.

⁵ Там же. С. 319-320.

ности и завоеванной революцией свободой¹. Еще до этого, 28 июля, постановлением Временного правительства министрам военному и внутренних дел дается право запрещать собрания и съезды². Ряд аналогичных мер предпринимается Временным правительством и во второй половине августа.

Одновременно с этим происходит и другой процесс. Все более громко и открыто свои претензии на власть начинают предъявлять военные, которые на передний план выдвигают генерала Л.Г. Корнилова. Еще до Государственного совещания Л.Г. Корнилов представил во Временное правительство согласованную с Б.В. Савинковым записку, в которой излагалась программа выхода России из кризиса в условиях войны с Германией. Эта программа предусматривала создание "армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников", т.е. подчинение военной дисциплине основных видов общественной деятельности³, а также введения смертной казни в тылу⁴.

В 20-х числах августа между Корниловым и Керенским (напрямую и через посредников) велись интенсивные переговоры, на которых на первых порах реально вырисовывалась перспектива компромисса, предполагавшего уступки с обеих сторон. Уступки со стороны Керенского Корнилов сформулировал следующим образом: "1) передать всю власть военную и гражданскую в руки верховного главнокомандующего и 2) отставка всех нынешних министров, не исключая и министра-председателя..."⁵. В дальнейшем при организации нового государственного порядка Корнилов допускал установление как единоличной, так и коллективной диктатуры в зависимости от обстоятельств⁶. Со своей же стороны Корнилов обязывался не порывать полностью с демократическим лагерем и предлагал ввести в новое правительство представителей этого лагеря, в частности Керенского и Савинкова.

Как известно, такому компромиссу не суждено было воплотиться в действительность. Наоборот, события стали развиваться по пути открытой конфронтации сторон, что в исторической литературе получило название "корниловский мятеж". Почему же не смогли дого-

¹ Там же. С. 329-330.

² Там же. С. 326.

³ Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. С. 166.

⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 422, 626 (примеч. № 215). Необходимо отметить, что данные предложения Корнилова, вызвавшие бурю негодования в демократическом лагере в августе 1917 г., через два-три месяца были реализованы большевиками, но уже в гораздо более жестких формах и громадных масштабах.

⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. С. 423, 441.

⁶ Там же. С. 450.

вориться Керенский и Корнилов? Этот вопрос еще ждет своих исследователей¹. Но совершенно ясно одно: именно конфликт между Керенским и Корниловым предопределил трагический финал послефевральской демократии. Примечательны в этой связи слова В.А. Маклакова о корниловском мятеже: "Это больше, чем преступление. Это ошибка"².

Причем это была ошибка не только Корнилова, но и Керенского. Компромисс этих сил (на какой основе и на каких условиях – это другой вопрос) еще давал в той ситуации шанс создать новую более эффективную структуру власти. Вне этого компромисса возможности такой власти были очень призрачны.

После разгрома корниловских частей Керенский предпринимает отчаянную попытку стабилизировать положение. Создается Директория как прообраз сильного и независимого правительства. Но образование это изначально мыслится как временное, переходное. Вне коалиции Керенский по-прежнему не видит перспективы.

Дело в том, что кроме серьезных политических ошибок, которые допустил Керенский в июле-августе, было и еще одно обстоятельство, изначально не позволявшее ему организовать сильную государственную власть. Этим обстоятельством была догматическая вера в святость и всемогущество демократии. Керенский как бы попал в "доктринальную ловушку": догмы революционной демократии не позволяли ему – представителю демократического лагеря – стать диктатором России. Этим революционно-романтическим вирусом были заражены многие деятели умеренных социалистических партий, которые много говорили о необходимости сильной власти, диктатуре, но мало что делали на практике.

Размышляя в эмиграции над причинами поражения демократии, один из ее лидеров, И.Г. Церетели, был вынужден сделать следующее признание (1929 г.): "...Была одна проблема, которая требовала решения в первую очередь и практическое разрешение которой оказалось не под силу революционной демократии. Это была проблема государства, проблема создания твердой власти, опирающейся на демократические настроения массы и способной защитить завоевания революции не только от угрозы реакции, но и от атак левого максималистского меньшинства"³.

Лидеры большевиков оказались в этой ситуации в лучшем положении. Проповедуя диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, они не испытывали сомнений и противоречий ни в трактовке доктрины, ни при ее практическом воплощении.

¹ Новые и интересные материалы по этому вопросу см.: Штурман Д. У края бездны. Корниловский мятеж глазами историков и современников // Новый мир. 1993. № 7. С. 219–227.

² История. Еженедельное приложение к газете "Первое сентября". 1994. № 43. С. 1.

³ Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 415.

Таким образом, если подвести итоги анализа политического процесса в России во второй половине 1917 г., то можно сделать вывод о том, что предпринимались попытки установления диктатуры по меньшей мере в трех вариантах:

Первый. Диктатура военных и верхушки буржуазии (с поддержкой кадетов) и при участии некоторых представителей демократического лагеря.¹ Попытка установить такую диктатуру предпринял генерал Корнилов в конце августа. Достаточно быстро поражение этих сил было обусловлено полным отрывом их от Советов, что в тех условиях делало нежизнеспособной любую политическую силу.

Второй. Диктатура Керенского как представителя демократического лагеря ("демократическая диктатура"), имеющего хорошие контакты и влияние среди определенных буржуазных кругов и военных. Эта диктатура не состоялась, поскольку к этому оказался не готов прежде всего сам Керенский.

Третий. Диктатура большевиков под прикрытием марксистского доктринального положения о диктатуре пролетариата как государственной форме перехода к социализму. Именно этот вариант диктатуры и реализовался на практике.

Возникает вопрос: существовала ли вообще в России в 1917 г. какая-то гипотетическая альтернатива большевистской диктатуре? Спор на эту тему ведется уже давно. Прежде всего различаются как бы два варианта, типа этой альтернативы: демократическая альтернатива большевикам и альтернатива в виде другой диктатуры. Что касается первого варианта, то он активно обсуждался и обсуждается в различных дискуссиях. И всегда находятся как сторонники, так и противники признания "демократической альтернативы". Сторонники данной идеи были и на первой свободной дискуссии по проблемам 1917 г., состоявшейся в октябре 1988 г.¹ и на дискуссии 1993 г., где эта тема обсуждалась уже более активно. Один из ее участников, Л.Г.Протасов, высказал твердое убеждение, что есть основания "видеть в Учредительном собрании несостоявшуюся демократическую альтернативу большевистскому режиму"². Расчет здесь строится на том, что у социалистов (без большевиков) на Учредительном собрании было большинство мест.

Данный вывод вызывает серьезные сомнения. Власть социалистического большинства Учредительного собрания – это власть эсеров и меньшевиков. Спрашивается: что мешало им взять под контроль ситуацию в стране, когда на протяжении шести месяцев эта власть (в несколько иной форме) им уже принадлежала? Вообще в рассуждениях о возможности "демократической альтернативы" обнаруживается не столько опора на факты и реалии, сколько надежда на то, что история не могла не оставить для России шанс на

¹ Россия. 1917 год. Выбор исторического пути. М., 1989. С. 63, 102–103, 117.

² Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 134.

более цивилизованный, чем большевистский, выход из катастрофической ситуации 1917 г.

К сожалению, необходимо констатировать, что в 1917 г. Россия могла спасти не “демократическая альтернатива” или какая-то разновидность коллегиально-демократической власти, а только та или иная разновидность диктатуры.

Такая сильная власть была необходима не только для того, чтобы наладить управление политической и хозяйственной жизнью в условиях разрухи, но и для того, чтобы остановить процесс распада самого государства на отдельные, политически независимые друг от друга части. Решая эти вопросы, большевики попали в сложную ситуацию: с одной стороны, рост национального самосознания окраин бывшей империи не позволял сразу объявить строительство нового унитарного государства, а с другой — провозглашенная ими более демократическая форма национально-государственного устройства — федерация также повисала в воздухе, так как никто не знал, как в условиях России можно создать федеративное государство. Жизнь решила и эту проблему. Начиная с 1922 г. происходит постепенный процесс унитаризации нового социалистического государства.

В любом случае история однозначно свидетельствует о том, что остановить прогрессирующий развал экономики, “собрать” распавшуюся империю стало возможно в 1919–1922 гг. не на демократической основе, а при помощи сильной диктаторской власти.

События в СССР к концу 80-х — началу 90-х гг. на новой исторической основе возрождают и эту тенденцию. Начинает проявлять себя специфическая и даже парадоксальная особенность процесса демократизации политической жизни: по мере возрастания роли представительных органов власти в принятии важнейших государственных решений (Съезда народных депутатов и Верховного Совета, избранных в 1989 г. на относительно свободных выборах), происходящего в условиях постепенного ослабления диктатора КПСС, под давлением конкретных и объективных обстоятельств политического и экономического развития страны усиливается исполнительная власть (Президент СССР и Правительство СССР). Эта тенденция явно нарастает в последний период существования союзного государства, когда вопрос о предоставлении дополнительных полномочий Горбачеву становится постоянным пунктом в повестке дня Съездов народных депутатов и заседаний Верховного Совета СССР. С еще большей силой действие данной тенденции обнаруживается в российском политическом процессе.

В развитии данной тенденции можно выделить несколько стадий. Первая — это учреждение поста Президента России и избрание на эту должность в 1991 г. Б.Н. Ельцина. Сама по себе эта акция проводилась по аналогии со структурами власти союзного центра, но одной из ее очевидных целей было укрепление не только испол-

нительной, но и всей государственной власти в России в условиях нарастающего противоборства с союзным центром. К этой же фазе следует отнести и первые месяцы функционирования президентской власти в России, когда реальные проблемы общественной жизни заставляли высшие представительные органы решать вопрос о предоставлении дополнительных полномочий Президенту России. Вторая фаза – это противостояние Ельцина и Верховного Совета (Съезда народных депутатов), логика и ориентиры которого привели не к оптимальному распределению полномочий между данными ветвями власти, а, наоборот, к победе одной (Президента) над другой. И наконец, третья фаза наступает после декабря 1993 г., когда в новой российской конституции уже законодательно закрепляется положение, в соответствии с которым Президент обладает значительно большими правами и полномочиями, чем представительная власть (Федеральное Собрание) и получает реальные властные рычаги влияния не только на исполнительную, но и на законодательную сферу государственной жизни.

Приведенные выше наблюдения и выводы имеют эмпирический характер и знакомы любому исследователю и просто наблюдателю современного политического процесса в России. Но в отличие от начала XIX в. в арсенале аналитиков сейчас есть целый ряд научных методов изучения политической жизни, и в частности такой, как исследование общественного мнения по различным аспектам, которое при сопоставлении различных методик может дать достаточно достоверную картину многих скрытых линий развития политического процесса.

Возьмем, например, итоги опросов, которые регулярно проводит Фонд “Общественное мнение”. Так, на вопрос (начало 1995 г.): “Как следовало проводить перестройку?” – 27% респондентов ответили: “Не разрушая социалистического строя”, а 18% предпочли ответ: “Решительно развивая рыночные отношения в экономике, но не торопясь с введением демократии”¹, т.е. 45% из опрошенного населения России считают демократизацию советского общества неправильной акцией. В более конкретизированном виде та же общественная позиция набирает еще больше сторонников. Перед респондентами было поставлено два вопроса, на каждый из которых можно было дать только по одному ответу – “да” или “нет”: “Хотели бы Вы, чтобы вернулась жизнь, какой она была при Л. Брежнев?” и “Хотели бы Вы, чтобы вернулась жизнь, какой она стала при М. Горбачеве?” Суммарно утвердительно (“да” и “скорее да”) на первый вопрос (“При Брежнев”) ответили – 55%, на второй (“При М. Горбачеве”) лишь 10%². А что, по мне-

¹ Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 59.

² Общая газета. 1995. № 17. 27 апреля – 3 мая. С. 8.

нию российского населения, нужно было делать на самом деле? Для получения ответа на данный вопрос при проведении опроса Фондом "Общественное мнение" акцентировалось внимание респондентов на наиболее болезненных экономических проблемах. И сам вопрос был сформулирован следующим образом: "Являетесь ли Вы сторонником введения режима "жесткой руки" в экономических целях?". Зимой 1995 г. утвердительно на этот вопрос ответили 55%¹. Причем сторонники "жесткой руки" представляют самые различные, даже полярные политические силы. Так, за "введение режима "жесткой руки" для защиты и поддержки частного сектора" высказываются 34% респондентов, а для защиты государственного сектора экономики — 49%². Разумеется, что сама формулировка "режим жесткой руки" является достаточно неопределенной, в связи с чем разными респондентами в нее может вкладываться разное содержание. Поэтому интересны ответы на вопрос, в котором данная проблема формулируется в широко употребительных понятиях. Так, на вопрос о том, как Вы относитесь к суждению: "Для спасения России нужна диктатура, а не демократия", только 25% респондентов ответили "согласен", а 49% — "не согласен"³. Является ли это позицией достаточно широких слоев населения или негативные эмоции вызывает само понятие "диктатура"? Определенный ответ на данный вопрос дает исследование Экспертного института РСПП. Перед респондентами был поставлен эмоционально нейтральный, но по существу конкретный и понятный вопрос: "Как вы считаете, что сейчас России нужно больше: порядок или демократия?". Получилась совсем другая картина: "за порядок" — 75,5%, "за демократию" — только 8,7%⁴. То же самое подтверждает и мониторинг ВЦИОМа. Из предложенных 10 вариантов на вопрос: "Что в первую очередь Вы ждете от президента, за которого Вы могли бы проголосовать?" — наибольший рейтинг в апреле 1996 г. наряду с ответом: "Покончить с войной в Чечне" (57%) получил ответ: "Обеспечить укрепление закона и порядка" — 56%. Для сравнения, ответ: "Удержать Россию на пути реформ" — 15%⁵.

Резюмируя анализ фактов современной политической истории России, а также приведенные данные социологических опросов, получаем вполне определенный вывод: в отечественном политическом процессе в настоящее время существует тенденция усиления исполнительной государственной власти, тенденция, отражающая как

¹ Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полис. 1995. № 2. С. 80.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 83.

⁴ См.: Известия. 1995. 15 ноября.

⁵ См.: Сегодня. 1996. 18 апреля.

объективную ситуацию в различных сферах общества, так и умонастроения и ожидания широких слоев населения.

* * *

Мы проанализировали в сравнительном плане ряд тенденций и особенностей политического развития России на двух переломных этапах ее истории в XX в. — в 1917-1920-х гг. и в конце 80-х — начале 90-х гг. Из этого сравнительного политологического анализа вытекают, на наш взгляд, два бесспорных вывода.

Первый. Два раза в XX в. политическая демократизация российского общества очень быстро приобрела деструктивный характер и приводила к разрушению важнейших, в том числе и жизнеспособных, структур и связей в различных социальных сферах. Новая демократическая система государственного управления, попытки создания которой предпринимались усилиями постмонархических и постсоветских реформаторов, оказывалась неспособной управлять обществом в переломный период. Наоборот, в рамках этой системы наступала обстановка государственного, правового, хозяйственного хаоса и безвластия. Разрушительные и центробежные процессы начинались и в национально-государственной сфере. Государство и общество разваливалось по вертикали и по горизонтали. Все это сопровождалось прогрессирующей духовной и культурной деградацией широких слоев населения.

Второй. Остановить процесс общественного и государственного распада и деградации удавалось (относительно постсамодержавного периода об этом свидетельствуют исторические факты, а относительно современного этапа — как уже произошедшие события, так и тенденции, направленность которых становится все более очевидной) *только путем возврата к новому авторитаризму*, путем сосредоточения основных рычагов государственной власти в руках централизованных политических структур.

Думается, что ответы на возникающие в связи с этими выводами "почему?" позволят нам правильно определить сущность современного переходного процесса, его место в историческом генезисе российского общества, а также адекватные стратегические ориентиры преобразовательных процессов в современном российском обществе.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС И ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА РОССИИ

1. Современная Россия в пересечении временных ритмов

Сравнительный анализ различных периодов отечественной истории показывает повторяемость в процессах и явлениях, имеющих не поверхностное, а фундаментальное значение для развития общества. Фиксация этой повторяемости создает эвристическую основу для понимания как сути процессов демократизации в условиях России, так и природы того общества ("советского"), которое существовало между этими процессами.

Выше мы уже рассматривали наиболее распространенные сейчас концепции и модели современных преобразовательных процессов в России и пришли к выводу, что в их основе содержится общая идеология, в соответствии с которой "советское общество" становится некоей исторической аномалией. Причем прямо или скрытно под "нормой" подразумевается развитое западное общество. Такой подход создает ложные методологические предпосылки для анализа и интерпретации переломных периодов в отечественной истории. Это происходит потому, что нарушается непрерывность российской истории, разбивается единый и целостный контекст, переломные его периоды становятся аномалиями, тогда как, наоборот, они являются неотъемлемым и закономерным звеном во многовековой динамике российского социума.

Вспомним динамическую схему развития России в XVIII - начале XX в., которую мы рассматривали в предыдущей главе. В соответствии с этой схемой в революционном переломе 1917-1920-х гг. погибает общественная система абсолютной монархии, созданная Петром, и начинается новый гиперцикл российской истории, во время которого возникает и развивается новая общественная система ("советское общество"), основанная на новой модели централизация власти и собственности. Петровская модель предусматривала сосредоточение власти и собственности в руках монархического клана с опорой на дворянскую аристократию, в новой "советской" модели в качестве верхушки централизованной пирамиды выступает так называемое "кремлевское руководство" (а на длительные периоды просто неограниченная власть одного вождя), опирающееся на партийно-государственную номенклатуру.

Современные перемены в России (начало они получают еще в период существования СССР, а в настоящее время продолжаются в

разных вариациях не только в России, но и в других республиках бывшего Советского Союза) являются сложным противоречивым многоплановым процессом. Теоретически, в рамках нашей схемы социальной динамики России можно предположить два варианта интерпретации этого процесса. Первый – ломка “советской системы” и начало нового (третьего по нашей схеме) гиперцикла, связанного со становлением новой общественной системы, и прежде всего, новой модели централизации власти и собственности. Второй – промежуточный переломный процесс в рамках второго гиперцикла, т.е. внутри продолжающей и далее эволюционировать “советской системы”.

Критерием для выбора между этими двумя вариантами является состояние дихотомии “власть – собственность”. Анализ этой дихотомии показывает, что в современном переходном периоде можно выделить две фазы. Первая фаза – 1992–1994 гг. – это решительная попытка проведения “шоковых” либеральных реформ в экономике и острое противоборство различных политических сил на федеральном уровне государственной власти. Именно на этом этапе, как мы подробно показали выше, обнаруживается совпадение современных преобразовательных процессов и их последствий с первой попыткой политической демократизации России в марте–октябре 1917 г. Обе попытки закономерно оканчиваются неудачей, так как в основе обновительного процесса лежала одна и та же ложная стратегия, ориентированная только на стандарты и образцы внешнего мира (Запада) и игнорирующая императивы внутреннего российского развития. Фактически это были две попытки изменить Россию без учета самой России, ибо они совершенно не учитывали непреложный исторический факт: Россия *всегда* развивалась на общественных основах, которые для Запада являлись лишь этапом его исторической эволюции и не имели фундирующего значения во всяком случае в последние два века его истории. К таким основам необходимо отнести: а) авторитарный (недемократический) тип государства, управления обществом; б) общину (артель, трудовой коллектив, колхоз и т.п.) как первичную производственную и социокультурную ячейку общества; в) целостность (или, как говорил Н. Бердяев, тотальность) национального менталитета.

Российские реформаторы в своей преобразовательной политике упорно игнорируют эти императивы и опираются главным образом на мировой опыт модернизации общества.

Если говорить конкретно о современном этапе, то необходимо признать, что в 1992–1994 гг. были предприняты серьезные акции для изменения соотношения власти и собственности, наместились некоторые признаки перераспределения властно-собственнических возможностей и статуса различных социально-политических сил общества. Вместе с тем эти усилия и тенденции не получили (и не могли получить из-за изначально ложной стратегии) своего разви-

тия. В 1994–1995 гг. постепенно начинает просматриваться перелом в преобразовательных процессах. Различные политические силы, в том числе и те, в руках которых находились основные рычаги реформационных процессов начинают более чутко прислушиваться к тому, что происходит внутри общества. Намечается переориентация от абстрактных схем к анализу действительной российской жизни. Именно эта тенденция возврата к прежним позициям и сама возможность обратимости проведенных преобразований свидетельствовали о том, что они не затронули глубинную основу, фундамирующую конструкцию – созданную в советском обществе конкретную модель централизации власти и собственности.

В целом совокупная картина современных перемен в России является сложной и неоднозначной. В ней в причудливой форме перемешиваются и черты внутрисистемной реформы, так как сохраняется господствующая ранее дихотомия “власть – собственность”, а на отдельных этапах явно выступают черты революции с ее попытками перераспределения власти и собственности, изменения типа власти и неизбежно обусловленные всем этим такие издержки революционных эпох, как импровизация и скачкообразность в преобразованиях, высокая социальная цена реформ и т.д. Все это позволяет констатировать следующее: современное развитие приобретает черты переходного процесса, не имеющего аналогов в соответствующих периодах XIX в.

Специфические процессы в современной России заставляют в последнее время многих исследователей создавать нетрадиционные теоретические модели переходных процессов. Особенно примечательна в этом отношении дискуссия в журнале “Мировая экономика и международные отношения” под названием “Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблема переходности”¹. Уже в самом названии дискуссии содержатся по меньшей мере три момента, свидетельствующие о попытке выработки нового подхода к анализу современных перемен в России. Во-первых, участники дискуссии отходят от устоявшихся представлений о диалектическом соотношении целого и части, общего и особенного и других постулатов диалектического материализма. На передний план выдвигается идея о существовании двух типов законов: общемировых (глобальных) и локальных, действующих на уровне стран, общественных систем. М. Чешков, например, считает, что важнейшей задачей современных исследований является анализ “взаимосоотносительности двух рядов... мироцелостности и регулярности отдельных частей этой целостности”². В другом месте данный автор говорит о необходимости

¹ Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблема переходности // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 12; 1996. № 2.

² Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблема переходности // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 12. С. 6.

выявления механизмов, связующих эти “два логических ряда миробразования” или логики “двух процессуальных рядов”¹.

Во-вторых, для определения взаимодействия этих двух типов закономерностей (“двух логик” общественного развития) в дискуссии употребляется редкий термин, термин-метафора - “скрещение закономерностей”. Тем самым подразумеваются сложные вариации стыковки, наложения тенденций и отношений, формирующихся на различных срезах социальной реальности. При этом делается особый акцент на локальные закономерности, “уровень страновой реальности” (М. Чешков)². В. Гельбрас считает, что специфику локальных закономерностей определяют так называемые “культурно-исторические доминанты”, обуславливающие своеобразие социальной динамики отдельных стран (по его мнению, таких как Россия и Китай), формирующие самодостаточные условия существования этих стран, в числе которых он выделяет “ориентальную традицию нераздельности власти и собственности”³.

И наконец, в-третьих, модель взаимодействия различных социальных закономерностей в контексте современного мира непосредственно связывается с проблемой переходности, с реальными переходными, преобразовательными процессами, которые, по мнению участников дискуссии, не только происходят сейчас в отдельных странах, но и приобретают глобальные измерения.

При всей новизне и эвристической ценности идей, выдвинутых в рассмотренной дискуссии, необходимо вместе с тем признать, что мы имеем дело только с постановкой проблемы. Неясными остаются вопросы об источниках глобальных и локальных закономерностей, обусловленности этого скрещивания, его интенсивность; глобализация переходного процесса затрудняет и выявление специфических типов переходных состояний и т.д.

Думается, что прояснению этих вопросов способствует идея о существовании мировых и локальных детерминационных источников или матриц социальной динамики, создающих ее различные временные ритмы и колебания.

Несмотря на специфику современных переходных процессов в России, в целом они также подчиняются историческим национальным механизмам социальных изменений. Как и в прошлом веке, с определенным запаздыванием на российское общество оказывает свое действие внешний временной ритм. Ученые, которые в настоящее время изучают мировую экономику на основе теории длинных волн, отмечают, что в 70-х гг. нашего столетия, т.е. примерно за 10-15 лет до преобразований в СССР (России), мировая конъюнктура достигает “фазы Т” (IV цикла, если принять за основу нумерацию

¹ Там же. С. 8.

² Там же.

³ Россия на скрещении мировых и локальных закономерностей: проблема переходности // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 2. С. 50-52.

Кондратьева)¹. В этом смысле все повторяется, как и при II и III циклах “фазы T”, которые вызвали в России мощные преобразовательные процессы.

Как мы уже отмечали выше, эти процессы в указанных случаях приводили к принципиально иным изменениям в российском обществе. С одной стороны, реформы 60–70 гг. XIX в. (II цикл), с другой – революционные катаклизмы 1917–1920 гг. Причина заключается в том, что внешний ритм был сопряжен с совершенно разными по силе и интенсивности внутренними ритмами, идущими из глубин российского общества, из фундаментальных переплетений властно-собственнических отношений.

Такое понимание причины диаметрально противоположных изменений в российском обществе позволяет, на наш взгляд, адекватно интерпретировать и современные реформы.

Основной импульс этих реформ был внешнего происхождения, но ход их развития определялся сложными и противоречивыми процессами в сфере властно-собственнических отношений советской системы. Именно этим обусловлены зигзаги и колебания современного преобразовательного процесса. С одной стороны, советская модель централизации собственности и власти оказалась к 70-м гг. в достаточно критическом состоянии, что и вызвало внутренний ритм общественных перемен. С другой – эта же, хоть и деформированная система оказалась еще достаточно жизнеспособной для дальнейшего развития в несколько обновленном виде, но без разрушения ее фундамента.

Поэтому правомерно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые катастрофические элементы перемен, которые в последние годы разворачивались на наших глазах в России, мы все же переживаем не системную революцию, связанную с созданием новой модели соотношения (централизации) власти и собственности. И это не потому, что плохо старались “революционеры”, а потому, что для такой революции еще время не подошло.

Дополнительный материал для уяснения сути переходных процессов в современной России может дать сравнительный анализ этих процессов с переменами, происходящими в последние годы в бывших социалистических странах Восточной Европы.

2. Россия и Восточная Европа: “посткоммунистический” процесс в волнах мировой динамики

При сравнении процессов, которые в последние годы происходят в России (до 1992 г. – в СССР), с одной стороны, и в ряде стран Восточной Европы – с другой, мы применяем один из типов сравни-

¹ См.: Умов В.И., Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. 1992. № 4. С. 56.

тельного анализа, который можно было бы назвать актуальной региональной компаративистикой¹. Исходной позицией этого анализа является сопоставление процессов, происходящих в различных общественных системах (странах, национальных регионах) на современном историческом этапе и имеющих на поверхности явлений целый ряд схожих, повторяющихся элементов и черт.

Дальнейшей задачей данного анализа является развитие исследования от поверхности к сущности процесса, выявление причин и детерминант одинаковых явлений и изменений в различных странах и регионах, определение действительных взаимосвязей локализованных общественных образований в системе единого социума.

Евразийский субконтинент не случайно в настоящее время является важным объектом для такого компаративного анализа. В достаточно короткий период (1989–1992 гг.) по девяти странам этого региона мира, совокупная площадь которых составляет 24 млн кв. км., а население – около 450 млн человек, прокатывается мощный поток кардинальных социально-политических перемен. В этих переменах совершенно определенно просматриваются общие, повторяющиеся черты и характеристики.

Во-первых, в короткие сроки кардинальным образом изменяются политическая и экономическая системы. В политической сфере вместо однопартийного диктата компартии формируется многопартийная система и происходит реальное разделение властей, прежде всего на законодательную и исполнительную. Для реализации законодательной (или представительной) власти в результате нескольких актов свободных (или сначала относительно свободных) выборов к середине 90-х гг. избираются парламенты, а для конституирования и усиления исполнительной власти учреждается пост президента, на который в большинстве стран избирают лидера, придерживающегося, как правило, антикоммунистических позиций. В экономической сфере происходит разрушение системы директивно-планового централизованного регулирования и осуществляется постепенное и болезненное формирование рыночной экономики, сопровождающееся либерализацией финансово-ценовой сферы, приватизацией и т.д.²

¹ Проведенный нами в предыдущих главах анализ процессов, происходящих в одной общественной системе (Россия); но на разных исторических этапах ее развития, можно было бы назвать ретроспективной (или исторической) компаративистикой.

² См. подробнее: Революционные преобразования в странах Восточной Европы: причины и следствия: В 2 ч. М., 1990; Вахрамеев А.В., Дерябина М.А., Язькова А.А. Страны Восточной Европы: время кардинальных перемен. М., 1990; Восточная Европа: контуры-посткоммунистической модели развития. М., 1992; От тоталитаризма к демократии. Фрагменты учебного пособия // Преподавание истории в школе. 1994. № 7; Моцелков Е.Н. Характер и тенденции политических перемен в государствах бывшего СССР и Восточной Европы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 4; и др.

Во-вторых, в самом переходном (или трансформационном) процессе обнаруживается ряд специфических противоречий, которые с разной силой начинают оказывать существенное влияние на ход общественных перемен во всех бывших социалистических странах¹.

Каковы же эти противоречия?

1) Противоречие между объективной необходимостью замены административно-командных структур многопартийной парламентской демократией, с одной стороны, и появлением в ходе этой замены антидемократических, неавторитарных тенденций и явлений – с другой. Изучая переходные процессы в тех странах Восточной Европы, которые в силу различных исторических обстоятельств оказались в наибольшей степени готовы к демократическому развитию (Венгрия, Чехо-Словакия, Польша), исследователи вынуждены были отметить, что и здесь “постепенно возникает потребность в авторитарном толчке “извне”, в директивных методах перевода общественного организма в новый ритм существования”².

2) Противоречие между объективной потребностью перехода в условиях современного этапа НТР от централизованной, планово-директивной экономики к рыночному, многоукладному хозяйству, с одной стороны, и реальными социальными препятствиями, барьерами, которые имманентны самой трансформирующейся системе, исторически обусловлены, – с другой. Переход к рынку в Восточной Европе оказался более сложным и непредсказуемым, чем это предполагалось ранее. На этом пути реформаторы столкнулись с целым рядом препятствий, барьеров, которые не предусматривались различными теоретическими моделями и не встречались ранее в исторической практике³.

Необходимо отметить, что исследователи на Западе сразу же (хотя, по-видимому, в большей степени интуитивно) почувствовали специфическую и уникальную природу переходных процессов в СССР и Восточной Европе. Не случайно получившие сначала широкое распространение такие понятия, как “посткоммунистический процесс” или “посттоталитарный процесс”, достаточно быстро исчезли из научной литературы и на их месте появились более широкие и даже метафорические понятия – “трансформация”, “перелом” и т.п.

В западных исследованиях переходных процессов в бывших социалистических странах обнаружилось два основных подхода. В со-

¹ Мощелков Е.Н. Противоречия общественных трансформаций в Восточной Европе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1991. № 5. С. 79–88.

² Восточная Европа - 91: адаптация и трансформация государственных структур // Полис. 1991. № 5. С. 171.

³ См. подробнее: *Ослунд А. Шоковая терапия в Восточной Европе и России / Пер. с англ. М., 1994; Кравчик Р. Распад и возрождение польской экономики. М., 1991; Розати Д. Пять лет рыночных преобразований в Восточной Европе: ожидания, результаты и задачи политики // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4.*

ответствии с первым эти процессы рассматривались через призму теории модернизации, хотя и оговаривались при этом трудности и специфические проблемы, с которыми неизбежно столкнутся на этом пути страны Восточной Европы. Так, например, Я. Корнай сформулировал свою позицию по данному вопросу следующим образом: "Западные ценности... могут быть восстановлены или созданы длительным историческим процессом. ...Мы должны учиться на опыте Запада, но не перенимать его бездумно... Искусственная трансплантация, поспешно навязанная этим обществам (имеется в виду Восточная Европа. — *Авт.*), будет отторгнута их живыми организмами"¹. Этой же позиции придерживается и Ю. Хабермас, выпустивший в 1990 г. книгу, в которой анализируются перемены в Восточной Европе, с названием, говорящим само за себя: "Догоняющая революция"².

Существует и другой подход. Р. Дарендорф, например, говоря об изменениях в Восточной Европе, полагает, что "переход не означает и не должен означать замены одной системы на другую"³. Дарендорф разбивает эту идею в книге размышлений о переменах в бывших социалистических странах, общий лейтмотив которых сводится к предостережению от упрощений в оценках происходящего в Восточной Европе, сведению современных перемен к переходу от социализма к капитализму⁴.

Думается, что действительно раскрытие сути переходных процессов в восточноевропейских странах невозможно в рамках формационной логики. Это достижимо только на базе более широких фундаментальных представлений о ходе мировой динамики, о фазе этой динамики, на которой она оказалась в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в.

Восточная Европа расположена между Западом и Россией. Эта географическая реальность создала сложную систему взаимодействия данного региона с мощными соседствующими центрами мирового сообщества. Если проанализировать историческую эволюцию взаимоотношений стран Восточной Европы и России на протяжении последних полутора веков, то можно легко выявить следующую закономерность: в периоды общественного подъема усиливается пророссийская ориентация Восточной Европы, в отношениях России и восточноевропейских стран начинают преобладать солидарность, консолидация, взаимопонимание и одновременно с этим ослабляются связи этих стран с Западом. И наоборот: в кризисные

¹ Корнай Я. Путь к свободной экономике. М., 1990. С. 10–11.

² Habermas J. Die nachholende Revolution. Frankfurt / M., 1990.

³ Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 71.

⁴ См.: Darendorf R. Betrachtungen über die Revolution in Europa in einem Brief, der an einen Herrn in Warschau gerichtet ist. Stuttgart, 1990.

периоды российской истории в ее отношениях с Восточной Европой наблюдаются прямо противоположные тенденции и явления.

Так, в конце XIX – начале XX в., когда Россия вступила в полосу экономического бума и социально-политических реформ, ее связи со многими странами Восточной Европы заметно укрепляются. Ориентация различных слоев общества и политических сил (хотя и под разными идеологическими лозунгами) на Россию в противоборстве с австрийским и турецким влиянием и диктатом становится в этот период решающим фактором социально-политического развития Восточно-Европейского региона¹. В этих условиях возрастает патронажная роль России для небольших народов Восточной Европы, что во многом и определило соотношение сил накануне первой мировой войны. В конечном итоге и главной причиной этой войны стало неразрешимое мирным путем противоречие интересов Германии, которая стояла за спиной австрийской военщины, формально развязавшей войну, и России в Восточно-Европейском регионе, в частности на Балканах. Последующий период (20-30-е гг.) – сложный и болезненный процесс социалистического переустройства России, сопровождающийся большими людскими потерями и экономической нестабильностью, закономерно отмечается усилением западного влияния в Восточной Европе. Этот регион превращается в сплошную поху авторитарных, прозападно (в большей части прогермански) ориентированных режимов и выполняет функцию “санитарного кордона” между Россией и западным миром². После второй мировой войны картина геополитического взаимодействия на европейском континенте принципиально меняется. Восточная Европа поворачивается в сторону Советского Союза – великой державы, одержавшей победу над фашистской Германией и вступившей в новую фазу своего общественного подъема. В этот раз консолидация СССР и Восточной Европы приобретает конкретные организационные формы, приводит к созданию в этом регионе ряда международных структур (Варшавский Договор, СЭВ).

На рубеже 80–90-х гг. в условиях распада СССР, экономического и социально-политического кризиса в России, консолидация снова сменяется отчуждением, прозападная ориентация Восточно-Европейского региона опять становится реальностью.

Повторяющаяся на длительном промежутке времени смена моделей отношений России и Восточной Европы свидетельствует о существовании объективно детерминированного механизма взаимодействия стран в этом регионе, а также о том, что рассматривать и анализировать это взаимодействие целесообразно в контексте социальной динамики системы “Запад-Россия”³.

¹ См. подробнее: Новая и новейшая история (второй период). М., 1976. С. 166–225.

² См.: Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.

³ Думается, что социалистический строй в таких странах, как Куба, Вьетнам, КНДР удержался после распада СССР и краха социалистического содружества в Европе преж-

Не трудно заметить, что определенные выше временные рамки смены типов взаимодействия Восточной Европы с Западом и Россией в целом совпадают, с одной стороны, с кондратьевскими волнами мировой (главным образом западной) конъюнктуры, а с другой — с циклами российских реформ — контрреформ, во время которых меняется национальный временной ритм развития российского социума. Тем самым динамика развития восточноевропейских стран, являющихся по многим объективным параметрам небольшими общественными системами, определяется прежде всего внешними источниками социальных детерминаций, зависит от конкретно-исторических взаимодействий или пересечений западного и российского временных ритмов. Рассматривая периодическую смену геополитических ориентаций Восточной Европы как целостной региональной системы, необходимо отметить, что внутри этой целостности существуют и значительные различия. В XIX в. в Европе сформировались две геополитические дуги (или пояса): 1) Запад — Австро-Венгрия — Польша — Россия и 2) Россия — Болгария — Балканы (Сербия), в каждой из которой сложились исторические предпосылки для притяжения определенных стран друг к другу. В числе этих предпосылок не последнюю роль играет конфессиональный фактор — католицизм и православие. И если мы более внимательно присмотримся к ходу развития отношений определенных восточноевропейских стран с тем иным центром силы (Запад или Россия) на каждом историческом этапе, то увидим, что степень интенсивности и характер этих отношений заметно отличаются. Так, например, в период советского влияния на Восточную Европу в 50–70-е гг. такие страны, как Венгрия, Чехословакия, Польша (первый геополитический пояс), труднее всего поддавались диктату со стороны СССР. Не случайно именно в этих странах произошли наиболее крупные антиправительственные выступления, которые, как правило, удавалось подавить только при помощи советских войск. Аналогичная картина наблюдается и в настоящее время. В условиях геополитической переориентации Восточной Европы на Запад именно страны первого пояса (Венгрия, Польша, Чехия) наиболее решительно встали на путь либеральных реформ, тогда как страны второго, пророссийского пояса (Болгария, Югославия, Румыния) двигаются в этом направлении значительно медленнее и осторожнее. Существенно отличаются по этим группам стран результаты и последствия рыночных реформ. Социально-экономическая ситуация в странах первого (прозападного) пояса в настоящее время значительно лучше и стабильнее, чем в странах второго (пророссийского) пояса. Таким образом, социальная динамика в системе “Запад — Восточная Европа — Россия” обуславливается двумя важнейшими

де всего потому, что эти государства оказались за пределами непосредственного влияния системы социальной динамики “Запад — Россия”.

факторами: во-первых, периодической сменой векторов геополитического притяжения Восточной Европы к одному из доминирующих на данном историческом этапе центру силы (геополитические "качели") и, во-вторых, двумя исторически сложившимися геополитическими поясами. Данная модель позволяет лучше понять природу современных переходных процессов, создаст прогностическую и эвристическую базу для разработки преобразовательной стратегии, которая в свою очередь позволит с научных позиций подойти к решению сложнейшей проблемы управляемости общественными трансформациями.

3. Главные стратегические ориентиры современных преобразований в российском контексте

В целом стратегия трансформационного процесса является неким промежуточным концептом, с одной стороны, общим, основанным на понимании природы и закономерностей переходных состояний в целом, с другой – достаточно конкретным, позволяющим ясно представлять исходные позиции реального процесса, его основные тенденции и главные ориентиры в контексте национального исторического развития. Для выработки такой стратегии необходимо решить две концептуальные задачи.

1. Определить место современного этапа развития России в историческом процессе ее социально-политической динамики и тем самым максимально точно определить, в каком узле, пересечении внешних и внутренних временных ритмов страна находится в настоящее время. Именно это и позволит правильно ответить на главный вопрос современных дискуссий: "От чего и к чему идет современная Россия?"

2. Определить наиболее приемлемые и эффективные алгоритмы трансформации современного российского общества, исходя из исторического опыта России.

Решение этой двуединой задачи позволит отойти от концепции "ломки социализма" – социально-политического строя, существовавшего в России всего 70 лет, и перейти к стратегической модели реформирования общественной системы, которая имеет многовековую траекторию социальной динамики. В современной политической борьбе в России о стратегии преобразований говорят много. Но чаще всего употребление этих понятий имеет метафорический характер, существующие стратегические разработки сугубо прагматичны, у них отсутствует серьезная философско-методологическая база.

Встречаются и исключения. В качестве таковых укажем на две стратегические модели, принципиальные положения которых наиболее соответствуют научной позиции автора настоящей работы. Речь идет о "евразийском проекте" А.С. Панарина и о стратегии ре-

формирования экономики России, разработанной группой под руководством Л.И. Абалкина¹. Обе модели имеют много общего, но различаются тем, что первый – это концепт, основанный прежде всего на философско-политологическом осмыслении проблемы, а второй – это по преимуществу политэкономическая концепция.

Не рассматривая подробно содержание данных проектов, остановимся на их исходных методологических идеях, которые и создают основу для выработки реалистических преобразовательных программ в условиях современной России.

Первая идея. Оба проекта (концепции) строятся на положении о необходимости рассматривать современную ситуацию в России в контексте существующих мировых взаимосвязей. Перемены в России являются составной частью глобального процесса, специфическим отражением переходов и преобразований, которые переживает в настоящее время мир в целом. "... Нынешняя модернизация, – пишет, например, Панарин, – тем и отличается от предыдущих, что протекает в контексте общемирового сдвига, связанного с переходом от индустриального общества к постиндустриальному. Даже в обществах, не успевших завершить предыдущую стадию индустриализации, постиндустриальный контекст учитывается: никто не может уклониться от глобальных, общепланетарных тенденций"². В "Проекте Абалкина" данная мысль формулируется следующим образом: "Развитие общества в последней трети XX в. протекало под знаком нарастания противоречий и углубления кризиса индустриализма, поворота к формированию *основ новой постиндустриальной цивилизации*... Назрела необходимость в переходе к новому типу экономического роста, трансформации социально-экономических отношений, становлению общественных систем нового типа – то есть к новой постиндустриальной цивилизации..."³.

Вторая идея. Современные преобразования в России не могут быть эффективными без учета национальной общественной традиции, уникальности и самодостаточности пути развития Российского государства и российского общества. В противном случае преобразования будут ориентироваться прежде всего на "чужой опыт", тогда как исторический анализ показывает, что непосредственное применение этого опыта разрушающим образом действует на ткани российского социума. Вот только некоторые высказывания по этому вопросу у Панарина: "Русскому народу приходилось решать задачи, требующие особой стратегии... *Самоценность* России означает в методологическом отношении, что ее историческую судьбу нельзя

¹ В наиболее полном виде данные проекты опубликованы в следующих изданиях: Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995; Стратегия реформирования экономики России (аналитический доклад) // Вопросы экономики. 1996. № 2. С. 4–73.

² Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С. 3–4.

³ Стратегия реформирования экономики России (аналитический доклад) // Вопросы экономики. 1996. № 2. С. 9.

просто дедушировать из неких "более общих" понятий, в том числе таких, как прогресс и демократия, а в аксиологическом отношении - что нет таких целей и ценностей, во имя которых можно пожертвовать Россией... В отличие от атлантической стратегии "рассасывания" и "втягивания"... евразийская стратегия требует, напротив, *кристаллизации и обособления*"¹.

По-своему данная проблема национальной специфики России трактуется в "Проекте Абалкина": "Уникальность российской государственности состоит в том, что в ней совпадают понятия цивилизации, общества, экономики. Это помогает понять, почему в России именно государство выступало инициатором и главным субъектом проведения социально-экономических реформ. Нет оснований полагать, что нынешний период может быть исключением. В стратегию российских реформ необходимо закладывать не либерально-утопические проекты "обвального" ухода государства из экономики, а парадигму развивающегося государства"².

В настоящее время оба рассмотренных выше исходных положения преобразовательной стратегии в России привлекают все большее внимание в научных и политических кругах. Автор настоящей работы также хотел бы дополнить и развить данные положения собственными размышлениями, остановившись прежде всего на вопросе о специфике российского общественного развития, путей обновления России в современных условиях.

Мы уже говорили о печальной судьбе российских реформ, которые, как правило, заканчивались откатом назад, контрреформами. Преобразовательные проекты Сперанского в основном остались на бумаге, неудачными в конечном итоге оказались и реформы Витте и Столыпина. Только реформы 60-70-х гг. XIX в. принято считать успешными. Их даже называют "великими" - все-таки отменено крепостное право! Но посмотрим, как оценивали пореформенную ситуацию в русском обществе два либерально мыслящих современника этих реформ. Так, Чичерин писал: "...Казалось бы, что современные преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем в действительности произошло не то. Вместо подъема мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение... Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы..."³. Еще более остро и метафори-

¹ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе. М., 1995. С. 28, 97, 160.

² Стратегия реформирования России (аналитический доклад) // Вопросы экономики. 1996. № 2. С. 18.

³ К. Н. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. Т. 1, п/т 1. М.; Пг., 1923. С. 104-105.

ческую оценку дает Ключевский: "Реформа пронеслась над народом, как тяжелый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой"¹.

В чем же причина такого удручающего итога попыток реформирования российского общества? Такой причиной, на наш взгляд, может быть только одна: реформы задумывали, разрабатывали и проводили государственные деятели, ориентирующиеся на западный путь развития для России, на стратегию догоняющего развития (от Сперанского до Витте)².

Абсолютно понятно, что начатые в 1992 г. в России политическая демократизация и либерализация экономики были не чем иным, как еще одной попыткой реализации прозападной стратегии. История ничему не научила современных российских реформаторов, она не заставила задуматься над печальной участью реформ XIX – начала XX в., которые не сглаживали, а, наоборот, усугубляли многие общественные противоречия, создавали условия для накопления горючего материала будущих революционных катаклизмов. Игнорирование исторического опыта скрыло от них одну важную истину: прозападные инновации в России всегда наталкивались на сопротивление нации. Живые ткани российского общества отталкивали эти инновации как инородное тело, искали трудные и болезненные пути и формы защиты и социальных компенсаций.

На данное обстоятельство обратил внимание в начале века русский историк и социолог М.М. Ковалевский: "...Перестройка русского политического строя по иностранным образцам несколько не помешала сохранению самобытных русских обычаев и институтов; и, правду говоря, законы и регламенты, заимствованные на Западе и привитые к русскому стволу, подверглись сильному воздействию природы последнего. Неудивительно поэтому, что Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала. Не этим ли подражанием одной лишь форме нужно объяснить тот факт, что применение европейских учреждений не привело в России к уничтожению остатков неограниченной, деспотической власти, общей всем восточным монархиям? Ибо власть эта в России изменила лишь свою внешность"³.

Очень чутко эти подспудные процессы и изменения в дореволюционной России в периоды общественных переломов улавливали сторонники и идеологи контрреформ. Поэтому думается, что для се-

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 215.

² О прозападной ориентации Сперанского мы уже упоминали выше. А вот что говорил через сто лет Витте: "В России происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон" (цит. по: Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991. С. 18).

³ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. Спб., Б.Г. С. 4.

годняшнего дня полезно прислушаться к мнениям и выводам не только сторонников реформ, но и их противников. В литературе политическую и идеологическую позицию противников российских реформ чаще всего связывает с консервативно-охранительной, славянофильской идеологией и оценивают ее, в целом, как правило, негативно. Но попробуем отвлечься от идеологических аспектов данной проблемы и поискать рациональные зерна в славянофильских идеях. Разумеется, речь в данном случае не идет о каком-то возрождении славянофильства. Нельзя просто совершенно игнорировать целый ряд самобытных концептов, построенных на глубоком понимании российской идентичности.

Поясним данную мысль на примере двух характеристик славянофильства, которые мы находим в фундаментальном труде Н.И.Цимбаева по данной проблеме: 1) "Славянофилы искали ответы на злободневные вопросы русской действительности середины XIX в., их учение может быть понято и должно быть изучаемо только в контексте этой действительности"¹ и 2) "Славянофилы стремились мыслить исторически, им было присуще желание вывести свою политическую программу из исторического опыта русского народа, из исторически сложившихся свойств русского народного характера"². Между этими двумя положениями существует определенное противоречие. Все зависит от того, как мы интерпретируем ход русской истории. Если мы его понимаем только в рамках линейно-поступательного развития, то славянофильство однозначно становится для современного аналитика симбиозом охранительного консерватизма и патриархального романтизма, тоскующего по порядкам Московской Руси, и тогда вторая оценка Цимбаева является не более чем метафорой. Если же мы все-таки исходим из представления о более сложной динамике российского общества, в которой совершенно определенно происходят возвратно-повторяющиеся процессы, то тогда картина меняется, и вторая оценка, наоборот, становится наиболее значимой. Тогда в сочинениях славянофилов мы открываем для себя глубокую и злободневную по сей день альтернативу прозападным инновациям на российской почве, начинаем понимать конструктивную природу славянофильства, суть их критики некоторых сторон самодержавного режима. Анализ этой критики может быть полезен как для понимания хода дореволюционной истории России, так и эпохи современных преобразований.

Смысл данной стороны славянофильства сформулировал в 1875 г. К.С. Аксаков: "...Славянофилы думают, что должно воротиться не к *состоянию древней России* (это значило бы окаменение, застой), а к *пути древней России* (это значит движение)... Славянофилы желают

¹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 115.

² Там же. С. 117.

не возвратиться назад, но вновь идти вперед прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что истинный... Спор может быть лишь об истине путей..."¹.

Так в чем же заключается эта истина русского пути? По мнению славянофилов, ее нужно искать в уникальных и специфических особенностях российской государственности, заключающихся в том, что внутри системы центральной монархической (авторитарной) власти всегда существовали ячейки, элементы местной демократии. В.О. Ключевский, например, упоминает институт земских старост, избираемых населением и имеющих достаточно большие полномочия в решении многих вопросов повседневной жизни². Именно такое особое устройство (тип) государства, в котором органично соединена низовая представительная демократия и сильная власть центра, И.С. Аксаков считал "русским политическим идеалом", указывая при этом на то, что "со стороны правительства здесь нет уступки власти, а лишь возвращение власти в ее истинные пределы, где только она и может быть вполне могущественна..."³.

Задача верховной (авторитарной) власти — обеспечивать централизованный и жесткий контроль и принуждение в исполнении законов и правил общественного строя. Функция низовой (местной, земской) демократии состоит в создании условий для функционирования гражданского общества, в обеспечении нормального процесса реализации частных и коллективных (общинных) прав. В этом и суть самодержавия славянофильского типа — "много умов и одна воля", — в отличие от самодержавия бюрократического типа (полицейское государство) — "государство — это я" или от самодержавия западного типа — "много умов и много воля"⁴.

Разумеется, что реальная общественная жизнь в России была далека от этого идеала. Но именно приближение или отдаление от него обуславливало степень общественной стабильности в стране. Не случайно в конце XIX — начале XX в. тенденция самодержавия к излишнему и даже тотальному администрированию из центра вызывала критику практически всех общественных сил.

Данный анализ особенностей российской государственности вполне актуален и сегодня. Либеральные идеологи современных реформ исключают авторитаризм даже в качестве переходной ступени к подлинной демократии, но при этом совершенно не задумываются над национальным историческим опытом совмещения, соединения авторитаризма и демократии. Причем этот опыт можно почерпнуть не только в дореволюционной, но и в советской истории. В этом, как впрочем, и во многих других случаях, обнаруживается влияние ба-

¹ Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М., 1910. С. 112.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1987. С. 331–332.

³ Теория государства у славянофилов: Сб. статей. СПб., 1898. С. 14.

⁴ Киреев А. Краткое изложение славянофильского учения. М., 1896. С. 32.

зовых идеологом западного менталитета, среди которых противопоставление авторитаризма и демократии является важнейшей. Таковой же позиции придерживаются и многие российские ученые и политики. Вот, например, типичное высказывание: "Шансы на развитие демократических тенденций в нашей политической системе вполне реальны, несмотря на наличие тенденций авторитарного порядка".

Е.Б. Шестопап в своей статье анализирует перемены, которые происходят в настоящее время в национальном менталитете. Но другие исследования в данной области свидетельствуют о том, что западная формула противопоставления авторитаризма и демократии некорректна в российских условиях еще и потому, что в понятие "авторитаризм" на Западе и у нас вкладывают явно различное содержание. Специалисты Фонда "Общественное мнение" делают из своих исследований следующие выводы: "Авторитарные настроения государственного человека – это не что иное, как запрос на жесткое государственное регулирование экономики (будь то ради рынка или, наоборот, сдерживания его развития) при сохранении политических свобод. Исторических прецедентов такого авторитаризма нет (и вряд ли могут быть), но прецедент запроса на него посткоммунистическая Россия создать уже успела". И далее: "Российский авторитаризм только ищет свою идеологическую форму. Но какой бы она ни была, негатив, отрицательный аналог у нее уже есть. Если авторитаризм утвердился в России, то он утвердился под флагом антизападничества. Либерально-западнический вариант "жесткой руки" не имеет сегодня в массовом сознании почти никакой опоры"³. Значит, и современный российский менталитет готов к восприятию исторической формы российской государственности, основанной на сочетании, синтезе авторитаризма и демократии.

Отсюда вывод: модель такого политического дуализма должна стать *первым* ориентиром стратегии общественных трансформаций.

В поиске другого ориентира нам также могут помочь идеи славянофилов. Так, они обращали, в частности, внимание на то, что в России исторически сложился особый статус права собственности, который, по мнению И.В. Киреевского, является как бы случайным или второстепенным по отношению к статусу личности. Это проявляется и в общине, где "с увеличением числа лиц увеличивается и количество земли, а с уменьшением – уменьшается", и в помещичьем землевладении, при котором "отношение помещика к государству зависит не от поместья его, но его поместье зависит от его личных отношений...". Все это, по общему заключению Киреевского, озна-

¹ Шестопап Е.Б. Перспективы демократии в сознании россиян // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 60.

² Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.Д. Между авторитаризмом и демократией // *Полис*. 1995. № 2. С. 65.

³ Там же. С. 85.

чает, что в России "общество слагалось не из частных собственности, к которым приписывались лица, но из лиц, которым приписывалась собственность"¹. Данное явление русского общества дореволюционных веков, которое специфическим образом наблюдалось и в советский период его истории, заставляет задумываться над стратегией современных экономических преобразований. Не в том ли причины целого ряда деструктивных и разрушительных последствий быстрого перевода советской экономики в рыночные условия, что при этом были полностью проигнорированы глубинные национальные традиции, и в частности, историческая традиция отношения власти и собственности, статуса собственности в системе общественных связей? Как тут не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д.И. Менделеева, напряженно думавшего о судьбе России, об обустройстве ее жизни: "Артельно-кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России, именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям и к общинному хозяйству"².

У некоторых же современных авторов специфические социально-экономические реалии российской истории вызывают совершенно другие ассоциации: "...В России как минимум со времен Ивана Грозного шло складывание *антиэкономики*, этого своеобразного *хозяйственного антимира*, внешне как-будто и сходного с экономикой европейского типа, а на самом деле в корне, принципиально отличного от него"³. Не трудно заметить, что за подлинную "экономiku" и подлинный "мир" принимается Запад. При этом невольно напрашивается следующая мысль: если эта российская "антиэкономика" смогла обеспечить существование огромного государства (и по территории и по населению) на протяжении нескольких веков, то не является ли такой тип экономики не "анти", а подлинной, наиболее адекватной для данной общественной системы. Не заводят ли нас сугубо экономические сравнения в определенные "ловушки".

Действительно, по экономическим показателям Россия всегда отставала от Запада. Но если взять такой важный показатель могущества любого государства, как военно-политические победы, то получается иная картина: на протяжении XVIII–XX вв. Россия постоянно одерживала верх в наиболее критических ситуациях противостояния держав на мировой арене. Начало XVIII в. – победа над Швецией, конец XVIII в. – победа над Турцией, начало XIX в. – над

¹ Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М., 1910. С. 37–38.

² Менделеев Д.И. Грань познанию предвидеть невозможно. М., 1991. С. 74–75.

³ Косолапов Н. Россия: в чем же все-таки суть исторического выбора? // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 11. С. 13.

наполеоновской Францией, начало XX в. – вероятная победа над Германией, середина XX в. – разгром гитлеровской Германии.

В данном перечислении названы побежденные Россией державы, которые в определенное время доминировали в Европе и даже вынашивали планы мирового господства. Конечно, у России были и военные поражения, например в Крымской войне или в русско-японской войне 1904–1905 гг., но на фоне стратегического успеха, который сопутствовал России на протяжении трех веков, эти поражения становятся исключением из правила.

Отсюда следует, что и определение могущества государства, и сама проблема достижения большей экономической эффективности должны анализироваться на основе более широкого набора параметров. На данную мысль наводит и общественный опыт других стран, являющихся, как и Россия, сложными и долгоживущими политическими и социокультурными системами. Так, один из исследователей современного Китая приходит к следующему заключению: “Кризис европоцентристской модели модернизации стимулировал – и в мире, и в Китае – стремление рассматривать проблемы развития в более широком плане: не только как экономические или политико-экономические по преимуществу, но прежде всего как коренящиеся в общем контексте культуры. Традиционному отождествлению развития с экономическим ростом было противопоставлено подчеркнутое внимание к роли духовных ценностей в определении темпов экономического роста и верификации его целей”¹.

Таким образом, *вторым ориентиром* стратегии трансформации современного российского общества должна стать модель соотношения власти и собственности, политики и экономики, в которой сильная государственная власть занимала бы доминантные позиции в системе хозяйственных связей, владела бы рычагами управления или влияния на основные, базовые отрасли экономики, располагала бы достаточными возможностями для мобилизации ресурсов при решении общенациональных задач.

Можно было бы выделить и другие стратегические ориентиры обновления российского общества, но приведенные выше – соотношение авторитаризма и демократии, особая роль государства в системе собственности – являются, на наш взгляд, важнейшими, базовыми. Без их учета невозможна успешная политика по реформированию современного российского общества.

Разумеется, это не исключает, а, наоборот, предполагает точное понимание характера и степени влияния на российские процессы общемировых тенденций. Но важно правильно определить соотношение этих двух процессов или двух потоков одного процесса, которое, на наш взгляд, соответствует следующей формуле: *современные преобразовательные процессы в России происходят при суще-*

¹ Бергер Я.М. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис. 1995. № 5. С. 72.

ственным влиянии общемирового (внешнего) тренда, но по своим внутренним законам развития.

Философско-политологический анализ переходных процессов в России как прошлого, так и настоящего, который проведен в данной работе, свидетельствует о том, что без знания этих законов невозможно осуществление в российском обществе каких-либо глубоких и эффективных преобразований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Негативные явления и серьезные трудности, с которыми в настоящее время столкнулось российское общество на пути реформ, указывают, в том числе и на слабую разработанность теоретико-методологических оснований преобразовательной политики в специфических условиях современной России. При этом важно осознавать масштаб научной задачи, которая стоит перед исследователем. Данная задача заключается в том, что необходим синтез в одном теоретическом контексте нового общетеоретического (парадигмального) видения проблемы социальных изменений и переходностей, с одной стороны, и моделей социальной динамики России как и самодостаточного общественного организма, моделей специфических переходных процессов в российском обществе – с другой.

Анализ современных научных разработок показывает, что мы находимся сейчас на самых начальных стадиях решения этой задачи, хотя уже перед нами открываются широкие горизонты познания и обобщения общественной практики. Как и в эпоху Просвещения, человеческий разум снова как бы открывает самого себя. Только сейчас, в отличие от XVIII в., разум человека не просто *верит* в свою силу и могущество, а точно *знает* о своих возможностях влияния на ход социальных процессов благодаря познанию их природы, механизмов и детерминантов развития.

Вспомним великих русских мыслителей-космистов дореволюционного поколения, которые, по-видимому, намного опередили свое время, когда выдвинули *идею активной эволюции*, ратовали за необходимость активного влияния разумного человечества (и прежде всего науки) на процесс освоения и изменения социальных условий, за то, чтобы взять "штурвал эволюции в свои руки"¹.

Думается, что в настоящее время мы находимся на пороге такой эпохи, когда мысли русских космистов могут реализоваться на практике.

¹ См.: Русский космизм: Антология философской мысли. М., 1993. С. 4.

Оглавление

ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ: ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	3
ГЛАВА 1. РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ВРЕМЕННЫЕ РИТМЫ ИСТОРИИ.....	18
1. "РОССИЯ И ЗАПАД": НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ПРОБЛЕМУ	19
2. РОССИЯ В ПОТОКЕ ДЛИННЫХ ВОЛН МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (МОДЕЛЬ КОНДРАТЬЕВА)	27
3. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ЦИКЛИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	33
4. ДИХОТОМИЯ "ВЛАСТЬ – СОБСТВЕННОСТЬ" И МАТРИЦА ВРЕМЕННОГО РИТМА РОССИИ	53
4.1. <i>Политический и социально-экономический аспекты проблемы</i>	54
4.2. <i>Социокультурный аспект проблемы</i>	62
4.3. <i>Геополитический аспект проблемы</i>	65
5. ВРЕМЕННАЯ РИТМИКА И СПЕЦИФИКА ПЕРЕХОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ	71
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕМЕМЫ В РОССИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС	76
1. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ДИСКУССИИ О СОВРЕМЕННЫХ ПЕРЕМЕНАХ В РОССИИ.....	76
2. ПРОТИВОРЕЧИЯ И МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: УЗНАЕМ НАСТОЯЩЕЕ В ПРОШЛОМ.....	91
2.1. <i>Преобразование системы органов верховной государственной власти</i>	93
2.2. <i>Процессы в сфере национально-государственных отношений</i>	101
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС И ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА РОССИИ.....	130
1. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В ПЕРЕСЕЧЕНИИ ВРЕМЕННЫХ РИТМОВ	130
2. РОССИЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: "ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ" ПРОЦЕСС В ВОЛНАХ МИРОВОЙ ДИНАМИКИ	134
3. ГЛАВНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	140

CONTENTS

Chapter 1. RUSSIAN POLITICAL PROCESS AND THE TEMPORAL RHYTHMS OF HISTORY

1. "Russia and the West": a new approach to the old problem.
2. Russia in the "long waves" stream of the World economics (the Kondratiev's model).
3. The social-political development of the Russian society as a cyclic process.
4. The "poor-property" dichotomy and the temporal rhythm matrix of Russia.
5. The temporal rhythmic and specifics of the transformation in Russia.

Chapter 2. MODERN CHANGES IN RUSSIA AS A SPECIFIC TRANSFORMATION PROCESS

1. The discussions in the country on the present-day changes in Russia.
2. The contradictions and metamorphosis of the political democratization in the Russian society: recognising the past in the present.

Chapter 3. THE MODERN TRANSFORMATION PROCESS AND RUSSIA'S HISTORICAL SOCIAL DYNAMICS

1. Modern Russia in the temporal rhythms intersection.
2. Russia and East Europe: "postcommunist" process in the world dynamics waves.
3. The main strategic points of the present day transformations in the Russian context.

Научное издание

МОЩЕЛКОВ Евгений Николаевич

ПЕРЕХОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики

Зав. редакцией Н.А.Рябкина
Технический редактор Н.И.Матюшина

И/К
Лицензия ЛР № 040414 от 27.03.92.

Подписано в печать 22.08.96. Формат 60x90/16. Бумага тип. № 2. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд.л. 10,4. Тираж 500 экз. Заказ № 1193. Изд. № 6370.

Типография ордена "Знак Почета" изд-ва МГУ.
119899, Москва, Воробьевы горы.